

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Мэри Элизабет Брэддон ТАЙНА ИНДИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ

I ВСТРЕЧА НА КОСОГОРЕ

Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы деревьев, венчавшие вершину одного из косогоров графства Суссекс.

Издали доносился глухой ропот морских волн, который смешивался с жалобным стоном сентябрьского ветра. По узкой тропинке на вершине косогора ходила взад и вперед молодая женщина в трауре, не сводя глаз с пылающего небосклона и блестящего красноватым светом моря. Между кустами бегал мальчик лет семи, лишь иногда останавливаясь, чтобы сорвать желтые цветы, которые уже через пять минут топтал ногами. Из труб хижин, теснившихся в долине, поднимался дым, оживляя этот суровый ландшафт. На извилистой дороге, ведущей к горе, стоял небольшой фаэтон, запряженный парой резвых лошадок, ожидая гуляющих на вершине людей. Экипаж был тут около часа, а груму уже надоело ходить вокруг него и прислушиваться к полету куропаток да к изредка раздававшимся в лесу выстрелам какого-нибудь охотника.

— Когда ты поедешь домой, мама? — спросил ребенок, подбегая к матери.

— Скоро.

— Я так устал...

— Мой Руперт!

Молодая женщина нежно положила руку на плечо мальчика, продолжая всматриваться туда, где солнце исчезало за морем.

— Дитя мое, доктор Персон говорит, что тебе нужно больше двигаться, поэтому-то я и привезла тебя сюда. Побегай еще, мой милый... побегай.

— Я не люблю бегать... Давай, мама, играть в лошадки.

Мать глубоко вздохнула и, покрепче стянув шаль вокруг талии, приготовилась выполнить просьбу ребенка. Это была женщина довольно высокого роста, но очень деликатного телосложения, причем поразительно хорошенькая. Ее большие, ясные голубые глаза были прекрасны, хотя им и недоставало выразительности, а маленький тонкий носик, рот, который далеко не свидетельствовал о силе характера, и длинные светло-русые волосы делали ее весьма привлекательной, хотя строгий ценитель мог бы сказать, что такое лицо скорее подошло бы кукле, чем одушевленному существу. Молодая женщина еще сильнее стянула шаль, завязала ее концы и, вручив их сыну, начала бегать по косогору, в то время как мальчик погонял ее слабым, визгливым голосом — он называл это игрой в лошадки.

Она бегала довольно медленно, но все же достаточно живо для того, чтобы ребенок был доволен. Вскоре, однако, у нее перехватило дыхание, она остановилась и прижала свои маленькие, обтянутые перчатками руки к сильно бьющемуся сердцу. Мальчик продолжал дергать концы шали.

Вдруг прямо перед ней на тропинке показался мужчина, которого она не видела вот уже восемь лет. Лучи угасающего солнца освещали его смуглое бледное лицо, отражались в карих глазах, и огромная тень легла на склон холма.

— Капитан Вальдзингам! — в ужасе воскликнула молодая женщина.

— Леди Лисль, — сказал новоприбывший, снимая шляпу.

Осенний ветер взметнул пряди черных волос капитана и бросил их на его низкий лоб. Он был красив, но его мрачная красота носила весьма своеобразный характер: правильные, но резкие черты лица, смуглая кожа, а карие глаза казались совершенно черными из-за густых и темных ресниц. Высокого роста, широкоплечий и сильный, он опирался на трость с золотым набалдашником. Встреча эта, очевидно, не удивила его, и на его лице не отражалось ничего, кроме легкого оживления.

После минутного молчания он проговорил:

— Я прочел в одном журнале, что он умер.

Леди Лисль кинула на него полуудивленный-полуиспуганный взгляд и пробормотала:

— Я думала, что вы в Индии.

— Я прочел в газете о его смерти. Я пил пиво и играл в бильярд в одном из калькуттских клубов, когда один из друзей подал мне какую-то английскую газету, и, хотя я редко читаю прессу, начал ее листать. Таким-то образом я и узнал о смерти сэра Реджинальда Лисля, владельца Лисльвуд-Парка в графстве Суссекс, двадцати девяти лет от роду... На другой день «Дольгуз» поднял паруса, и я отправился вместе с ним.

— Так вы меня ...

— Я всегда любил вас... а теперь люблю еще более прежнего.

Он схватил маленькую ручку леди Лисль и прижал ее к губам, но мальчик снова начал дергать мать за шаль и громко закричал:

— Кто этот господин, мама, и почему он целует твою руку? Почему он говорит, что любит тебя, ведь он не мой бедный папа!

Капитан Вальдзингам наклонился к мальчику и внимательно посмотрел на него, повернув к свету его бледное, болезненное личико.

— Вы похожи на вашу маму и лицом, и характером, сэр Руперт Лисль, — произнес он. — И поэтому мы будем хорошими друзьями, и я буду играть с вами в лошадки.

— Тогда я буду любить вас, — ответил ребенок.

— Вы удивились, увидев меня, леди Лисль? — обратился капитан к молодой женщине. — А между тем мой приезд объясняется вполне естественными причинами. Я прочел, что сэр Реджинальд умер, и на другой же день отправился в Англию. Прибыв в Довер, я навел справки и узнал, что вы все еще живете в Лисльвуде. Я поехал к вам, даже не заглянув в Лондон. В замке мне сообщили, что вы отправились кататься на пони... Ну я и пошел прямо сюда.

— Почему же именно сюда?

— Как, вы не догадываетесь?... Потому что мы расстались на этом самом косогоре, и тоже в сентябре, восемь лет тому назад... Я решил, что вы иногда посещаете это место.

— Вы будете жить с нами, в замке?

— Нет, я остановлюсь в гостинице «Золотой Лев», но буду ежедневно приходить в парк. Если же я остановлюсь у вас, это может стать предметом сплетен.

— Вы правы.

Ей так редко приходилось принимать решения — обычно их принимали за нее, — что ее постоянно было нужно наталкивать на самые простые мысли.

— Я видел на дороге ваш экипаж и узнал ливрею дома Лисль, — продолжал Вальдзингам. — Не подвезете ли вы меня?

— Подвезем... Если хотите бывать у нас, то запомните: мы обедаем в семь часов. Теперь, должно быть, уже более семи, но я почти всегда заставляю себя ждать... Идем, Руперт.

Она взяла мальчика за руку, и все трое начали спускаться с горы.

— Вы говорили, что рады видеть меня, — вдруг сказал он, ударив тростью по ветвям деревьев, — а между тем в вас вовсе не заметно радости.

— Вы испугали меня! Вам бы следовало предупредить меня письменно о вашем

приезде... я ведь слабая женщина.

— Это верно, — ответил капитан со странной, почти презрительной улыбкой. — У вас всегда было слишком мало сил... и для борьбы, и для страданий. Простите меня, леди Лисль, одному Небу известно, коренится ли причина этого в вашей душе, или в вашем теле. Порой я даже спрашивал себя: а есть ли у нее душа?

— Вы по-прежнему жестоки, Артур, — проговорила она, и ее большие голубые глаза наполнились слезами.

— Прикажите вашему сыну идти к экипажу, а мы с вами немного пройдемся.

Леди Лисль выполнила его просьбу, и мальчик бросился бежать к фаэтону, на козлы которого и вскарабкался, сев рядом с грумом.

— Клэрибелль, — начал капитан, волнуясь, — знаете ли вы, что в течение всех тех лет, что провел вдали от вас, в Индии, я молил Бога послать нам эту встречу? Грешная просьба, не так ли? Она равносильна просьбе о смерти человека, который никогда не делал мне зла. И все-таки она услышана... может быть, к моему несчастью... Это была молитва страстно любящего человека — сумасшедшего, отчаянного, ослепленного, так молятся разве только язычники. Сколько раз говорил я самому себе: «Если даже она будет нищей и я встречу ее на улице или если она будет лежать на больничной койке, покинутая и презираемая всем светом, я и тогда женюсь на ней... женюсь, где бы и какой бы ни нашел ее». И это так же верно, как то, что свет нисходит с неба... В течение восьми лет повторял я эту молитву и этот обет. Бог внял моей мольбе — и вот я снова здесь.

— Сэр Реджинальд был для меня хорошим мужем, — только и ответила леди Лисль на это страстное признание, — и я всегда старалась исполнять мой долг по отношению к нему.

— Да, да, Клэрибелль, я верю этому. Вы так же исполнили свой долг и по отношению к вашей тетке и вашим опекунам, безжалостно разбили мое сердце и изменили данному мне слову, чтобы стать женою сэра Реджинальда Лисля.

— Я так мучилась тогда... мне наговорили столько ужасных вещей...

— Ну да, вам говорили, что я влюблен в ваше богатство, не так ли? Говорили, что бедный индийский офицер добывается руки сироты, дочери богатого негоцианта, единственно ради миллионов, оставленных ей ее отцом. Вот что напевали вам, и вы, зная меня лучше, чем кто-либо, зная искренность моей любви к вам, могли верить этому, Клэрибелль!

— Я боялась полагаться на собственное суждение...

— Да, леди Лисль, и это было самой серьезной ошибкой в вашей жизни.

Он вновь взял ее нежные пальчики в свои сильные руки и посмотрел на нее долгим взглядом.

— Великий Боже! — воскликнул он. — Как я мог строить свое счастье на такой слабой, такой зыбкой основе! Что же удивляться, что все рухнуло? Бедная моя Клэрибелль! Вы такое хорошенькое существо, но такое ломкое и бездушное... скорее можно положиться на эти гиацинты, чем на вашу нежность и постоянство.

— О, как вы жестоки, Артур!

— Вы находите? А помните вы еще сентябрь восемь лет тому назад? Кто был тогда жестоким, Клэрибелль? Мы были здесь... О, как живо представлялась мне иногда вся эта печальная сцена и как тоскливо сжималось мое сердце при этом воспоминании! Ужасные, почти невыносимые нравственные пытки! Каждую ночь в течение многих лет видел я во сне этот косогор и малейшие подробности нашего грустного расставания. Я слышал шелест вашего шелкового платья, цеплявшегося за кусты, чувствовал легкое прикосновение вашей маленькой ручки к моей руке, видел ваши слезы... в ушах моих звучали ваши отчаянные, терзавшие мою душу слова, которые вам было так же тяжело произносить, как мне — слушать. Во сне я прижимал вас к сердцу, как при прощании, а после этого просыпался, чтобы смотреть на звезды сквозь крышу шатра и слушать завывание голодных шакалов.

— Я тоже много страдала... я страдала не меньше вас, — сказала Клэрибелль прерывающимся голосом.

— Нет, Клэрибелль, ошибаются те, кто думает, что женщина страдает так же, как мужчина. Она страдает, глубоко переживая свое несчастье, и часто сильное горе действует на нее самым благодатным образом, изменяя ее к лучшему. С мужчиной же не так: видя свои надежды разрушенными, потеряв цель в жизни, он поворачивается спиной к несчастью и начинает искать себе развлечение в обществе... Я не стану объяснить вам, леди Лисль, какое широкое значение имеет слово «развлечение», единственно хочу сказать вам, что восемь лет назад я был достоин вас, а сегодня — недостойн.

— Следовательно, вы не любите меня больше? — спросила она.

— Люблю, Клэрибелль, люблю, сердце мое не способно полюбить другую. Я встречал женщин прекраснее вас и более достойных любви, но в своем безумии, к моему несчастью, я не смог забыть вас, не мог разлюбить... Я проклинал вас за вашу бесхарактерность, презирал за измену, но в течение восьми лет, полных горя, труда и отчаяния, я ежедневно признавался самому себе, что все еще люблю вас. Скажите, я заслуживаю хоть какого-нибудь вознаграждения? Вы теперь вполне самостоятельны, тетка ваша, которая имела на вас такое сильное влияние, давно умерла. Опекуны ваши не имеют больше над вами никакой власти, Клэрибелль. И я спрашиваю вас теперь, когда вы свободны, на том же месте, где вы оставили меня восемь лет тому назад в таком отчаянии: хотите ли вы исполнить обеты вашей молодости?

Леди Лисль несколько минут молчала, а потом прошептала, вытирая слезы, которые с самого начала этого разговора катились по ее лицу:

— Да, Артур, если это может составить ваше счастье.

Она произнесла эти слова скорее под влиянием какого-то страха, чем подчиняясь чувствам. Артур обнял ее, прижал к себе и поцеловал в лоб, а затем молча довел до экипажа.

— Мама, мама! — своим слабым голоском закричал ребенок. — Я тебя заждался. Я очень голоден, и уже становится темно, а Брук устал рассказывать мне сказки.

— Потому что вы слышали их уже много раз, сэр Руперт, — почтительно заметил грум.

— Так Брук рассказывает вам сказки, сэр Руперт? — весело спросил капитан. — Вероятно, он рассказывал о Джеке, убийце великанов и мальчике-с-пальчик? Я думаю, будет недурно, если я расскажу вам какую-нибудь индийскую сказочку.

— В таком случае я буду вас любить и желать, чтобы вы стали моим новым папой!

— Садитесь, сэр Руперт, — сказал Брук. — Теперь восемь часов, а вам пора кушать.

Легкий фазтон быстро покатил по дороге и уже через полчаса оказался у ворот Лисльвуд-Парка, одного из самых больших и красивых поместий графства Суссекс.

Маленький баронет был в восхищении от своего нового знакомого и до позднего вечера не давал ему уйти, требуя все новых и новых сказок. Но как только часы пробили девять, в гостиной появилась важная, чопорная гувернантка и уговорила сэра Руперта, хоть и с величайшим трудом, следовать за ней в его комнату.

— Вы балуете своего сына, — заметил капитан, когда мальчик ушел.

— А как же иначе? Мне некого больше любить.

— Он очень милый малыш, но слаб телосложением.

— Да, он не слишком крепок, и это одна из причин, почему я позволяю ему делать почти все, что он захочет. Доктора утверждают, что ему не следует противоречить, поскольку он чрезвычайно впечатлителен.

— Он умный мальчик?

— О нет, я не думаю, что он обладает ясным умом, — ответила леди Лисль, поколебавшись, — он учится вяло, неохотно. Господин Мэйсом, пастор, ежедневно дает ему двухчасовой урок, и я опасаясь, что он находит его слишком ленивым.

— Он когда-нибудь на него жаловался?

— Да, жаловался несколько раз, — проговорила леди Лисль задумчиво.

— Это ничего не значит, Клэрибелль, Руперт будет богат, и ему нет нужды становиться ученым. Это только нам, беднякам, осужденным на вечную борьбу за существование, необходимо развивать свой ум.

Капитан произнес эти слова с горькой улыбкой и, подойдя к камину, облокотился на него и устремил взгляд на огонь. Пламя озарило его смуглое лицо каким-то фантастическим светом, засверкало в грустных черных глазах и резко обозначило строгие очертания красивого рта, полускрытого усами, которые он то и дело разглаживал рукой. Леди Лисль, сидевшая по другую сторону камина за маленьким столом, пристально смотрела на него.

— Вы изменились, капитан, — сказала она наконец.

Он пожал плечами, подтолкнул концом сапога уголья и после короткой паузы спокойно произнес:

— Так вы находите, что я изменился? И очень изменился?.. Удивительно ли это после того, как я провел восемь лет в Индии? После того, как я восемь лет пил эль и водку... упражнялся на бильярде, играл в кости, в экартэ, в различные азартные игры, в крикет... совершал набеги на неприятеля, охотился на вепрей и тигров, ссорился, заводил любовные интриги... О леди Лисль! Мне кажется, уж лучше не вспоминать все свои деяния: они могут не прийтись вам по вкусу.

— Артур, — сказала Клэрибелль, рассеянно накручивая длинные золотистые локоны на свои беленькие пальчики, — знаете ли вы, что вы стали настоящим медведем?

— Медведем! — насмешливо повторил капитан. — Только эту перемену вы и видите во мне после восьми лет разлуки? Обращение мое уж не такое вежливое, голос мой стал грубым, я говорю дерзости и смеюсь прямо в глаза людям. Я сделался нервным, раздражительным, у меня несносный характер, и я не стараюсь понравиться окружающим, как делают люди благовоспитанные. Я обедаю в пальто и в цветной жилетке, я явился к женщине, восемь лет тому назад изменившей данному мне слову, в шесть часов пополудни и, не застав ее дома, отправился вслед за нею, нашел ее в пустынном месте и предложил ей выйти за меня замуж, меж тем как еще не истек год ее траура... одним словом, леди Лисль, вы правы: употребляя ваше же выражение, я стал медведем.

При этих словах он взглянул в зеркало, висевшее над камином, и откинул назад черные волосы. Леди Лисль не сводила с него полного недоумения взора, но не сказала ни слова. Его влияние на нее было огромным, и в ее обращении с ним проглядывала робость, вероятно, возникшая из сознания его силы и ее собственной слабости.

— Леди Лисль, — продолжал он, — я уже не кажусь вам таким, каким был восемь лет назад? А если я скажу вам, что я с тех пор стал во всех отношениях другим человеком?

— Артур!

— Взгляните на меня в зеркало... идите сюда, Клэрибелль, встаньте рядом со мною, и будем вместе изучать мое лицо. В нем нет каких-то особенных перемен: две-три едва заметные морщинки под глазами, несколько резких линий вокруг рта да смуглая кожа, ставшая такой под индийским солнцем. Великий Боже! Как мало отражает лицо внутреннее состояние человека, и каким иссохшим, старым, безобразным было бы мое, если б на нем отразились все пережитые мною душевные бури! А теперь посмотрите, как прекрасна моя маска, и удивляйтесь, как искусно умеет человек — эта величайшая из всех загадок — скрывать под нею свое истинное лицо!

— Артур, я отказываюсь слушать вас, если вы будете продолжать в том же тоне.

— Ах да, я ведь говорю медвежьим языком, не так ли? Я должен был бы лежать у ваших ног и рисовать самыми радужными красками картину моего восьмилетнего пребывания в Индии: как я, из любви к вам, никогда не пил двойной эль, как по той же причине не прикасался ни к игральным костям, ни к картам и как избегал общества женщин, чтобы мечтать о вашем хорошеньком личике. Это звучало бы приятно для ваших маленьких ушек, не так ли? Нет, Клэрибелль, я всего этого не скажу. Я медведь, как вы сами заметили, и потому буду говорить вам правду и одну только правду. Выслушайте же меня! Я ненавижу вас столь же, сколь и люблю, сердце мое разрывают две эти противоположные страсти, так что я даже еще не уяснил, которая из них привела меня к вам сегодня? Вы по незнанию восемь лет назад совершили убийство и теперь видите перед собой только дух сэра Артура Вальдзингама, которого вы тогда убили. По вашей милости и из-за вашей измены я стал

игроком, пьяницей и развратником. Воспоминание о вас преследовало меня неотступно, и чтобы избежать этой пытки, я старался забыться в вине, в игре, в оргиях... Вот что я обязан сказать вам, леди Лисль, если уже я должен сказать вам что-нибудь.

— Артур, вы разбиваете мне сердце, — сказала Клэрибелль. Он отвернулся и закрыл лицо руками. — Артур, я обещала сделать все, что будет в моих силах, чтобы вознаградить вас за прошлое. Я обещала это, да? — повторила она, стараясь приподнять его голову своими маленькими руками.

— Да, да, вы добры, Клэрибелль. Вы даже обещали стать моей женой. О, моя возлюбленная, моя мучительница, моя дорогая и жестокая Клэрибелль!.. Пусть ужасное прошлое забудется раз и навсегда, и да не падет ни малейшая тень от него на эту прелестную головку!

Он приподнял ее прекрасные локоны и посмотрел на нее с нежностью, грустью и с глубоким состраданием.

— Клэрибелль, — начал он снова, — вы обещали быть моей женой: не раскаиваетесь ли вы в этом? Не страх ли вынудил вас сдаться на мою мольбу? Обдумайте это еще раз, моя дорогая, пока не поздно, скажите одно слово, и сегодня же вечером я оставлю этот дом, и через два дня снова буду на пути в Индию. Одно слово, Клэрибелль, и вы будете избавлены от меня навеки.

Она подняла на него полные слез глаза и, положив свои нежные пальчики на его широкую ладонь, проговорила чуть слышно:

— Никогда, никогда не любила я никого, кроме вас. Я поступила очень дурно, когда изменила данному вам слову и вышла замуж за сэра Реджинальда Лисля, но я была слишком слабой, чтобы противиться воле моих родных. Как часто сидела я с мужем напротив этого камина и думала о вас, пока не исчезали и эта комната, и лицо мужа... Я видела вас раненым на поле битвы или спящим в каком-нибудь мрачном, непроходимом лесу... видела вас одиноким, покинутым, больным, умирающим. Но слава Богу, вы здоровы и невредимы, вы вернулись ко мне и вы все еще любите меня!

— Люблю и буду любить всегда... Это мое безумие, Клэрибелль. Так вы выйдете за меня, чтобы ни случилось по Божьей воле дурного или хорошего?

— Да!

Она задрожала, взглянув опять на его мрачное лицо, и с ужасом повторила медленно его последние слова: «Дурного или хорошего».

II ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Почтенные жители Лисльвуда, что в Суссексе, вероятно, помнят, как восемь лет тому назад некий капитан Вальдзингам, служивший в индийской армии, приехал погостить к сэру Реджинальду. Быть может, в их памяти еще сохранились его свежее лицо, изящные манеры и воинственная осанка, не забыли они, конечно, и бряцанье его шпор, когда он проходил по длинной, дурно вымощенной улице деревни, свист хлыстика, который он так грациозно вертел в руках, и лоск его прекрасных черных усов (капитан служил в кавалерии), его добрую улыбку, с которой он обращался к детям, подбегавшим к нему, чтобы полюбоваться на храброго вояку и услышать его звонкий голос, когда он останавливался перед «Золотым Львом», ожидая прибытия лондонского дилижанса, или когда заходил к кузнецу или ветеринару, чтобы посоветоваться насчет своей лошади.

— Весьма благородный и любезный джентльмен, великодушный и откровенный, — говорили о нем жители Лисльвуда.

Помнят они также и о том, как он отчаянно, до безумия влюбился в мисс Клэрибелль Мертон — сироту и наследницу одного богатого негоцианта, жившую под опекой своей тетки — старой девы, сестры экс-ректора прихода. Добрые люди помнят об этой любви, потому что капитан Артур Вальдзингам, который вовсе не принадлежал к числу скрытных

людей, тысячу раз угрожал застрелиться или утопиться, если любовь его будет отвергнута. Мартин, его слуга (превосходный малый!), сказал однажды служанке из «Золотого Льва», что он спрятал пистолеты своего господина и очень жалеет, что не может сделать то же с рекой. Капитан Вальдзингам выказал себя чересчур неосторожным и нескромным в своей любви к прекрасной наследнице со светло-русыми волосами, детскими манерами и с полнейшим отсутствием энергии и характера. Капитан возражал и протестовал, когда его обвиняли в том, что он ухаживает за нею только ради ее богатства, и просил отдать ее за него без всяких денег, а на ее миллион основать богадельню. Весь Лисльвуд знал повесть этой любви, чрезвычайно интересовался ею и сочувствовал страданиям капитана. О каждом тайном свидании, происходившем на широкой равнине или на косогорах, окружавших село, было известно всем без исключения. Каждый вечер, когда он проходил мимо сада ее тетки, чтобы видеть слабый свет лампы, пробивавшийся сквозь оконные занавесы, каждое письмо, украдкой доставленное горничной, гиней, которую кузнец по просьбе капитана рассек пополам и половинки которой вручил влюбленным, бурные сцены между капитаном и опекушкой мисс Клэрибелль — все это было предметом толков и пересудов в домах в Лисльвуде. Толковали об этом и молодые женщины, которые находили прекрасного капитана слишком завидным обожателем для этой «глупой, взбалмошной мисс» — так непочтительно отзывались они о мисс Мертон, толковали и старые женщины, которые утверждали, что капитан добивается единственно денег, присоединялись к этим толкам также холостяки с седыми головами, называвшие капитана сумасшедшим за его бурную и откровенную любовь. Одним словом, весь Лисльвуд в мельчайших подробностях обсуждал увлечение Вальдзингама, перемывая ему все косточки.

Думаю, что единственной особой, остававшейся абсолютно спокойной, была молодая героиня этой сентиментальной драмы. Клэрибелль Мертон не делала никаких признаний и не искала сочувствия. Никто и никогда не слышал, чтобы она устроила сцену, или упала без чувств к ногам своей неумолимой опекушки, или совершила опрометчивый шаг, отвечая на страстные послания своего обожателя. Да, она ходила на свидания на отдаленные косогоры, но все были уверены, что с ее стороны эти свидания имели самый безгрешный характер, и объясняли их тем, что капитан, бродя вокруг ее дома, видел, как она выходит оттуда, и следовал за нею. Словом, о мисс Мертон упоминали редко. Красивая, бледная, с длинными золотистыми локонами, которые, как ореол, окружали ее грациозно наклоненную головку, она каждое воскресенье приковывала к себе в церкви внимание всего Лисльвуда, но никто и никогда не замечал, чтобы ее лицо вспыхнуло или побледнело под жгучими взглядами Артура Вальдзингама, который с досады грыз переплет своего молитвенника. Он — небритый, с тусклым неподвижным взором — мог стоять все время, пока пели псалмы, опираясь на деревянную решетку, и со свирепым видом упорно смотреть на Клэрибелль, мог в самой середине проповеди выбежать из церкви, скрепя сапогами и звеня шпорами по каменным плитам храма, мог сколько хотел беспокоить прихожан и привлекать внимание воспитанников, так что они нередко невольно восклицали: «Негодный Вальдзингам!» — но, чтобы он ни делал, ему не удавалось нарушить незыблемое спокойствие мисс Мертон. По окончании проповеди, когда ректор благословлял присутствующих и народ начинал покидать церковь, мисс Клэрибелль выходила на кладбище и спокойно проходила мимо капитана, сидевшего на какой-нибудь могиле и смотревшего на нее в мрачном отчаянии. Если она нечаянно задевала его своим шелковым платьем, из-за чего он начинал трепетать всем телом, то как будто не замечала этого и в ее холодных голубых глазах не отражалось ни удивления, ни волнения, ни смущения, ни досады, ни любви, ни даже сожаления.

— Вы считаете меня сумасшедшим, потому что я до безумия люблю восковую куклу? — однажды вечером воскликнул капитан в Лисльвуд-Парке, когда выпил больше обыкновенного, и баронет с друзьями начали смеяться над его страстью. — Я знаю не хуже вас, что это глупость, простительная только школьнику, но этот вздор способен довести меня до могилы.

Однако, сколь бы много общего, как утверждали ее враги, ни имела мисс Мертон с

теми прекрасными произведениями искусства с голубыми глазами и золотыми волосами, которые можно видеть в игрушечных магазинах, все же она была богатой наследницей и вдобавок прелестнейшей женщиной, вследствие этого обстоятельства или по причине сплетен, вызванных бешеной страстью капитана — но через шесть недель после появления в Лисльвуде индийского офицера, она, как говорится, вошла в моду. Будь она даже страшнее, чем смертный грех, это не помешало бы ей теперь выйти замуж за первого красавца околотка. Она могла бы выйти за самого богатого, даже если бы была бедна. Даже если бы она была идиоткой, некрасивой и горбатой, войдя в моду, она неизбежно должна была сделаться предметом восторга, удивления и поклонения. Чудесная перемена произошла неожиданно, вдруг, и кавалеры, которые прежде едва замечали ее, начали сходить с ума от желания жениться на ней — то есть не на ней, собственно, а на ее известности: им хотелось понежиться в лучах этой яркой планеты, попить на чужом пиру. Мисс Мертон сделалась в Лисльвуде такой же знаменитостью, какой делается в Лондоне страшный преступник или человек, написавший роман о классовом устройстве общества.

Итак, мисс Клэрибелль Мертон стала центром внимания Лисльвуда, и через два месяца сэр Реджинальд предложил ей руку и сердце единственно из удовольствия отбить ее у другого, благодаря подстрекательствам тетки предложение это было принято. В это-то время на вершине косогора, носившего название Бишер-Рида, и разыгралась ужасная сцена. Не дождавшись капитана к обеду, из замка за ним послали его слугу Мартина, и тот нашел своего господина распростертым на мокрой траве в состоянии совершенного оцепенения. После этого Вальдзингам хотел вызвать на дуэль сэра Реджинальда, между соперниками вышла отчаянная ссора, которая закончилась только с отъездом капитана. Он оставил замок, пожелав баронету быть счастливым со своей бездушной невестой, и поскакал, как сумасшедший, в Индия-Гуз — просить, чтобы его послали куда-нибудь, где враги отечества из жалости поспешили бы его прикончить.

В Лисльвуде судачили о том, была ли мисс Клэрибелль Мертон огорчена, что ей пришлось отвергнуть сумасбродного обожателя. Но, как всегда, лицо девушки не выдало ее тайн, оно было прекрасным, но абсолютно безмятежным. Она вышла замуж за сэра Реджинальда без любви, сделав это так же бесстрастно, как она брала уроки музыки, не имея слуха, и училась рисованию, не обладая эстетическим вкусом. Она выполняла все, что ей предписывали делать. Она вышла бы и за капитана, прикажи он ей сделать это, так как не была в состоянии противиться силе, если бы не противодействие тетки, которая издавна имела над нею неограниченную власть. Она полностью зависела от тех, кто руководил ею, смотрела их глазами, думала их умом и употребляла в разговоре только их выражения. Капитан мог быть совершенно искренним в своей любви к ней, но если ее тетке было угодно выставить его обманщиком, то и мисс Клэрибелль начинала сомневаться в нем. Она говорила ему своим тихим, нежным голосом тысячу несправедливостей, которые были простым повторением слов ее опекуни. Ее можно было сравнить с кораблем без руля и якоря, отданным на произвол изменчивого ветра, и не успел еще капитан, отправляясь в Индию, достичь Мальты, как крестьянские дети уж усыпали цветами путь, по которому должны были идти из церкви сэра Реджинальда и леди Лисль.

Прошло без малого восемь лет с того прекрасного октябрьского утра, в которое Клэрибелль Мертон стала женой молодого баронета, когда сэр Реджинальд Мальвин Бернارد Лисль вновь стал главным действующим лицом в другой церемонии в той же сельской церкви. Эта церемония проходила без всякого блеска и шума: тело молодого человека покоилось в гробу под тяжелым бархатным покрывом, обитом черным сукном и украшенном серебряными гербами и рельефными инициалами, который несли благороднейшие сыны Лисльвуда. После этого на кладбище возле испещренных стихами статуй кавалера Мармэдюка Лисля, почетного камергера ее величества королевы Елизаветы, и Марты, его супруги, стоявших в коленопреклоненной позе друг против друга, появился новый надгробный памятник из дорогого мрамора. Этот памятник свидетельствовал о том, что под ним погребен прах последнего баронета Реджинальда Мальвина Бернарда, сына

Оскара. Сэр Реджинальд умер от наследственной болезни, которая преждевременно свела в могилу большинство членов рода Лисль. В продолжение трех поколений глава этого дома умирал по достижении тридцатилетнего возраста, оставляя после себя единственного сына — наследника титулов и богатства. Если бы сэр Реджинальд умер бездетным, баронство наследовал бы один его дальний родственник, любитель музыки и живописи, живший в Неаполе, но сэр Реджинальд последовал примеру отца и деда, оставив шестилетнего сына, бледного и нежного, очень похожего на мать и нравственно, и физически. Сэр Реджинальд и леди Лисль не были несчастны в браке. Супруг любил спорт, лошадей, собак, стрельбу в цель и конные прогулки — все те развлечения, которым так охотно предаются джентльмены, имеющие много денег и не имеющие никаких дел. У него была ферма, и он начал применять на ней новые системы земледелия, что потребовало громадных расходов и в результате и не дало ничего, однако эти попытки занимали его, и он заставлял молодую жену ходить с ним через вспаханные поля и сенокосы в дождь и жестокий зной, против чего она не протестовала.

Он устраивал скачки, оживляя весь Лисльвуд присутствием прекрасных беговых лошадей и жокеев, однако и это удовольствие, как и все другие, вскоре приелось баронету. В одно прекрасное утро в газете появилось объявление о продаже беговых лошадей сэра Реджинальда Лисля, «включая Клэрибелля, постоянно одерживавшую победы на скачках». Со временем ему надоело и все остальное, все потеряло цену в его пресыщенных глазах. Клэрибелль была тиха, мягка, хотя и не нежна. Она сопровождала скучающего мужа, когда ему вздумалось путешествовать, и пила воды в Спа, когда он велел ей это, пробежала с ним по картинным галереям, заполненным произведениями фламандской и итальянской живописных школ, не умея отличить одну от другой и принимая Тициана за Тэниера, а Сальватора Розу за Рубенса. Если бы он предложил ей взойти на Монблан, она храбро взобралась бы на самую вершину, даже если бы это могло стоить ей жизни. Подобное рабское послушание, сопровождавшееся спокойной улыбкой, нельзя было назвать прирожденной кротостью: в нем скорее выражалась полная апатия ко всему окружающему, поскольку для нее это было легче, чем чему-то противиться или сопротивляться. Она слушала баронета, когда он говорил, и летними вечерами читала ему вслух описания боксерских боев, помещенные в «Бель-Лейф», не понимая ни слова читала. Она садилась в его фаэтон, чтобы ехать на какие-нибудь скачки, хотя была не в состоянии отличить победившую лошадь от прочих и едва помнила клички своих пони. Когда сэр Реджинальд хворал, она ухаживала за ним с величайшей заботливостью, если он начинал сердиться, она без возражений переносила его вспышки, если он был печален, она всегда старалась успокоить его, а когда он скончался, горевала о нем. Она покинула Лисльвуд тотчас же после похорон, уехав на воды, находившиеся где-то в Суссексе, сопровождаемая только сыном и горничной. Огромный великолепный замок с его прекрасными комнатами, в которые недавно взошла мрачная смерть, наводил на нее какой-то странный ужас, а вид темных аллей расшатывал ее нервы. Тетка ее умерла вскоре после ее замужества, и у нее не осталось ни родных, ни друзей, вследствие чего она страстно привязалась к единственному сыну и всецело посвятила ему себя. Вспоминала ли она о прекрасном капитане с тех пор, как стала свободной? Может быть, и в этом нет ничего странного: ведь она так терзала этого человека восемь лет тому назад! Ей не было известно, жив он или умер, и она не имела ни малейшей возможности узнать о его участи. Сэр Реджинальд никогда не произносил имени своего экс-приятеля, и она не смела даже думать о Вальдзингаме: по мнению ее, было нечестно помышлять о ком-то, когда муж недавно сошел в могилу, и серебряные украшения его гроба еще не успели потускнеть в сыром склепе. Она начала путешествовать с сыном, показывая ребенку громадные, мрачные соборы, которые она некогда посещала со своим отцом. Они посетили Антверп, Кельн, Брюссель, Мюнхен и после шестимесячного путешествия вернулись в Лисльвуд. И вот на другой день после своего приезда она вновь увидела Артура Вальдзингама — на том самом месте, где оставила его восемь лет тому назад.

III

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ЛИСЛЬВУД-ПАРКА

С момента возвращения индийского офицера прошло полгода. Стоял март, и вершины дубов прекрасного лисльвудского парка гнулись под напором мартовского ветра. Лисльвуд — громадное, великолепное поместье: на много километров тянутся его земли, составляющие вместе с замком собственность молодого баронета. За обнаженными холмами видны довольно порядочного размера фермы, плата с которых взимается сэром Рупертом Лислем после сенокоса, жатвы, стрижки овец или убоя свиней. Можно пройти много миль по тенистым проселочным или по ровной большой дороге, миновать леса низкорослой сосны и множество разбросанных между холмами деревень — и вы все еще будете на землях сэра Руперта. Спросите где хотите: кто владелец этой дороги, осененной орешником и шиповником, этих сочных лугов за изгородями или этих красивых коттеджей? Спросите кого хотите, и вам непременно ответят: «Это собственность сэра Руперта Лисля». Если вы остановитесь в деревенской гостинице и поднимете глаза на грубую вывеску, качающуюся над входом, то прочтете: «Герб Лисля», или «Корона баронета», или же «Гостиница сэра Руперта Лисля». Если во время прогулки по окрестностям Лисльвуда вы увидите какого-нибудь фермера, присматривающего за работниками, стоя на стоге сена или в дверях житницы, знайте: это один из ленников сэра Руперта. Имя «Лисль» — такое же древнее и знаменитое в Суссексе, как Гастингская битва: Оскар, один из лордов Лисль, командовал в этом страшном сражении полком стрелков, который помог победить Гарольда, короля англосаксов. Жалованные грамоты и титулы семилетнего баронета могли бы покрыть собою самую длинную аллею Лисльвуд-Парка, если бы кому-нибудь пришло в голову развернуть их во всю длину. Церковь Лисльвуда заполнена памятниками и трофеями этого старинного рода, знамена, отбитые у неприятеля при Кресси, Гарфлоре и Флоддене, лоскутьями висят на портретах кавалеров и воинов, прах которых покоится под плитами храма, а в ризнице, бывшей некогда часовней Лисль, почтенный ректор постоянно задевает стихарем за превосходнейшие скульптуры. Куда ни взглянешь, повсюду взор встречает знатное имя Лисль: оно написано на стенах, покрытых изречениями на исковерканном латинском языке, оно красуется на органе, пожертвованном церкви дедом настоящего баронета, и над папертью, где, согласно завещанию шестого баронета, еженедельно раздают хлеба неимущим жителям Лисльвуда.

Налюбовавшись всеми этими памятниками старины, этим материальным доказательством знатности и богатства рода Лисль, с недоумением обнаруживаешь, что владельцем этого громадного поместья является бледный, болезненный мальчик, вяло играющий в саду. Неужели и вождь нормандских стрелков — могучий гонитель саксонцев, и герои Кресси и Флоддена, все эти благородные роялисты, сражавшиеся под знаменами Руперта дю-Рин, и храбрые джентльмены, одержавшие победу над надменным сыном Луси Ветера в Местон-Муре — эти гордые, неустрашимые люди оставили после себя только слабого ребенка с золотистыми волосами, чтобы наследовать всю их славу и богатство?

Казалось, тяжесть громадного наследства должна была бы раздавить такое слабое и нежное создание, а ведь у него даже не было никаких близких родственников, с которыми он мог бы его разделить. Все, что принадлежало его матери, со временем тоже должно было перейти к нему, вдали от света и людей, изнывавших в бесконечной борьбе, он, казалось, тяготился своей баснословной роскошью...

Мартовский ветер гнул голые ветви дубов Лисльвуд-Парка, а леди Лисль, ныне миссис Артур Вальдзингам, ожидали с континента, куда она отправилась после своей свадьбы с индийским офицером.

Вторая свадьба Клэрибелль была обставлена совсем не так, как первая. Холодное пасмурное утро неприветливо встретило крестьянских детей, выстроившихся в ряд вдоль дороги, которая вела в церковь, и на этот раз путь невесты не был усыпан цветами, потому что зима стояла необычайно холодная, и в лисльвудских садах не удалось отыскать ни

одного подснежника. В это февральское утро ледяной ветер раздувал шелковое платье новобрачной и ерошил черные волосы молодого мужа. Ректор, не попадая зуб на зуб, совершал свадебный обряд, а проливной дождь барабанил в окна, заглушая его монотонный голос, а рука новобрачной так дрожала, что она едва справилась с пером, которым вписала свое имя в метрическую книгу.

На этой свадьбе не присутствовал никто из посторонних: нотариус леди Лисль покинул ее, а соседи не были приглашены. Экипаж леди Лисль ожидал у ворот кладбища, чтобы отвести новобрачных на железнодорожную станцию, находившуюся в нескольких милях от Лисльвуда, откуда они отправлялись в Довер, где намерены были сесть на какой-нибудь пароход, который доставил бы их на материк. Леди Клэрибелль как будто совестилась, что выходит замуж за своего обожателя, который был некогда отвергнут ею. Казалось, она хочет, чтобы брачная церемония поскорее закончилась, чтобы можно было бежать из Лисльвуда, где ее все знали. Она кинулась на холодные плиты ризницы и нежно прижала к себе маленького баронета. Первый раз в жизни она при людях поддалась сердечному порыву, и такая чувствительность удивила присутствовавших.

— Не поступила ли я дурно по отношению к тебе, мой Руперт? — воскликнула она. — Не неприятен ли тебе этот брак?

Капитан стоял, отвернувшись от матери с сыном, и каким-то неопределенным взглядом смотрел в окно ризницы, за которым стояли дрожащие от стужи дети, горевшие желанием увидеть новобрачную.

— Вы готовы, леди Лисль? — спросил он наконец.

Она не ответила, однако отослала от себя сына, жадно следя за ним глазами, пока он выходил из ризницы. Услышав стук колес экипажа, увозившего сэра Руперта в Лисльвуд, она взяла капитана под руку, простилась с ректором и вышла тоже из церкви. Крестьянские дети заметили ее бледное лицо, полные слез глаза и светло-русые волосы, мокрые от дождя и растрепанные ветром, заметили они и то, что лицо капитана было еще бледнее и рука его дрожала, когда он отпирал ворота кладбища.

Пролетели шесть недель, отведенных на брачную поездку. Новобрачных ждали с минуты на минуту, во всех комнатах пылал яркий огонь.

К свадьбе сэра Реджинальда с богатой мисс Клэрибелль замок вновь отремонтировали и отделали. Старинные дубовые панели времен одного из первых Генрихов отполировали и украсили позолотой и разноцветными гербами. Перед овальными зеркалами в дорогих резных рамах красовались консоли из золота, серебра, бронзы, черного дерева и стали. В громадной библиотеке, вся мебель которой была сделана из дуба с золотыми украшениями, прорубили сводчатые окна. Рамы фамильных портретов, висевших по бокам двух великолепных лестниц в передней, соединявшихся на широкой площадке, откуда вокруг всего замка шли две галереи, покрыли позолотой, а сами картины отреставрировали. Парадная гостиная была убрана в новейшем вкусе: светло-желтые стены, серебристые карнизы и белая шелковая драпировка, отделанная бахромой самого нежного розового цвета. Пол покрыли ковром, на котором по белому фону были искусно разбросаны букеты полурасцветших роз. Кресла и диваны из какого-то белого дерева, блестящего, как слоновая кость, обтянули белой шелковой материей и украсили бахромой, их можно было привести в движение легким прикосновением руки — и они начинали скользить по ковру, не оставляя ни малейшего следа.

Эта гостиная сообщалась с другой — меньших размеров, обитой зеленой материей, из нее потайной ход вел в комнаты леди Лисль, отделявшиеся от прочих помещений длинным коридором. Столовая, меблированная согласно требованиям времени, с зелеными бархатными драпировками и зеленым турецким ковром украшена древними статуями, картинами итальянских знаменитостей и фамильными портретами.

В каминах пылал яркий огонь, в серебряных и хрустальных люстрах в честь предполагаемого возвращения новобрачных были зажжены все свечи, белые как снег скатерти, серебряная посуда и огромные позолоченные судки, стоявшие в столовой на

буфете, роскошная спальня с драпировками из лилового бархата на белой атласной подкладке, защищенная от сырости двойными рамами уборная, зеркала и фарфоровые безделушки невероятной цены, пушистые акминстерские ковры, превосходно выдержанная прислуга, говорившая тихо и ходившая неслышно, осторожно, дорогие вина в серебряных жбанах, утонченная кухня, которой заведовал искусный француз — все это богатство, весь этот блеск и комфорт, вся эта баснословная роскошь развернулись теперь, чтобы польстить чувствам индийского офицера, который бросил к черту свой капитанский чин (интересно, почему?). Он, еще недавно бедный и неизвестный, чувствовал себя миллионером.

Взглянем же еще раз поближе на красавца воина, сидящего за столом напротив своей жены. Посреди всей этой роскоши он не кажется счастливым. Он держит в руках хрупкий и прозрачный бокал, не замечая, что вино потихоньку льется на стол. Он уже выпил порядочно мадеры, но этот благородный напиток не развязал ему язык и не прояснял выражение его лица. Он сильно изменился с тех пор, как приходил в Лисльвудскую церковь, чтобы неотступно следить упорным взглядом за Клэрибелль Мертон. Кажется, будто эта сильная, гордая, великодушная и беззаботная натура истлела под лучами тропического солнца.

Клэрибелль же почти не изменилась. Красота ее еще не потеряла своей свежести. Голубые глаза остались такими же ясными, она лишь кажется немного солиднее, и тяжелое платье ее с отделкой из кружев шуршит как-то внушительно, когда она проходит по освещенным комнатам.

— Клэрибелль, — начинает капитан, оставшись вдвоем с нею перед камином гостиной, — ваше богатство и величие производят на меня крайне тяжелое впечатление.

— Капитан Вальдзингам!

— О вы, разумеется, не поняли меня. Браки по расчету так приняты, что я не имею права жаловаться, если и на меня смотрят, как на человека, женившегося единственно ради денег, как это нередко делают люди, превосходящие меня во всех отношениях... А все же, Клэрибелль, мне тягостно это великолепие. Я задыхаюсь в этих раззолоченных комнатах, я жалею о вольном казарменном житье, о моей трубке, о моем денщике, которого я осыпал проклятиями, чего я не могу позволить себе с вашими слугами.

Я скучаю о картах, за которыми сидел до тех пор, пока звезды не меркли над крышами Калькутты, об игральных костях и всем том, чего нет в этой золотой клетке. В этом доме я некогда научился страдать и, если бы здесь все не было переделано, мог бы показать вам кресло, которое я схватил, чтобы ударить им сэра Реджинальда в тот день, когда он одержал надо мной победу.

— Вы ударили его? — спросила миссис Вальдзингам с любопытством и страхом.

— Нет, мужчины никогда не дерутся в гостиной, полной посетителей... Непременно найдется кто-нибудь, кто скажет: «Вальдзингам, не будьте смешным!» или: «Лисль, что вы задумали?» Нет, нас разняли, как разнимают сорванцов, дерущихся на улице, а на следующее утро я послал ему вызов.

Ей доставляло какое-то детское удовольствие слушать подробности этой ссоры, но капитану было больно ворошить свои старые раны.

— Что, если бы дух сэра Реджинальда мог видеть меня, сидящего у этого камина, Клэрибелль?

Она с тайным ужасом взглянула на дверь, как будто видела, как она отворяется ее первым мужем.

— Артур, одно время вы были очень дружны с Реджинальдом... вы ведь будете добры к его сыну, не так ли? Вы сделаете это для меня? Богатство может привлечь к нему ложных друзей и дурных советчиков. Близких родственников у него нет, самым близким ему будет тот, кто станет его прямым наследником, если он умрет бездетным... Я, быть может, не доживу до его совершеннолетия... он слабого здоровья и, как говорят, без особых дарований. Вы вольны сделаться его другом или врагом... вы, конечно, будете ему другом, Артур?

— Да, это так же верно, как и то, что я еще надеюсь пользоваться вашей любовью, Клэрибелль! Я не добр, не умен, но исполню свой долг по отношению к вашему сыну, сэру

Руперту Лислю.

IV У ОГРАДЫ

Несмотря на то, что капитан Вальдзингам, долгое время живший в Восточной Индии, не чувствовал себя счастливым в новой обстановке, в Лисльвуде было много завистников, почти ненавидевших его за необыкновенное счастье, выпавшее на его долю. Он обращал очень мало внимания на этих почтенных людей и на образ их мыслей, погруженный в свои безотрадные думы, он не интересовался общественным мнением. Прогуливаясь с ньюфаундлендом в большой аллее, над которой ветви дубов образовали свод, он несколько раз останавливался у железной решетки, которая отделяла парк от проезжей дороги, и смотрел через нее куда-то вдаль. В это время в глазах его было то же грустное, тоскливое выражение, которое, по словам поэта, можно заметить у орла, лишившегося свободы, или у льва, заключенного в клетку.

Знает ли он, что в ту минуту, когда он стоит, заложив руки за спину, у решетки парка своего пасынка, на него устремлены глаза завистников, и что если бы желание могло бы убивать, он тут же упал бы бездыханным?

У окна готической сторожки справа от решетки стоит мужчина лет тридцати. Как и капитан, он мрачен и уныл, а лицо его с резкими чертами потемнело от солнца, он высок, плечист и силен, но выглядит вялым, апатичным. Глубокие морщины окружают его впалые глаза и придают какое-то злое выражение крепко сжатому рту. Он курит, как и капитан, но смотрит сквозь струйки дыма, поднимающиеся из его длинной трубки, взглядом, полным ненависти, зависти, злости и сдержанного бешенства, — взглядом тигра, выжидающего удобный момент, чтобы накинуться на свою добычу. Имя его — Жильберт Арнольд. Десять лет тому назад он был самым отчаянным браконьером во всем Суссексе, ныне же благодаря исправительной тюрьме он преобразился, то есть сделался ленивым и угрюмым, и живет за счет жены, молодой трудолюбивой женщины, которая исполняет должность сторожа главного входа.

Рахиль Арнольд пережила много тяжелых минут с того дня, когда она семь лет назад надела соломенную шляпку с белыми лентами, чтобы идти в Лисльвудскую церковь под венец с браконьером: избранник ее оказался дурным человеком, которому маска раскаяния и религиозности давала возможность вести праздную жизнь. Ему совсем нетрудно было поднимать к небу свои желтоватые глаза, когда усердный ректор заходил в сторожку, чтобы навестить своего протеже, нетрудно было читать душевспасительные брошюры: Жильберт Арнольд очень любил читать их, так как в них обычно громят тех, кто богат, прекрасен, счастлив и могуч — всех тех, кого он ненавидел ненавистью, граничившей с сумасшествием. Нетрудно провести доброго, простодушного пастора, который так горячо желает спасения вашей души, что готов видеть в простом исполнении обряда искреннее стремление к добру. Да, нетрудно делать все это и быть в то же время завистливым, недовольным, ленивым, дурным мужем и негодным отцом, внутренне ропщущим на свое положение. Нетрудно казаться мирным жителем, превосходным человеком и быть на самом деле ужасным негодяем.

У них был только один сын, болезненный и не по летам развитой ребенок, которому недавно пошел восьмой год. У мальчика были светлые волосы и бледное лицо, как у матери, и он был вовсе не похож на своего отца.

— Вот он, Рахиль! — сказал Жильберт, глядя на капитана.

— Кто? — спросила жена, возившаяся у печки.

— Наш новый господин... мне кажется, что его нужно называть: «Капитан какой-то там».

— Капитана Вальдзингама?

— Да, капитана Вальдзингама... Удивительно странное имя, как будто из какой-нибудь

комедии или одного из тех романов, что постоянно читает леди, хотя ректор называет их безнравственными... Мошенник и бродяга!.. Я ни за что на свете не поклонюсь ему, пусть знает это!

— О Жильберт! — боязливо прошептала его жена.

Как и все те, кто долго служит у господ, Рахиль принадлежала к партии консерваторов, но она так привыкла к грубому тону мужа, что не придавала особого значения его разглагольствованиям.

— О Жильберт! — повторил он, передразнивая жену. — Да, я недаром называю его мошенником! Он не имел права являться сюда и жиреть на добре покойного сэра Реджинальда? Этот негодяй не имел права, приехав сюда без гроша, втираться в доверие идиотки, которую ты называешь своей госпожой! Нищий бездельник величает себя владельцем Лисльвуда! Да мне тошно было валяться в ногах сэра Реджинальда, а уже перед этим я не унижусь никогда! А вы, верно, хотите, чтобы я сделал это, не правда ли? — сказал он, обращаясь к затылку капитана, который между тем докурив сигару и направился в глубь аллеи.

— Содержать его собаку стоит вдвое дороже, чем прокормить нашего сына, — продолжал Жильберт, когда Вальдзингам исчез из вида. — Взгляни на него, — продолжал он, указывая на мальчика, сидевшего за сосновым столом и уплетавшего молоко с черным хлебом, — эта похлебка не лучше той, что каждое утро дают Волку, я не раз видел собственными глазами!

— Но господа добры и приветливы с нами.

— О Боже! Да, они дают нам то, что плохо для прислуги, но слишком хорошо для свиней. Они дали тебе пять шиллингов, чтобы купить обувь Джиму. А к Рождеству они дарят нам бутылку вина, прекрасного вина, которое превращает всю кровь в огонь и делает нас добрыми, пока мы его пьем! Но что это доказывает?.. Он может пить такое вино каждый день, может купаться в нем, если захочет, и кормить свою собаку на серебре... Видишь баронета в бархатном камзоле, садящегося на пони? Это чистокровный пони, который стоит больше, чем тебе когда-либо удавалось скопить, если даже мы тратились только на самое необходимое!.. А теперь полюбуйся на моего сына в грубой холщевой блузе и башмаках, подбитых гвоздями, между тем я очень хорошо знаю, кто из этих двоих более искусен в разного рода занятиях.

— Да, наш Джимми умненький мальчик, — сказала мать, с любовью глядя на сына. — Но ему надо быть добрым и послушным и не мучить поросят и кур, потому что это очень гадко.

— Черт тебя побери! — воскликнул браконьер. — Я вовсе не желаю сделать из него бабу. Пусть мучает поросят, сколько ему угодно, я делал то же самое, когда был в его возрасте!

Жильберт Арнольд, целые дни проводивший с трубкой в зубах, заложив руки за бархатную жакетку, вовсе не походил на человека, примеру которого было бы полезно следовать. Может быть, эта мысль мелькнула в голове его жены, когда она, вздыхая, снова принялась за дело. Он любил, когда она работала до изнеможения, и часто упрекал ее в лени, между тем как сам стоял за дверью, наблюдая за всем, что происходило в коттедже. Но случалось, что он горько смеялся над ее прилежанием и, указывая на замок трубкой, которая почти постоянно была в его руках, спрашивал: не думает ли она купить себе такой же дом?

У Жильберта Арнольда предрасположенность к ненависти, зависти и злобе была намного сильнее, чем у других людей его положения. Он презирал индийского офицера, но он презирал и сэра Реджинальда, хотя последний и подарил его жене готическую сторожку и назначил очень хорошую еженедельную плату, кроме того, простил Жильберту множество проступков, совершенных в Лисльвуде. Он ненавидел белокурого мальчика, который проезжал мимо него на своем чистокровном пони, и завидовал его прекрасному замку, убранство которого стоило так дорого, ему хотелось бы сбросить баронета с седла и втоптать его в грязь. В лунные ночи он стоял на крыльце, глядя на замок и желая, чтобы это

величественное здание вдруг объяло пламя, и оно превратилось бы в груды безобразных дымящихся обломков.

— Горят же другие дома, а этот никак не сгорит! — бормотал он со злостью.

Одно время в Лисльвуде свирепствовала оспа, и Жильберт находился в необычайно приподнятом расположении духа, но страшная гостья ушла, так и не постучав своей костлявой рукой в ворота Лисльвуд-Парка.

— Умирают же у других дети, а этот все живет! — рассуждал Жильберт.

Но хотя благодаря неутомимым заботам нянек и докторов баронет и избежал различных опасностей, угрожающих детям, он казался не особенно крепким. Он был слишком мал ростом, чрезвычайно апатичен и учился с трудом, физические упражнения не нравились ему, к книгам и картинкам он тоже не чувствовал никакого влечения. Целыми днями он сидел в своей комнате, не делая ничего, и даже сесть на пони его заставляли только насильно. Он был не больше семилетнего сына Жильберта и гораздо слабее его. Он не был ни привязчив, ни нежен и довольно равнодушно относился к своей матери, которая боготворила его. Казалось, что он симпатизирует только сыну Жильберта, останавливал своего пони перед калиткой, когда Джеймс Арнольд играл в саду, и задавал ему сотни детских вопросов, между тем как Жильберт, притаившись за дверью, смотрел на детей своими кошачьими глазами.

Следует отметить, что Жильберт всегда избегал дневного света. Даже дома, в своих четырех стенах он как будто прятался от врага. Быть может, это в нем было от прошлого, когда он подолгу прятался в кустах или лежал во рву. Он ходил по комнатам тихо и осторожно, будто ожидая, что из-за угла вот-вот выскочит какой-нибудь лесничий или констебль. Он не занимался ни своим домом, ни своей наружностью: по несколько лет подряд носил один и тот же бархатный сюртук, на котором болтались стеклянные пуговицы, пестрый шерстяной галстук, широкие старые панталоны, подаренные ему еще покойным баронетом, и худые, стоптанные сапоги. Капитан Вальдзингам во время одной из своих утренних прогулок заметил его, стоящего в дверях сторожки, и начал кланяться ему, на что Жильберт отвечал каким-то ворчанием, которое должно было отбить у капитана всякую охоту к разговору.

Однако мало-помалу Вальдзингам заинтересовался этим человеком, его угрюмый вид и нелюдимость возбудили в нем желание побольше узнать о его прошлом, и он начал наводить справки.

— Раскаившийся браконьер, — повторил он задумчиво, когда один из лакеев сообщил ему некоторые факты из биографии Жильберта Арнольда, — старая острожная дичь, ленивец, ханжа, живущий трудами жены, которая слишком добра к нему... Да, я с самого начала считал его таким!

С тех пор нелюдимый сторож стал предметом особенного внимания капитана, он начал заговаривать с ним, хотя с трудом мог вытянуть из него пару слов, и видел, что Жильберт крайне недоволен такой настойчивостью. Капитан расспрашивал его о прошлом, о том, не был ли он счастливее, когда занимался ремеслом браконьера и сидел в тюрьме, но Жильберт был слишком лицемерен, чтобы отвечать на эти вопросы откровенно, и уверял, что искренне раскаивается в своих прежних заблуждениях, при этом он приводил множество цитат из религиозно-нравственных брошюр, которые давал ему читать ректор.

Все это не охладило живого интереса, который капитан чувствовал к экс-браконьеру: редко бывало, чтобы он проходил мимо, не поговорив с Жильбертом, казалось, что глаза сторожа, сверкавшие из-за косяка двери, имели какое-то особое магнетическое влияние на капитана, вроде того, что производит на маленькую птичку взгляд кошки.

— Это один из тех людей, встречаясь с которыми в глухом месте ночью, хорошо иметь с собой здоровую палку и хороший пластырь, — пробормотал однажды капитан после беседы с Жильбертом Арнольдом. — Он делал много предосудительного в молодости и теперь ненавидит себя — так же, как ненавидит других за то, что они не похожи на него. Он низкий, лицемерный, подлый трус, я убежден в этом, а между тем мне приятно видеть его и

говорить с ним.

V МАЙОР ГРАНВИЛЬ ВАРНЕЙ

Аллеи Лисльвуд-Парка покрылись густой листвой. Прошло полгода с тех пор, как Артур Вальдзингам женился на женщине, которую он любил так давно. Они завтракали в библиотеке за маленьким столом, придвинутым к окну с разноцветными стеклами, по милости которых снежно-белая скатерть и кисейный пеньюар миссис Вальдзингам казались окрашенными во все цвета радуги. Комната была залита мягким солнечным светом, и сэр Руперт Лисль невольно щурил свои голубые глаза. На столе стояли вазы из северского фарфора, наполненные сочными виноградными кистями среди широких резных листьев, паштет из голубей, окруженный красивым бордюром из белой бумаги, банки с консервами и медом и превосходный серебряный чайный сервиз. В открытое окно вливался аромат тысячи роз, шум ручья, впадавшего в озеро, жужжание пчел, пение птиц, жалобное мычание коров, проходящих мимо парка, и мурлыканье ангорской кошки, лежавшей на широком подоконнике, — все это сливалось в приятный шум, создававший атмосферу домашнего уюта.

— Клэрибелль, — сказал капитан, — я не думаю, что за все лето был день прекраснее этого. Я хочу пригласить вас на прогулку, я возьму и вас, сэр Руперт. Ведь вы пойдете с нами гулять, баронет?

Капитан любил величать своего пасынка этим титулом, казавшимся несовместимым с бледным, худым мальчиком, которому он принадлежал и которому весьма нравился.

— Хотите, баронет, — продолжал капитан, — проехаться к косогорам, а оттуда — до тех деревенок на Лондонской дороге? Дети прибегут смотреть на ваш фаэтон, ваших прекрасных лошадей и ливрейных лакеев, хотите, баронет?

— Да, если вы этого желаете, папа.

— А вам, Клэрибелль, угодно ли совершить подобную прогулку?

— Если вы желаете, Артур, — ответила она, очищая персик и не поднимая глаз.

В это время вошел лакей и положил утренние газеты перед капитаном.

— А! «Таймс» и «Мюрнингпост»! Да хранит Небо наши железные дороги, которые доставляют нам лондонские новости в десять часов утра... Вот и «Брайтонская газета»!

Капитан развернул прежде всего именно эту газету, поскольку Лисльвуд-Парк находился всего в двадцати милях от Брайтона.

— Лансы, двоюродные братья моего отца, ежегодно проводят этот месяц в Брайтоне, — сказала миссис Вальдзингам. — Посмотрите, Артур, нет ли в газете их имен.

— Где их искать?

— В списке прибывших, во всех газетах есть такие списки. Они останавливаются в гостинице «Корабль».

— Хорошо, посмотрим.

Неужели августовское солнце так сильно подействовало на капитана, что он вдруг потерял способность продолжать чтение, поднялся и зашатался, пытаясь опереться о подоконник? Летний ветерок вырвал газету из рук капитана, или эти сильные руки задрожали, как лист в осеннюю бурю? Что это значило? Что стало с Вальдзингамом?

— Артур! Вам нездоровится? Вы страшно побледнели, — вскрикнула Клэрибелль.

Капитан смял газету и, откинув волосы со лба, произнес самым естественным тоном:

— Вы спрашивали о Лансах? Их имена здесь не упоминаются.

— Но что заставило вас вскочить так внезапно, Артур?

— О, ничего!.. Мне просто стало дурно, от жары закружилась голова.

— Как вы меня испугали, капитан Вальдзингам! Я подумала, вы потеряли рассудок!

— Дорогая Клэрибелль, временами я и сам готов так думать.

— Дайте мне газету, может быть, я найду в ней что-нибудь о Лансах.

Он подал ей газету, снова уселся в кресло и начал рассматривать обои.

Клэрибелль внимательно просмотрела список вновь прибывших в Брайтон.

— Нет, — сказала она, — они еще не прибыли. В гостинице «Корабль» остановился только какой-то майор Гранвиль с женой. Очень симпатичное имя, не так ли, Артур?

— Какое? — спросил он рассеянно, не оборачиваясь к жене.

— Гранвиль Варней.

— О да! Очень милое имя. Майор служит в индийской армии.

— Вы знаете его?

— Очень хорошо, он служил в одном полку со мной... Я прикажу заложить лошадей. Наденьте вашу шляпку, Клэрибелль, я повезу вас в Меркэм-Вуд. Во время прогулки я хочу сделать вам одно предложение.

— Предложение?

— Да, или, вернее сказать, хочу попросить вас об одном одолжении. Идите же и наденьте вашу шляпку, как доброе и послушное дитя, которым вы были всегда. Вы, Руперт, ступайте за вашей фуражкой, а я пойду в конюшню.

Он вышел из библиотеки уверенной походкой кавалерийского офицера, но в передней он потребовал стакан воды и выпил его залпом. Слуга, подавший воду, был удивлен его расстроенным видом.

— Не подать ли вам чего покрепче, сэр? — спросил он с беспокойством.

— Да, Ричард, я пойду в столовую, и вы мне подадите рюмочку вина.

Капитан Вальдзингам сел за стол, уставленный всевозможной серебряной и хрустальной посудой, и вдруг упал в обморок, беспомощно откинув бледную голову на плечо эконома. Употребив все силы, чтобы разжать ему рот и влить несколько капель французской водки, слуга уж решил послать за миссис Вальдзингам, когда капитан открыл глаза и произнес:

— Ради Бога, не говорите госпоже ни слова о том, что случилось со мной!.. Подобные припадки часто бывали у меня в Индии. Мы, военные, ведем чрезвычайно беспокойную жизнь, вследствие чего делаемся слабыми и нервными, как капризные женщины.

Он вышел из столовой, не дожидаясь ответа, вернулся в библиотеку и поднял с пола газету.

— Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней, — пробормотал он, — всего в двадцати милях отсюда. Они услышат обо мне и придут сюда, чтобы дразнить меня и унижать, чтобы свести меня с ума и погубить окончательно. Они напомнят мне про адский договор, который заключен ими со мною, и будут требовать его выполнения... Безумный я, безумный! Я должен был предвидеть, что мне не удастся убежать от ужасного прошлого. Я похож на того старого браконьера, который вечно прячется, но не может скрыться от людских глаз, — говорил капитан, порывисто расхаживая по комнате. — На нас обоих лежит клеймо! — продолжал он, смеясь. — И нас легко узнать!.. Этот человек может служить мне зеркалом! Я похож на него: курю целыми днями, шляюсь без дела и скрываюсь. Однако не смогу ли я сбить их с дороги посредством какой-нибудь искусной комбинации?.. Клянусь Небом, это возможно, если она поможет мне в этом!

Не успел он произнести это, как вошла Клэрибелль, ведя за руку сына. Личико ее под соломенной шляпкой лучилось улыбкой, на плечах была прозрачная накидка с кружевами.

— Клэрибелль, — начал капитан, когда они сели в фаэтон, на запятках которого стояли два грума, — вы сегодня так очаровательны, что не откажите мне в милости, о которой я хочу просить вас.

— Ну так выскажите вашу просьбу, Артур, — ответила она весело.

— Мне бы хотелось провести с вами эту осень за границей, — сказал он, глядя на нее с беспокойством.

— За границей?.. Хорошо!.. В Париже?

— Дальше Парижа.

— Дальше Парижа?! В Италии? В Германии?

— Нет, ни в одной из этих стран... я хочу заставить вас предпринять настоящее путешествие, Клэрибелль, я хочу увести вас в пустыню, довести до Геркулесовых столбов. Согласны ли вы на это?

— Но туда же, кажется, никто не ездит, — заметила она.

— А зачем нам ехать туда, где бывают все, Клэрибелль? Нам нет необходимости отправляться в Баден, чтобы видеть лондонских лавочников, спускающих состояние за рулеткой, или в Неаполь или Флоренцию, чтобы слушать болтовню туристов с путеводителем Муррай в руках. Нет, Клэрибелль, я мечтаю похитить вас у общества... Хотите следовать за мною?.. Если вы любили меня когда-нибудь, скажите «да», — добавил он с каким-то странным подъемом. — Скажите же «да», моя возлюбленная, и дайте мне возможность бежать с вами из этой проклятой страны!

Мы уже отметили, что Клэрибелль как будто побаивалась капитана, потому она согласилась на это предложение так же, как исполнила его просьбу поехать с ним к косогору — без всякого протеста.

— Да, Артур, — произнесла она, — я отправлюсь с вами... но мне кажется, что вы сумасшедший.

— Я уже говорил вам, что в этом нечего сомневаться, но вы — кроткое, доброе, прелестное создание, — вы сделали меня счастливейшим из смертных! Раскурите мне сигару, и вы увидите, как ловко я сделаю поворот и въеду в лес.

Богатая вдова баронета была покорной женой бедного офицера: она позволяла ему курить в парадной гостиной и сама раскуривала сигары во время дороги. Если бы она была в состоянии любить еще кого-нибудь, кроме своего сына, то она от души полюбила бы этого красивого, пылкого, безумного офицера, который некогда так смело ухаживал за нею, но она боялась его припадков меланхолии и порой подолгу изучала меняющееся выражение его мрачного лица, когда он сидел, погружившись в размышления и теребя усы.

На этот раз капитан был в хорошем расположении духа. В лесу все вышли из экипажа, и один из грумов понес корзину с цыплятами, абрикосами и двумя бутылками рейнского вина.

Клэрибелль и Руперт были в восторге от пикника. Капитан сам расставил все на скатерти, разостланной под старым деревом на густой траве, уселся на один из толстых узловатых корней и с улыбкой любовался женой и мальчиком.

— Как вы прелестны, моя Клэрибелль! — сказал он. — Сэр Руперт, украсьте волосы вашей матери дубовыми листьями. Нет, нет, не так! Сделайте гирлянду. Моя белокурая возлюбленная, вас можно принять за доброго гения этой местности! Какой же я счастливец, Клэрибелль: у меня есть жена, волосы которой напоминают янтарь моих трубок, и она согласна ехать со мною на поиски Геркулесовых столбов!.. Вы купили меня, миссис Вальдзингам, точно так, как вас купил сэр Реджинальд Лисль. Это своего рода закон возмездия, как выражаются наши соседи: вы платите за мое платье, мои сигары, за вино, которое я пью, платите лакею, услугами которого я пользуюсь, и на вас лягут расходы по путешествию, которое я предпринимаю, чтобы сбежать от своих воображаемых демонов.

Был уже седьмой час, когда они поехали обратно в замок. Рахиль Арнольд отворила ворота парка, а белокурый мальчуган, цепляясь за складки ее платья, пристально смотрел на другого мальчика, тоже белокурого, который сидел в фэтоне между мистером и миссис Вальдзингам. Жильберт стоял, облокотившись на решетку своего садика, и курил свою грязную глиняную трубку: он едва пошевелился, чтобы снять поношенную шапку, когда экипаж проезжал мимо. Он был, по обыкновению, непричесан, небрит, неопрятен, усиленно моргал кошачьими глазами, и тень его ложилась прямо под копыта лошадей, бежавших крупной рысью.

Капитан с женой весь вечер обсуждали проект путешествия. Решено было ехать как можно скорее, так как нетерпению капитана не было границ: он готов был отправиться в путь хоть сейчас же. Они решили взять с собою сэра Руперта и двух слуг. Чтобы не терять лишнего времени, хотели ехать в Лондон на курьерском поезде, покинуть Англию

немедленно, а все необходимое закупить во Франции, через которую им предстояло ехать.

— Каким красивым кажется мне сегодня наш дом, Артур, — сказала миссис Вальдзингам, когда муж высадил ее из фаэтона и они вошли в переднюю, убранную экзотическими цветами. — Я бы хотела, чтобы вы привыкли к жизни в Англии.

— Я тоже этого хочу, Клэрибелль... Да, дом очень хорош, а меня можно считать вторым Каином, если я способен бежать из этого рая.

Они еще не покинули переднюю, как лакей подал им серебряный поднос, на котором лежали две визитные карточки: мужская и женская.

— Что это? — спросил капитан рассеянно. — Положите их в корзинку для визитных карточек, миссис Вальдзингам.

— Но эти господа здесь, капитан. Они желали дождаться вашего возвращения и теперь рассматривают картины в столовой.

— Картины!

Капитан снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

— Что это за люди, Клэрибелль? — спросил он жену, взявшую в руки карточки.

— По истине странное совпадение, Артур! Это ваши индийские друзья, майор Варней с женой — те самые, имена которых мы прочли в списке вновь прибывших в Брайтон.

В это мгновение дверь столовой отворилась, и показалось смеющееся лицо.

— А вот и он, наш милый товарищ! Наконец-то я нашел вас, старый лис!.. Артур, я отыскал вас! Старый друг... старый, хитрый лис! Дорогой товарищ!

При этих словах майор Гранвиль разразился неудержимым хохотом. Он кинулся к своему «дорогому товарищу», к «старому лису» и несколько раз крепко пожал ему обе руки. Без сомнения, это свидание доставляло ему величайшую радость, и в порыве этой радости он, как безумный, повторял одни и те же фразы. Это был высокий и сильный мужчина со свежим румяным лицом. У него были голубые глаза, чрезвычайно белые и блестящие зубы, розовые губы, прекрасный цвет лица и каштановые, с золотистым оттенком, усы и волосы. Общее впечатление было, если можно так выразиться, ослепительным: на него невозможно было долго смотреть, как на солнце. Ему очень шли широкий домашний костюм, пальто с бархатными отворотами и жилет лимонного цвета, галстук был повязан весьма небрежно, на часовой цепочке болталось множество брелоков, а пальцы унизаны перстнями. Гость сверкал и блистал с головы до ног, и казалось, что он распространяет вокруг себя какое-то сияние.

«Старый лис», бледный и угрюмый, оказал ему очень холодный прием, представив его миссис Вальдзингам. Майор был в восхищении.

— А я и не слышал, что старый повеса женился, — сказал он. — Верите ли, сударыня: наш дорогой Артур скрыл это радостное событие от своих калькуттских друзей! От друзей, которые любят его так искренно и имеют тысячу причин рассчитывать на его взаимность. Я узнал о его браке только сегодня утром, случайно, в гостинице «Корабль». Рассказать вам, Артур, как это случилось? Миссис Варней вздумалось прокатиться, я начал было объяснять ей, что в окрестностях Брайтона нет ничего такого, чего бы мы уже не видели, но миссис Варней настояла-таки на своем, и я спросил слугу, есть ли поблизости какой-нибудь замок, который стоит осмотреть. Слуга назвал Лисльвуд-Парк. «Прекрасно! Что это за Лисльвуд-Парк?» — «Резиденция сэра Руперта Лисля». — «Прекрасно! Мы хотим взглянуть на сэра Руперта Лисля». Нам и в голову не приходило, чтобы сэр Руперт Лисль — молодой джентльмен, бегающий в бархатной курточке. Прекрасно! Мы, явившись сюда, просим показать нам замок. Нам отвечают, что его никому не показывают. «Что? Никому?!» — восклицаем мы печально. «Никому! — повторяют ваши слуги. — Капитан Вальдзингам имеет на то особые причины». Капитан Вальдзингам! Представьте мое удивление, когда я услышал это имя, дорогой друг! Ведь во время вашего пребывания в Калькутте, помнится, вы не были владельцем Лисльвуд-Парка!.. Представьте мою радость, мое счастье при вести о счастье моего друга!.. Ну дай еще раз руку, старый лис!

— Не разыгрывайте из себя сумасшедшего, майор, — сухо ответил капитан.

— И он даже не спросит о бедной Аде, которая зевает перед картиной Рубенса —

собственностью сэра Руперта Лисля, что висит над камином в той комнате, — продолжал майор, указывая на дверь гостиной. — Нужно вам заметить, что эта картина (между нами и при всем моем уважении к баронету, который еще слишком молод, чтобы быть хорошим знатоком) не что иное, как копия!.. Да, Артур, да, дорогой друг, это просто копия, и мне кажется, что я знаю того, кто писал ее — внука антверпенского жида, миссис Вальдзингам, жида, но гения. Отличительная черта этого семейства — рубенсовский колорит, и любой торговец картинами может тотчас указать вам на работу одного из его членов.

Капитан грустно опустил глаза на свои запыленные сапоги, между тем как майор сиял лучезарной улыбкой, как будто ожидал услышать что-то очень приятное.

— Артур, — снова заговорил мистер Гранвиль, разглаживая усы своей красивой рукой, сверкавшей драгоценными камнями, — неужели вы не спросите меня об Аде?

— Ах да! — сказал капитан. — Как здоровье миссис Варней?

— Миссис Варней! — повторил майор тоном глубочайшего упрека. — Дорогая миссис Вальдзингам, верите ли, что в течение двух лет эти милые дети постоянно называли друг друга Артуром и Адой?.. Но пойдемте же, гадкий капитан, пойдем взглянуть на вашего старого друга... Миссис Вальдзингам, моя жена будет очарована вами, а вы будете очарованы моей женой. Вы обе молоды и в высшей степени прекрасны, — добавил он с поклоном. — Одна из вас такая живая, другая — тихая и спокойная... Ада! — позвал он, повысив голос.

— Что, дорогой?

Эти два слова были произнесены таким чудным голосом, что, казалось, он проникал прямо в душу, затрагивая в ней самые тонкие, самые нежные струны. Миссис Варней появилась на пороге гостиной и остановилась в дверях, так что ее можно было принять за прекрасную картину в раме, а зеленая бархатная драпировка двери довершала иллюзию. Свет из большого окна передней падал прямо на молодую женщину, и она была так прелестна, что, казалось, солнце сосредоточило на ней все свои лучи, оставляя окружающих в тени. На ней было шелковое платье, расшитое серебром, с фиолетовыми бантами и бахромой. Черная кружевная шаль спускалась с ее плеч и красивыми складками падала вокруг ее талии. Она была без шляпки, и ее темные локоны, откиннутые назад, в беспорядке вились вокруг шеи. В лице ее было много чисто восточных черт: небольшой тонкий нос, черные томные продолговатые глаза, полузакрытые длинными шелковистыми и тоже совершенно черными ресницами. Полные губы ее были ярко-красными, а лицо смуглым и бледным. Эта роскошная красота в сочетании с детским выражением лица была полна какого-то особенного обаяния. Враги ее, не смея отрицать, что она прелестна, приписывали ей еврейское происхождение — вот и все, что они могли сказать о ней предосудительного.

Несколько минут она стояла неподвижная, как статуя: казалось, что она ждет, когда пройдут восторг и удивление, вызванные ее появлением, — а потом, протягивая свою маленькую ручку, обтянутую изящной перчаткой, подошла к капитану, который тоже смотрел на нее, как будто видел ее в первый раз.

— Капитан Вальдзингам, неужели вы совсем забыли Калькутту? — спросила она.

— Забыл Калькутту?.. Я готов биться о заклад, что нет, — с громким смехом заметил майор.

— Вовсе нет, миссис, — ответил Артур, — почти для всех прошлое — весьма дорогостоящий учитель, но он был бы плохим, если бы мы так скоро забывали его уроки.

— Он читает нравоучение, как автор какого-нибудь романа в последней главе, — сказал майор, продолжая смеяться... — Старый лис! Устроился-таки наконец, как выражаются у нас, по ту сторону пролива. Однако, Артур, представьте-ка друг другу наших дам.

Смуглое лицо капитана омрачилось еще больше.

— Это едва ли необходимо, — ответил он. — Мы с женой завтра отправляемся на материк... Пойдемте, Клэрибелль, пойдемте, баронет.

Он взял мальчика за руку и направился к библиотеке, решительно повернувшись

спиной к майору и его прекрасной жене. Миссис Вальдзингам посмотрела на него с недоумением. Он часто бывал резким и странным, но она ни разу еще не видела его таким невежливым и грубым. Майор между тем ничуть не смутился: он тихо засмеялся, и, прежде чем капитан Вальдзингам успел выйти из передней, запел своим прекрасным тенором: «Не уходи, настал твой час!»

Артур Вальдзингам вдруг остановился, будто увидел перед собой дуло пистолета.

— Вернитесь, дорогой товарищ, — проговорил майор, закончив куплет великолепнейшей руладой. — Вернитесь, мой друг, и познакомьте миссис Вальдзингам с миссис Варней, познакомьте их, Артур, и измените свое намерение отправиться на континент. По-моему, это самое благоразумное, что вы можете сделать.

Капитан представил друг другу обеих женщин, и Клэрибелль почувствовала живейшую симпатию к прекрасной гостье.

— Не пригласить ли нам ваших друзей к обеду, Артур? — спросила она мужа шепотом.

Он не ответил, только сказал:

— Проводите миссис Варней в гостиную, Клэрибелль. А мы с вами, майор, пойдем на террасу выкурить пару сигар.

— Хоть дюжину, мой дорогой, потому что мне нужно многое сказать вам.

Мужчины пробыли на террасе до тех пор, пока колокол не позвал их к обеду. Дамы, сидевшие у одного из окон гостиной, заметили, что они вели очень оживленную беседу. Майор говорил с воодушевлением, сопровождая свои слова бурной жестикуляцией, в то время как капитан ходил взад и вперед, повесив голову и сунув руки в карманы. Чем более оживлялся майор, чем больше он размахивал руками и смеялся, тем с большим ожесточением курил его собеседник, делаясь все угрюмее и угрюмее. Когда колокол замолк, капитан Вальдзингам и майор вошли в гостиную.

— Клэрибелль, — сказал он, — майор уговорил меня отложить наше путешествие до тех пор, пока он с женой не будет в состоянии присоединиться к нам, вместе с тем он обещал доставить нам удовольствие провести с нами неделю или две.

— Артур так настойчиво предлагал мне свое гостеприимство, Ада, что я волей-неволей решил остаться здесь на несколько дней, не зная, насколько это согласуется с вашими желаниями, а также с желаниями миссис Вальдзингам, которая, вероятно, находит эти индийские знакомства крайне неприятными... Я приехал сюда в своем экипаже. Он вам не помешает, Артур?

— Нет, в конюшнях есть свободное место. У вас с собою, конечно же, и кучер?

— Да, прекрасный мальчик, он будет настоящим кладом для ваших людей.

— Майор и миссис Варней займут голубые комнаты. Клэрибелль, потрудитесь отдать приказание Персону.

— Да, Артур, я сделаю это немедленно. Я счастлива, что вы согласились остаться с нами, — добавила миссис Вальдзингам, обращаясь к Аде Варней.

— Вы успели полюбить ее? — сказал майор. — Я так и думал, ее любит весь свет!

Выходя из гостиной, майор остановился в дверях и, окинув быстрым взглядом комнату, из окон которой видны были обширные сады, лес и озеро, проговорил:

— Так это и есть Лисльвуд-Парк! Артур Вальдзингам, вы — гораздо более хитрый лис, чем ваш учитель!..

VI В ПУТАХ

За столом майор Гранвиль Варней был еще любезнее, веселее и разговорчивее. Он сидел рядом с Клэрибелль. Вальдзингам и непокойная, терпеливая хозяйка Лисльвуд-Парка с величайшим вниманием слушали несмолкаемую болтовню белокурого офицера. Он рассказал сотни анекдотов из индийской жизни — таких же живых и увлекательных, таких же блестящих и остроумных, как сам рассказчик.

Подобно всем тихим и не склонным к глубоким размышлениям людям, Клэрибелль легко заражалась весельем других. Она слушала с удовольствием, удивляясь всему, что ей говорил этот веселый военный, который рассказывал и о страшной битве в Пенджабе, и о комичной сцене, разыгравшейся во время обеда в Калькутте. Она вздыхала и смотрела то на очаровательного майора, то на молчаливого капитана, который, не поднимая головы, упорно изучал вензель Лисля, вырезанный на вилке.

«О, если б у Артура был такой веселый характер!» — думала Клэрибелль.

Миссис Варней говорила мало, вероятно, она слышала истории майора уж не один раз. А капитан и не старался вступить в беседу со своей прекрасной соседкой, с рассеянным и смущенным видом он откинулся на спинку кресла, даже не притронувшись к своему бокалу с вином.

После обеда, когда дамы сидели в гостиной, а майор занимал миссис Вальдзингам топографическими описаниями, капитан через открытое окно вылез на террасу, спустился в парк и пошел по большой аллее. Солнце садилось за тучами, и последние багровые лучи его медленно исчезали за деревьями. Было душно, и вокруг царил полнейшая тишина, которая всегда предшествует грозе. Крупные капли дождя начали тяжело падать на листья дубов и на голову капитана, который шел, опустив глаза в землю и не замечая того, что происходит вокруг.

— Здесь тихо, как в лесу, — пробормотал он, когда наконец, оглянувшись, понял, что находится в самой глухой части парка.

Пройдя еще немного, он оказался среди буков, толстые ветки которых сплели над ним густую сеть. Временами он бросал взгляд на освещенные окна замка, отражавшиеся в спокойной глади озера, пока наконец, обернувшись, не заметил, что замок скрыт от него великолепными столетними деревьями.

— Я один, — сказал он. — Сюда может забраться только браконьер или человек, желающий лишить себя жизни.

Он сел на нижний сук одного из деревьев и вынул из кармана что-то завернутое в батистовый платок. Было уже слишком темно, чтобы рассмотреть этот предмет, и он тщательно ощупал его рукою. Вдруг у плеча капитана мелькнуло что-то белое: кто-то выхватил из его рук занимавший его предмет. Капитан вскочил, обернулся и схватил за горло стоявшего позади него Гранвиля Варнея.

— Отдайте! — проговорил он в бешенстве.

— Ни за что, — ответил хладнокровно майор. — У вас есть еще один?

— Вам-то какое дело?

— Упрямое дитя! Я ведь просто спросил, есть ли при вас другой, запасной пистолет? — мягко спросил майор.

— Нет, тысячу раз нет!

— Великолепно, мой бесценный Артур!.. Тогда сядем на эту ветку — она заменит козетку — и поговорим без всяких гневных выходок.

Капитан сел, не говоря ни слова.

— Но прежде мы вынем заряд из этой опасной игрушки, — продолжал майор, кладя пулю в карман и высыпая туда же порох, — закурим по сигаре и поговорим о делах.

Он подал Артуру Вальдзингаму портсигар. Свет спички озарил собеседников: лицо капитана было бледнее смерти, майор же, наоборот, казался спокойный и веселым.

— Ну-с, — сказал он, — что все это означает?

— Что вы имеете в виду? — проворчал капитан.

— Я имею в виду пистолет. Неужели вы думали, что я не угадаю ваше намерение? Вы думали, что я ничего не заметил и не прочел по вашему лицу? А я даже слышал, как ваш пистолет стукнул о кресло, когда вы встали, чтобы открыть дамам дверь. Когда вы вышли из гостиной, я понял, что вы собираетесь сделать, и через пять минут последовал за вами... Наивный ребенок, который не понимает своей выгоды!.. Неблагодарный, забывший своих друзей! Бедный мальчик!..

Майор громко рассмеялся, положил пистолет в карман и выпустил несколько клубов дыма. Капитан Вальдзингам сидел грустный и унылый, прислонившись к стволу дерева, и едва затягивался сигарой.

— Посмотрим, Артур, сделал ли я что-нибудь дурное по отношению к вам. Я мог бы начать с упреков, но я ненавижу упреки, поэтому оставим их в стороне и займемся вашей глупостью. Артур, вы делаете себя посмешищем!

Капитан молчал, и после короткой паузы майор продолжал:

— Вы дурак, Артур, если даже не спрашиваете, почему я назвал вас посмешищем. Но это не беда: я задал вопрос и сам же на него отвечаю. Я ставлю себя на ваше место, Артур Вальдзингам, и спрашиваю: почему же я, Артур, оказался смешным?.. Сперва вы, милый друг, сделали ужасную, но весьма часто встречающуюся ошибку, думая, что можете воспользоваться услугами человека, превосходящего вас умом, и бросить его, когда не будете больше в нем нуждаться.

И снова лишь шум дождя стал ответом майору Варнею.

— Несколько лет тому назад, Артур, вы находились в таком затруднении, из которого едва ли выпутались бы без содействия вашего преданного друга.

— Это верно, — произнес наконец капитан.

— Милый друг, если вы перестанете дуться, мы снова станем прежними приятелями. Итак, я помог вам выйти из весьма плачевного положения; вследствие этого между нами установились самые искренние отношения. В Калькутте нас даже прозвали Дамоном и Пифиасом... Нас связывало нечто большее, чем дружба... то был таинственный, священный союз, который могла разорвать только смерть. Не так ли, Артур?

— Если вы хотите сказать, что мы были полезны друг другу, то я отвечаю «да», — произнес капитан.

— Но теперь вы не говорите этого, бездушный Артур!.. Ну хорошо: мы были полезны друг другу, в высшей степени полезны, и это могло бы длиться много счастливых лет. Но в одно прекрасное утро капитан Артур Вальдзингам покинул службу в индийской армии так же спокойно, как покидают какое-нибудь кафе или ресторан, — вместо того, чтобы посоветоваться со своим другом, который уговорил бы его подождать, пока кто-либо из офицеров не согласится купить его капитанский патент.

— Или может быть, чтобы он спокойно ждал, пока ему не дадут отставку, — насмешливо сказал капитан.

— Артур, вы сумасшедший!.. Итак, вместо того, чтобы спросить совета у более опытного человека, бедный мальчик оставляет службу и спешит в Англию, забыв об оказанных ему услугах, неблагодарный, недоверчивый, скрытный!.. Вот и все, что мог узнать о нем его друг, вернувшись из экскурсии в горы.

— Да... и вы, майор, лишились своего орудия.

— Я лишился своего орудия, Артур? Как вы можете такое говорить? — произнес майор с притворным негодованием. — Нет, я лишился своего друга, своего ученика, своего товарища, своего Дамона!.. Я поручил одному знакомому навести о вас справки в Англии. Вас видели высадившимся в Довере, но с тех пор никто вас больше не встречал. Мне ничего не оставалось, как сидеть у моря и ждать погоды. «Хитрый лис выскользнул из моих рук, — сказал я себе. — Самое лучшее теперь — ждать, когда ко мне придет удача, и не будь я Гранвиль Варней, если я ее не поймаю!»

С этими словами он тихо положил свою женственную руку на плечо капитана, и как ни легко было это прикосновение, Артур Вальдзингам согнулся под ним, как под тяжестью в сотню пудов.

— «Я найду его!» — говорил я себе. — Продолжал майор. — «Пусть скрывается где хочет, а я все же его найду!..» Все так и получилось.

Он разразился торжествующим смехом, тихо потирая себе руки и глядя на капитана сверкающими голубыми глазами.

— Я получил отпуск и покинул Индию, — продолжал он скороговоркой, оживляясь все

более и более. — Я обегал все игорные дома в Лондоне, рыскал по всем тавернам, я справлялся повсюду и у всех без разбора и наконец после долгих поисков, тысяч неудач и неприятностей сегодня утром я узнаю, что некий капитан Вальдзингам женился на богатой вдове сэра Реджинальда Лисля, баронета, и проживает в Лисльвуд-Парке.

— Значит, ваш приезд не случаен? — спросил капитан.

— Разумеется, дорогой Артур! Неужели вы думаете, что я был бы тем, кто я есть, если бы я полагался только на волю судьбы? Нет, я хорошо знал, куда и зачем я иду, — пусть будет это вам известно! Я явился сюда, чтобы настоять на выполнении всех пунктов нашего договора, чтобы заявить свои права и заставить вас поделиться барышами. Сколь ни велико богатство вашей жены, которое перешло к вам, я требую половину этой суммы, сколько бы владений и власти вы ни отняли у вашего пасынка — половина и того и другого должна быть моею. Я хочу, чтобы вы поделились со мною вашим комфортом, вашей роскошью, вашим блеском!.. А теперь, дорогой Артур, вернемся в замок... Артур Вальдзингам и компания! Помните, что ваш старый союзник следует за вами, потому что ему нравится оставаться в тени.

Когда собеседники удались, кто-то осторожно раздвинул ветви рядом с тем местом, где они только что сидели, и тихо направился к решетке парка.

Бледный и трепещущий Артур Вальдзингам прошел по аллее, миновал мост и цветники, он шел так, как идет приговоренный к смерти, которого уже возводят на эшафот, тогда как блестящий майор, следовавший за ним, очень походил на палача, даже в том, как его нежная рука касалась плеча капитана, было что-то, напоминающее полицейского, схватившего свою жертву, нечто, яснее слов говорившее: «Ты пойман, Артур Вальдзингам!»

VII ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА

Майор Гранвиль Варней совершенно беспрепятственно разместился в Лисльвуд-Парке. Он послал в Брайтон за своим багажом, который и привез его камердинер — еврей Соломон. Злые языки в Калькутте утверждали, что этот черноглазый иудей не всегда служил майору, а был прежде режиссером какого-то провинциального театра, на подмостках которого его прекрасная сестра играла первые роли, эти злые языки увлекались иногда до того, что уверяли, будто эта самая сестра Соломона ныне не кто иная, как очаровательная миссис Гранвиль Варней, в которую майор влюбился до безумия во время своего отпуска в Англии, увидев ее играющей на сцене ее брата, и женился на ней без всяких проволочек. Но как бы там ни было, нельзя отрицать, что миссис Варней — женщина в высшей степени изящная, красивая и привлекательная, к тому же обладавшая великолепным контраalto и замечательным музыкальным талантом, который настолько превосходил обычное дарование, что граничил с гениальностью. Если же толстый камердинер был ее братом, то нельзя сказать, что она выказывала к нему особую нежность: миссис Варней проходила мимо него, опустив глаза, как будто он был недостойн того, чтобы она заметила его присутствие.

После двух-трех дней пребывания майора в замке угрюмость и задумчивость Вальдзингама начали постепенно проходить. Большую часть дня они проводили за бильярдом, а половину ночи — за экартэ; дамы иногда приходили в бильярдную, чтобы следить за их игрой. Майор смеялся и болтал, выделывая кием разные трюки, и рассыпался в комплиментах присутствующим дамам, пока шары катились по зеленому сукну. Артур же Вальдзингам, напротив, играл с каким-то лихорадочным азартом; он как будто никогда не уставал и не скучал за бильярдом и оставлял его с сожалением, а во время игры в экартэ постоянно требовал продолжения и удерживал своего друга за карточным столом еще долгое время после ухода дам. Если бы кто-то увидел этих двух мужчин, склонившихся над картами, он сказал бы, что майор играет только из любопытства или из снисхождения к другу, между тем как для капитана игра была глубоко укоренившейся страстью.

Пока в замке происходили все эти события, сторож Жильберт Арнольд, стоя за дверью,

курил, по обыкновению, свою трубку, следя взглядом ненависти и зависти за гостями и обитателями поместья.

— Итак, у капитана неизвестно какого, который явился неизвестно откуда, гостит один из его друзей, — сказал он жене спустя несколько дней по приезде майора. — Он, вероятно, думает, что мой сын падет ниц, чтобы доставить ему удовольствие попирать его ногами; эти господа всегда ждут чего-то подобного. Но мы не сделаем этого, не правда ли, Джим? — добавил он, обращаясь к сыну, качавшемуся на калитке.

— Чего мы не сделаем, папочка?

— Мы не упадем на землю, чтобы богачи топтали нас своими блестящими сапогами, ведь так, Джим?

— Нет, папочка, по доброй воле мы не сделаем этого, — ответил мальчик, лукаво взглянув на нахмуренное лицо отца.

Жильберт расхохотался.

— Ты весь в меня, мой сын, — настоящая молодая поросль старого дуба... К черту унижения, к черту заискивание и раболепие перед господами, когда они бросают нам крошки со своего стола!

— Папочка! — воскликнул мальчик. — Вон капитан, господин с усами и сэра Руперт! Они идут к ограде.

— А! Не исключено, что ты получишь шесть пенсов, если подойдешь к ним. Бери их деньги, но не позволяй унижать себя, Джим; это тебе мой совет.

Мальчик кивнул головою и, спрыгнув с калитки, побежал в аллею.

— Артур, — спросил майор, приближаясь к ограде, — известно ли вам что-либо относительно старого браконьера, который служит у вас?

— Ничего, кроме того, что он в свое время был страшным негодяем, а теперь прилежно читает душевспасительные книжки и каждое воскресенье бывает в церкви.

— Хорошо! — сказал майор. — Прежде был отъявленным плутом, а теперь стал ханжой и лицемером... Вот человек, Артур, которого мне необходимо изучить... только изучить, вы понимаете? Можете кое-что рассказать о его прошлом?

— Год или два он провел вне Суссекса — сидел в остроге в Гемпшире вследствие каких-то недоразумений с нашими лесничими; по возвращении женился на Рахили Дэвсон, дочери сторожа, и с тех пор только и делает, что бродит вокруг своего дома, вот как сейчас.

— Да вот и он! — проговорил майор весело. — Глаза у него зеленовато-желтые, настоящие кошачьи глаза, которые меняют свой цвет на солнце; походка тоже кошачья — тихая, крадущаяся; и, верно, он отличается и кошачьей хитростью. Артур Вальдзингам, я должен изучить этого человека!

В это время они подошли к ограде.

— Здравствуй, Арнольд! — сказал капитан.

Тот нехотя кивнул головой и так же нехотя снял свою засаленную фуражку. Маленький баронет в бархатном камзоле, смотрел на Джима, одетого в плисовые панталоны, холстинковую блузу и толстые башмаки, подбитые гвоздями.

— Черт возьми! — воскликнул майор. — Дети кажутся ровесниками.

— Мой мальчик на год моложе сэра Руперта, — проворчал Жильберт Арнольд.

— На год моложе! Для своих лет он молодец, друг мой! Они, должно быть, одинакового роста. Посмотрим... Баронет, сойдите с пони и посмотрим, кто из вас выше: вы или маленький Арнольд.

Баронет спрыгнул на землю, и майор поставил мальчиков спиной к спине. Сэр Руперт снял шляпу, при этом оказалось, что они одного роста.

— Ни малейшей разницы, — сказал майор Варней, — волосы тоже совершенно одинаковые.

Майор был прав: длинные кудри баронета и коротко остриженные волосы Джеймса имели один и тот же оттенок. Голубоглазые, с бледными лицами и тонкими чертами, мальчики являли поразительное сходство, однако поверхностный наблюдатель вряд ли

заметил бы его из-за разницы в костюмах и прическах.

— Если бы мой приятель Арнольд одевал своего сына так же, как одевают сэра Руперта, этих детей можно бы назвать близнецами, — заметил майор. — Баронет, позвольте мальчику сесть на минуту на вашего пони; нам хочется посмотреть, как он будет держаться.

Майор посадил мальчика на пони, однако Джеймс Арнольд унаследовал только завистливый характер отца, но не его отвагу: когда майор хлестнул лошадь, мальчик побледнел и закричал.

— Что?! — сказал майор, снимая его с седла. — Да он дрожит всем телом! Неужели он робкого десятка?

— Да, он несколько боязлив, — ответил отец.

— Боязлив! — повторил майор. — Боязлив! Вот чего никак нельзя было ожидать! Сэр Руперт нежен, как молодая девушка, но держит себя на пони не хуже взрослого и не побоится перескочить через плетень, не так ли, баронет? — обратился он к сэру Руперту, который снова сел в седло.

— Да, майор, Джеймс Арнольд трус, он кричит, едва до него дотронешься; я не люблю трусливых!

— Тише, баронет! Джентльмену не следует так говорить: смелость и робость во многом зависят от физических причин. Этот мальчик не может противиться страху, — продолжал майор, положив руку на голову Джеймса. — Он очень впечатлителен, и человек с сильной волей может сделать из него все, что захочет. Я уверен, что мог бы заставить его следовать за мною, как собачка, и угадывать мои сокровенные мысли... Берегите вашего сына, Арнольд, иначе он доставит вам много хлопот.

— Благодарю вас, сэр, — ответил сторож угрюмо, — я не боюсь этого.

— А, понимаю: вы не любите, когда вмешиваются в ваши дела. Ничего, мой милый, со временем мы научимся понимать друг друга, — произнес майор, потирая руки и поглядывая на сердитого сторожа с лукавой усмешкой.

Под этим пристальным сверкающим взглядом начал усиленно моргать Жильберт Арнольд.

— До свидания, мой друг, — добавил майор. — Я еще приду когда-нибудь поболтать с вами... Идем, баронет! Идем Артур, мой бесценный друг! Пора в путь.

При этих словах Варнея ворота парка закрипели и захлопнулись. Жильберт Арнольд покинул свой любимый пост и принялся внимательно наблюдать за гуляющими.

— Будь проклят этот человек! — проговорил он злобно. — Хотел бы я знать, кто он такой, если позволяет себе обращаться с людьми, как с неодушевленными предметами... Черт бы побрал этого дерзкого гордеца!

Вечером майор долго сидел за туалетом; казалось, что он никогда не закончит приглаживать волосы и расчесывать усы. Наконец он прекратил свое занятие и, держа в руках две гребенки из слоновой кости, задумчиво взглянул на камердинера, стоявшего пред ним с жилетом в руках.

— Соломон, вы ведете в этом скучном замке слишком спокойную жизнь, — сказал майор. — Надеюсь, ваш мозг не отупеет от этого бездействия.

— Надеюсь, что нет, господин майор, в особенности если...

— В особенности если я найду нужным привести его в движение, не так ли, Соломон?... Я понимаю вас, вы славный малый, Соломон, и я надеюсь, что скоро буду иметь возможность удвоить ваше жалованье. А теперь возьмите записную книжку и слушайте меня.

Соломон вынул из кармана карандаш и книжку, листки которой были испещрены заметками, и приготовился писать.

— Возле ограды парка, — начал майор, — живет бывший браконьер, которого зовут Жильберт Арнольд. Пишите: Жильберт Арнольд, браконьер.

Соломон записал.

— Он сидел в винчестерской тюрьме за драку с лесниками, — продолжал Гранвиль, —

запишите: винчестерская тюрьма.

Соломон записал все, что ему приказали.

— Теперь закройте книжку и выслушайте меня!

Майор уселся в кресло, и Соломон приготовился внимательно слушать своего господина.

— Этот браконьер сидел в винчестерской тюрьме за нарушение закона; два раза он был в ливиском остроге за какие-то другие проступки. Однако он совершил преступление, за которое так и не понес наказания.

— Из чего вы это заключили, господин майор?

— Об этом говорит наружность этого человека: его мигающие глаза, которые никогда не смотрят прямо, его нерешительная походка и все его ужимки. Каждое утро, вставая с постели, он говорит себе: «Сегодня вечером я могу быть арестован». Садясь к зеркалу, чтобы побриться, он через несколько минут бросает бритву и думает: «Может быть, вечером я буду щеголять в арестантском платье». Соломон, этот человек наверняка много лет назад совершил какое-нибудь преступление и сумел спрятать концы в воду. Он живет в вечном страхе, и, хотя он в настоящее время, быть может, считает себя в безопасности, страх уже вошел у него в привычку. О Соломон! Какое счастье иметь чистую совесть и жить, не опасаясь, что в один прекрасный день придется надеть арестантский костюм!

При этих утешительных словах майор громко рассмеялся.

— Соломон, вы, должно быть, уже угадываете, о чем я хочу просить вас. Завтра утром вам нужно будет навести кое-какие справки, я скажу, где и что нужно сделать. Я рассчитываю на вашу скромность и говорю вам прямо: узнайте тайну Жильберта Арнольда и сообщите ее мне. А теперь давайте жилет.

Майор закончил свой туалет и отослал камердинера. Дверь отворилась, и на пороге показалась миссис Варней в белом платье и с живыми цветами в волосах.

— Вы сегодня очаровательны, кумир моего сердца! — нежно проговорил майор. — Эти цветы придают вам непорочный вид. Скажите, Ада Варней, хотели бы вы стать владелицей Лисльвуд-Парка?

— Перестаньте говорить глупости и пойдемте вниз, — ответила молодая женщина. — Я думала, вы никогда не завершите свой туалет.

— Ада, приготовления, необходимые для подкопа этого дома, отнимают немало времени. Впрочем, мне кажется, скоро можно будет заняться установкой мин, не так ли? Но вы не беспокойтесь, моя дорогая, дела идут!.. Соломон получил от меня инструкции. Остается еще многое сделать, но мы достигнем цели с чистой совестью, не опасаясь ни тюрьмы, ни наказания.

VIII БИШЕР-РИД

Через пять недель после появления в Лисльвуд-Парке майора Гранвиля Варнея с женой настал день их отъезда. Они хотели провести еще неделю или две в Брайтоне, прежде чем отправиться в Лондон, где предполагали пробыть до конца отпуска майора. Они намеревались ехать в своем экипаже, на своих лошадях и со своим кучером, а Соломон должен был занять место на запятках. Майор и миссис Варней стояли на террасе в обществе хозяев, пока чемоданы укладывали на верх экипажа под наблюдением опытного Соломона.

— Артур, — сказал майор, — большая дорога идет мимо косогора, который вы называете Бишер-Ридом?

— Да, мимо одного из косогоров, но не Бишер-Рида — он находится с другой стороны.

— Не пойти ли нам с вами туда, пока Соломон укладывает багаж? Время еще есть... Ада подождет меня на дороге, приближение экипажа я увижу с горы. Мне надо сказать милому Артуру несколько слов на прощание.

Майор простился с миссис Вальдзингам, накинул на плечи толстый плед и сказал жене,

в каком месте ей следует ждать его.

В этот момент из конюшен выехал на своем пони сэр Руперт Лисль.

— Папа, можно мне поехать с вами? — спросил он.

Капитан Вальдзингам колебался с ответом. Он вопросительно взглянул на своего приятеля.

— Конечно, можно, сэр Руперт, — сказал майор.

Возле сторожки майор остановился и опустил золотую монету в руку бывшего браконьера.

— Здравствуйте и прощайте, друзья мои, — произнес он. — Послушайте моего совета: берегите вашего сына, если не хотите попасть в затруднительное положение в самом ближайшем будущем.

— Хорошо, сэр, — ответил сторож с хитрой улыбкой.

Ворота со скрежетом захлопнулись за молодым владельцем Лисльвуд-Парка. Как бы молод он ни был, если б он только мог предвидеть, что его ожидает за этой решеткой, резкий звук показался бы ему похоронным звоном по его беспечной жизни.

По неровной дороге до косогора, на котором капитан Вальдзингам встретил леди Лисль в день своего возвращения из Индии, нужно было идти около часа. Взойдя на вершину, мужчины оглянулись. Майор подмигнул капитану.

— Руперт, езжайте на ту сторону косогора: мне надо поговорить с майором! — произнес Вальдзингам.

Мальчик кивнул головой и, размахивая хлыстом, поскакал, куда ему указал отчим и где он все время оставался на виду, но не мог ничего слышать.

— В чем дело? — спросил капитан, воткнув в землю свою трость и тяжело опершись на нее. Очевидно, он приготовился к продолжительной беседе.

Майор расстегнул широкое пальто и начал играть золотыми брелоками часов. Его белые зубы, усы и бакенбарды так и сияли на солнце.

— В чем дело? — повторил капитан с нетерпением. — Для чего вы притащили меня сюда? Что вы хотите сказать такого, чего не могли сказать вчера вечером?

— Вы не догадываетесь? — спросил майор с любезной улыбкой.

— Понятия не имею.

— Ну да, вы не хотите догадаться! Вы боитесь принять на себя инициативу в щекотливых вопросах, но я возьму ее на себя. Милый друг, мне нужны деньги.

— О! Вы опять за старое, но я повторю только то, что сказал вам вчера вечером: у меня нет больше денег и нет возможности их достать. Я и так уже обобрал жену и не собираюсь просить у нее ни одного шиллинга.

— Эти слова доказывают, что вы страшно упрямы! — проговорил майор.

Он вынул из кармана пальто стопку аккуратно сложенных писем, исписанных тонким женским почерком и связанных голубой шелковой ленточкой.

— Взгляните-ка на эти письма, — сказал он иронически. — Не хотите ли прочесть? А может быть, вы уже забыли их содержание?

Капитан отвернулся и пробормотал проклятие.

Майор, насвистывая, невозмутимо перебирал письма, пробегая глазами по строчкам и останавливаясь, когда ему встречалась интересная фраза. Капитан Вальдзингам смотрел на него пристальным и грустным взглядом.

— Артур, бесценный друг, если у меня к концу месяца не будет пяти тысяч фунтов стерлингов, миссис Вальдзингам первого октября получит эти письма. Как они ни забавны, но я все-таки думаю, что она не поймет заключающейся в них иронии и примет их содержание за чистую монету. Вы любите ее, как слепой, так как ее глупость бросается в глаза, но ведь бывают люди, которым очень нравится и вареная курица.

— Майор Варней! — с угрозой воскликнул Вальдзингам.

— Пустая голова! Получу ли я пять тысяч фунтов стерлингов или мне придется отослать эти письма белокурой красавице? Решайте скорее, мой друг, мне кажется, скоро

пойдет проливной дождь!

— Я уже сказал вам, что не могу достать такую огромную сумму. Что касается писем, то это совершенно меня не пугает: вы слишком умны, чтобы свернуть шею курице, которая несет золотые яйца. Тайна моего прошлого, которой вы хотите воспользоваться ради наживы, потеряет всю свою силу, когда будет открыта. Не дурак же вы, чтобы добровольно выпустить ее из рук.

Майор закусил губы, и на лице его мелькнуло выражение растерянности. Казалось, он вот-вот выдаст себя, но он быстро оправился и со смехом ответил:

— Вы хитрый лис, вас не проведешь! Да, вы, конечно, правы: я вовсе не намерен разглашать вашу тайну. Я не желаю несчастья бедняжкой леди Лисль, или миссис Вальдзингам, или как там ее называют! Я не хочу, чтобы вас выгнали из Лисльвуд-Парка или послали в какую-нибудь отдаленную колонию трепать паклю или носить камни. Нет, милый мой Артур, я только хочу уладить дело к лучшему и способствовать нашему всеобщему спокойствию. Поверьте мне: я придумал средство достигнуть этой цели.

— Хорошо! — ответил небрежно Вальдзингам.

— Тогда слушайте! Я не из тех несчастных, для которых наличные деньги являются необходимым условием существования. Видите на дороге мой экипаж, моих лошадей, моего кучера и моего камердинера? Понятно, что я не могу содержать все это на свое майорское жалованье! С другой стороны, мне не нужны десять фунтов стерлингов. Я думаю, что лучше получить пятьдесят тысяч через десять лет, чем пять тысяч — сегодня... Артур Вальдзингам, который год этому мальчугану?

Он указал на сэра Руперта Лисля.

— Какое отношение это имеет к нашему разговору? — спросил капитан.

— Это лишний вопрос! Отвечайте: который ему год?

— В июле исполнилось семь.

— Семь лет. Великолепно! Что скажете, Артур, если я разорву этот пакетик с письмами на тысячу кусков и в течение четырнадцати лет не возьму у вас ни одного пенса?

Капитан посмотрел на него с удивлением.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

Майор взял его под руку, наклонился и шепнул ему на ухо несколько слов, которые заставили капитана побледнеть от испуга. Настала пауза, в течение которой майор не сводил с него взгляда.

— Хотите сделать это, или хотите, чтобы я выполнил это сам? — спросил он.

— Мерзавец! — загремел капитан Вальдзингам. — Я не сделаю этого, даже если такой ценой мог бы откупиться от галер!

— Дитя! Не горячитесь! — тихо сказал майор. — «Даже, если бы я мог такой ценой откупиться от галер!» — повторил он с презрением. — Есть люди гораздо выше вас по положению, которые сделали бы это за двадцать фунтов стерлингов... Что это такое? Не более чем простой фокус. «Милостивые государи и милостивые государыни, видите этот шиллинг? Я кладу его под этот стакан... Тук-тук — и его нет!.. Тук-тук! — и вот он опять!» Говоря так, фокусник показывает публике пропавший шиллинг, и она воображает, что видит перед собою что-то необыкновенное, а между тем он показал ей другую монету, точно такую, как первая... Капитан Вальдзингам, вам угодно загородить нам дорогу к счастью или вы соглашаетесь помочь мне с этим фокусом?

— Нет, повторяю вам!

— А если я сделаю это помимо вас?

— Тогда я разоблачу вас, что бы потом ни случилось!

— Вы неисправимы! Это ваше окончательное решение?

— Да! — сказал Вальдзингам.

— Великолепно! — произнес майор, пожимая плечами. — Если так, делать нечего... Помните же, — добавил он, ударяя пальцами по письмам, которые все еще держал в руке, — что вам уже не придется ждать от меня ни малейшей пощады! Если человек не видит своей

собственной выгоды, пусть не воображает, что умные люди будут страдать по его милости. Позовите вашего пасынка, я попрощаюсь с ним и отправлюсь в путь. Бедная Ада, верно, заждалась меня.

Капитан позвал сэра Руперта Лисля, который в один миг прискакал к косогору.

— Сэр Руперт, — сказал майор, — я хочу проститься с вами, потому что я покидаю Бишер-Рид... Помнится, поселяне что-то толковали об этом косогоре, но я до сих пор так и не смог узнать, откуда произошло это название Бишер-Рид. Объясните мне это на прощанье, Артур!

— Отстаньте! — сердито произнес капитан. — Зачем вам история Бишер-Рида?!

— Не будьте же невежливым, мой дорогой Артур, расскажите то, о чем я вас прошу.

Они стояли на вершине косогора — самого высокого в этой местности, перед ними находился почти отвесный спуск.

— Косогор назван Бишер-Ридом, потому что пятьдесят, лет тому назад, какому-то капитану Бишеру, знаменитому спортсмену, вздумалось, заключив пари, проскакать по нему верхом на чистокровной лошади, — сказал Артур Вальдзингам.

— И что же, он разбился? — спросил майор Варней.

— Нет, но его лошадь погибла.

Майор расхохотался.

— Бедняжка! — произнес он. — Он поплатился лошастью! И никто не последовал его примеру?

— Думаю, никто!

Сэр Руперт Лисль напряженно прислушивался к их разговору.

— Я хочу туда подняться, — сказал он, указывая на вершину.

— Что за идея, баронет! — возразил майор. — У вас не хватит смелости, — добавил он смеясь, — вы не такой жалкий трус, как Джеймс Арнольд, но все-таки едва ли вы настолько отважны, чтобы проскакать галопом по Бишер-Риду, клянусь честью, это невозможно!

Упорство было наследственной чертой рода Лисль и нередко заставляло членов этой семьи совершать такие невероятные подвиги, на которые не отважился бы храбрейший из храбрых; и, в самом деле, подобная настойчивость в выполнении задуманного часто приводит к более блестящим результатам, чем дерзкая отвага. Сэр Руперт был настоящим Лислем — апатичным, вялым, но упрямым.

Майор смеялся, и его лицо, обращенное к солнцу, имело самое вызывающее выражение.

— Нет, нет, мой маленький баронет, — продолжал он, — для этого у вас не хватит смелости, к тому же вы умны и должны понять, что это невозможно.

Бледные щеки мальчика запылали от гнева.

— Ах это невозможно? — воскликнул он слабым, но резким голосом. — Ах невозможно?

Он повернул свою лошадь и проехал по одному из бугров, затем, изо всех сил стегнув пони хлыстом, перескочил через перила и начал подниматься на вершину. Майор видел, что мальчик побледнел, а капитан, бросившись за ним, подбежал к краю косогора как раз в тот момент, когда баронет помчался по опасному спуску, который вел к оврагу.

— Он спустится, не получив ни малейшей царапины, — проговорил майор.

— Сатана! — с ужасом воскликнул капитан Вальдзингам. — Это твои проделки!

Лошадь уже достигла подножия косогора, ребенок раскачивался, стараясь всеми силами удержаться в седле, но животное, сделав последний скачок, упало, подмяв под себя всадника. Сверху пони и мальчик казались бесформенной массой, которая шевелилась еще несколько мгновений, а затем стала совершенно неподвижной.

— Скорей ко мне, сюда! — воскликнул капитан, сбегая вниз по тропинке.

Когда он подбежал к баронету, над ним уже стоял майор. Он опустился на колени возле мальчика. Сэр Руперт был придавлен лошастью, которая встала, как только майор распутал ее поводья.

Сэр Руперт Лисль лежал без движения, лишь несколько капель крови на лбу свидетельствовали о полученной им травме.

— Слава Богу! — воскликнул капитан. — Он отделался испугом.

Майор Гранвиль расстегнул жакет мальчика и положил ему руку на сердце. Он вдруг побледнел, и его белокурые усы и бакенбарды словно бы потеряли свой привычный лоск.

— Он умер от ушиба головы, — сказал он печально и торжественно.

— Сатана! — закричал капитан Вальдзингам и схватил его за горло. — Ты убил его!

Майор, все еще бледный, сбросил стиснувшие его руки и спокойно произнес:

— Артур, будьте благоразумны и выслушайте меня. Я так же невиновен в случившемся, как и вы сами. Когда я предложил вам комбинацию, которая могла принести нам богатство, я сказал, что мальчику не будет причинено ни малейшего вреда, я говорил именно то, что думал, но вы взбесили меня своей глупостью, и мне захотелось немножко подразнить вашего пасынка. В том, что случилось, я не виноват. Это игра случая, которую нельзя ни предвидеть, ни предотвратить. Случилось то, что случилось, и мы с вами не в силах ничего изменить! Но мы можем, — он понизил голос почти до шепота, — извлечь из этого пользу! Позвольте вы мне поступать, как указывают мой ум и мой рассудок?

— Да, — сказал капитан, закрывая руками помертвевшее от ужаса лицо. — Я поклялся быть покровителем этого ребенка, и вот как я сдержал свою клятву!

Майор снял плед и бережно разостлал его на траве, подняв безжизненное тело баронета, положил его на плед и закрыл его лицо батистовым платком.

— Артур, — сказал он, — оставайтесь здесь и следите за тем, чтобы никто не догадался о катастрофе. Я скоро вернусь.

Он взял под уздцы пони и повел через овраг в поле, не обращая внимания на грязь, которая облепила его лакированные сапоги. Доведя лошадь до стоячего пруда, находившегося в миле от места катастрофы и в шести милях от Лисльвуд-Парка, он, стегая своим галстуком, загнал ее в воду и накинул поводья ей на шею, но пони, выскочив на противоположный берег, во весь опор пустился к сосновому лесу. Майор следил за ним взглядом, пока он не скрылся совсем из вида, и лишь тогда поспешил к Вальдзингаму и телу баронета. Он нашел капитана сидящим возле трупа пасынка.

— Я думал, вы не вернетесь, — сказал капитан, когда майор подошел ближе.

— Здесь кто-нибудь проходил?

— Никто не проходил.

— Хорошо. А теперь отправляйтесь прямо к матери этого несчастного ребенка и скажите ей, что мальчик заблудился. Больше ничего не нужно говорить: пони найдет дорогу в Лисльвуд.

Он взял тело баронета на руки и пошел было с ним к экипажу, но тотчас же отказался от этого намерения.

— Артур, — сказал он, — бегите к повозке и прикажите кучеру подъехать сюда.

Капитан повинился, и через несколько минут послышался стук колес.

Миссис Варней выглядывала из окна экипажа, в своей изящной шляпке она была прекрасна.

— Что случилось? — спросила она с любопытством.

— Отворите дверцу, Соломон! — приказал майор.

— Вы можете сесть спиной к лошадям, Ада? — спросил он, когда слуга открыл дверцу и опустил подножку.

— Для чего это нужно? — спросила миссис Варней.

Майор не ответил. Взяв за руку Аду, он заставил ее выйти из экипажа, положил тело мальчика на сиденье и, схватив шкуру леопарда, в которую миссис Варней кутала ноги, поспешно накинул ее на труп.

— Что с ребенком? — спросила миссис Варней. — Уж не ранен ли он?

— Да, он опасно ранен, я отвезу его в Брайтон и приглашу к нему лучших докторов... Садитесь скорее, Ада. Закройте дверцу, Соломон!

Майор с женой сели на заднюю скамейку, спиной к лошадям. Капитан схватился за дверцу экипажа.

— Что вы хотите сделать с ребенком? — спросил он у майора.

Варней улыбнулся — в первый раз после разыгравшейся драмы.

— Вы знаете или угадываете это сами, мой друг, — ответил он.

Экипаж укатил, и Вальдзингам, бледный и озадаченный, остался на пустынной дороге.

— Клэрибелль, — прошептал он, пристально глядя вслед удаляющейся карете, — ваша измена, разбившая мне жизнь, теперь, очевидно, падет на вашу голову! Да поможет вам Бог, бедная женщина, а я уже не в силах отвести этот удар...

IX МАЙОР ВАРНЕЙ ДЕЛАЕТ ПЕРВЫЙ ХОД

Спустя полчаса после возвращения в Лисльвуд-Парк Вальдзингама, принесшего жене грустную весть, весь округ узнал, что сэр Руперт Лисль исчез неизвестно куда. Все лошади Лисльвуд-Парка были тотчас оседланы, и все слуги разосланы по ближайшим окрестностям: они поскакали во все стороны, расспрашивали всех встречных поселян, обыскали все аллеи, поля и косогоры, прилегавшие к Бишер-Риду, но ничего не узнали о мальчике на сером пони.

Клэрибелль Вальдзингам металась как безумная, она хотела сама отправиться на поиски и убежала бы, если бы муж не удержал ее. В отчаянии она обвиняла его в этом несчастье и осыпала тяжелыми упреками.

— Где мой сын? — восклицала она, рыдая. — Я доверила его вам... вы поклялись следить за ним! Что вы сделали с ним?.. Вы скорее должны были умереть, чем прийти ко мне с вестью о гибели Руперта!

Эта женщина, всегда такая холодная и бесчувственная, была не похожа на себя: в припадке горя она металась по роскошным комнатам замка, повторяя имя сына. Капитан не решался ее обнадеживать. Он вышел к воротам замка, ожидая возвращения гонцов, и увидел Жильберта Арнольда, стоящего, по обыкновению, на пороге сторожки, Джеймс сидел на садовой калитке. Капитан Вальдзингам вздрогнул, увидев белокурые волосы и болезненное лицо мальчика, как будто ему явилось привидение, он подумал о мальчике, тело которого было завернуто в толстый шотландский плед, подумал о длинных золотистых кудрях, которых уже не будет касаться рука матери.

— Почему вы не отправились на поиски сэра Руперта вместе с другими слугами? — спросил он у Жильберта.

— Потому что их и без меня хватает, — грубо ответил сторож. — С меня довольно присматривать за собственным сыном, чтобы он не пропал, не был украден или убит, — добавил он насмешливо.

Вальдзингам рванулся из ворот и хотел кинуться на сторожа, но мальчик начал кричать.

— Замолчи, жалкий трус, — взревел отец. — Капитан, я думаю, меня не ударит.

Вальдзингам заметил, что сторож пьян. Бывший браконьер сунул руку в карман и начал звенеть золотой монетой, которую получил от майора. Капитан устремил на него пристальный взгляд.

«Не выучил ли он заданный урок? — думал Вальдзингам. — Вызубрил ли ту роль, которую ему придется сыграть в этом ужасном деле?»

Наступила ночь. Слуги вернулись и объявили, что поиски не принесли удачи, незадолго до них в Лисльвуд пришел пони, весь в пыли и в грязи. Без сомнения, мальчик утонул, но где и каким образом?

Клэрибелль Вальдзингам не задала вопросов: она упала без чувств, как только узнала о возвращении пони. С первыми лучами солнца принялись обследовать пруды и ручьи вокруг Лисльвуд-Парка, но все старания оказались бесплодными. Прошел день, наступил вечер, а тело сэра Руперта так и не было найдено. На стенах Лисльвуд-Парка, на верстовых столбах

по большой дороге и во всех деревнях повесили длинные объявления, гласившие, что пятьсот фунтов стерлингов будет выдано тому, кто отыщет сэра Руперта Лисля или хотя бы его тело.

Еще раз исследовали все пруды и ручьи, и снова безуспешно. Где мог утонуть мальчик? Все переглядывались с явным недоумением, задавая друг другу этот вопрос. В кабаках и трактирах то и дело возникали разговоры о маленьком баронете, исчезнувшем таким странным образом. Он вышел из парка в сопровождении своего отчима и его друга; всех троих видели на большой дороге, капитан вел под уздцы пони сэра Руперта — и после этого никто больше не видел баронета. Рассказ Вальдзингама об исчезновении мальчика казался довольно правдоподобен; он, капитан, спускался с Бишер-Рида, провожая майора до экипажа, баронет же в это время ездил по косогору. Вернувшись туда через четверть часа, капитан напрасно искал и звал мальчика. Трудно было предположить, чтобы у Вальдзингама были причины нанести вред пропавшему ребенку, тем более что в этом случае Лисльвуд должен перейти в посторонние руки. Исчезновение сэра Руперта Лисля так и осталось неразрешенной загадкой. Если он был похищен каким-нибудь бродягой, тот, несомненно, завладел бы и лошадей. Баронет утонул — это предположение было вернее других.

В пяти милях от Лисльвуда есть долина, по которой протекает небольшая река. Мальчик мог поскакать туда с косогора и погибнуть, желая переправиться на другой берег. Что могло увлечь его так далеко от места, где его оставили капитан и майор? Детский каприз, своеволие баловня! Реку тоже исследовали, но совершенно напрасно: тело ребенка могло унести течением в беспредельное море, и несчастная леди Лисль никогда не увидит останков своего единственного сына, которого она любила с такой безрассудной нежностью!

В замке Лисльвуд воцарилась печаль. Беспредельное отчаяние Клэрибелль Вальдзингам со временем уступило место глубокой скорби, которая проявлялась во всем ее облике: румянец навсегда исчез с ее лица, а глаза потеряли свой прежний чудный блеск. Никто и никогда не видел ее плачущей и уж тем более смеющейся; ничто не занимало и не трогало ее. Она стала настолько равнодушной ко всему на свете, что, если бы загорелся ее собственный замок, она едва ли заметила бы это. Она почти не выходила из своей комнаты и не принимала никого, кроме мужа да горничной. Да и сам капитан редко заходил к ней; каждое утро он куда-то уезжал верхом и возвращался вечером, чтобы пообедать и затем до полночи сидеть с сигарой в библиотеке. Слуги шепотом говорили друг другу, что он начал пить больше, чем следовало бы, и что исчезновение пасынка подействовало на него самым печальным образом. Артур Вальдзингам никогда не казался особенно веселым, но сейчас он стал еще угрюмее. Сэр Ланцелот Лисль, живший во Флоренции, в письмах умолял вдову своего родственника оставаться владелицей замка и Лисльвуд-Парка; он добавлял, что его нотариус все устроит, так как он сам не хочет покидать итальянские горы ради бесплодных равнин Суссекса. Таким образом, миссис Вальдзингам могла спокойно жить в Лисльвуд-Парке до конца своих дней, делая этим большое одолжение баронету.

Клэрибелль успокоилась, насколько это было возможно только тогда, когда густой снег засыпал аллею парка и ветви дубов. Все матери в деревне проливали слезы при виде своей печальной госпожи, которую они знали задолго до ее первого брака. Бедные поселяне вспоминали, сколько раз они завидовали ей, когда она проезжала мимо в своем великолепном экипаже, разодетая в шелк и бархат, гордясь своим хорошеньким сыном, сидевшим рядом с нею, многие ли из них пожелали бы теперь поменяться с нею участью? Они вздрагивали, слушая рассказы болтливой прислуги о том, как тихо стало в роскошных залах, как грустит капитан, сидя ночью перед камином со стаканом вина, и как на своей половине тоскует леди, удалившись от света, где прежде была так весела и счастлива, и призывая смерть, чтобы соединиться с погибшим сыном. Рахиль Арнольд больше всех сочувствовала несчастной Клэрибелль.

Раз, сидя январским вечером перед камином, она решилась даже высказать это мужу.

— Что это значит? — проворчал Жильберт Арнольд, бросив на нее угрожающий взгляд из под густых бровей. — Что ты порешь дичь?

— Я говорю, что думаю о несчастной миледи. Я сейчас ходила наверх к нашему Джеймсу, а когда я его вижу спокойным и довольным, в чистой кровати, то невольно вспоминаю бедного сэра Руперта.

— Дети были чрезвычайно похожи друг на друга, — задумчиво проговорил Жильберт, устремив глаза на пылавший огонь и выбивая трубку о железо решетки. — Господи! Все толкуют о благородном происхождении и обо всем таком... да мой мальчик на вид не хуже сэра Руперта, а пожалуй, еще и красивее его.

— Когда я была девушкой, — заметила Рахиль, — многие говорили, что я напоминаю мисс Клэрибелль Мертон.

Жильберт Арнольд не принадлежал к числу любезных мужей: он несколько секунд смотрел на жену, потом скорчил гримасу и громко рассмеялся.

— А! Так ты была на нее похожа? — воскликнул он насмешливо. — Я, по крайней мере, этого не заметил. Если ты когда-нибудь и походила на госпожу, то теперь неходишь, могу тебя уверить.

Он снова набил трубку и, положив на решетку камина ноги в грубых сапогах, принялся курить с видимым наслаждением.

— Я потеряла всю свою красоту из-за работы, Жильберт, — заметила жена.

— Если она была! — проворчал гневно муж.

— У меня были такие же белокурые волосы и такие же ясные голубые глаза.

— Ну да! — язвительно сказал Арнольд. — Только у тебя волосы совершенно бесцветные, а глаза тусклые, будто ты сварила их, чтобы сделать красивее, да только предприятие не удалось. А если бы не это, ты была бы очень похожа на миледи, — добавил он, смеясь.

— Несчастливая миледи! Мне ее очень жаль, — прошептала Рахиль.

— А! Очень мило! — сказал Жильберт Арнольд, вынув трубку изо рта и стукнув кулаком по столику. — Я не желаю слышать ни хныканья, ни вздохов, ни сожалений. У леди прекрасный дом, отличный экипаж, роскошные наряды, она спит на перине, ест и пьет вволю и может тратить деньги, сколько душе угодно. Ну так пусть довольствуется тем, что у нее есть!.. Она ни разу в жизни не пробовала кашу, которой угощают в остроге добрых людей... она не знает, каково это — лежать под забором зимой по шесть или семь часов, которые кажутся веками, чтобы подстрелить зайца, что продашь на следующее утро за какой-нибудь шиллинг... Она не боится, уйдя за шесть миль от дома, быть арестованной и обвиненной в тяжком преступлении, которого и не думала совершать. Пусть же не ропщет! Если сын ее утонул, то с судьбою не поспоришь! Другим тоже случалось переживать несчастья, не одну ее постигло подобное горе. Ей живется так сладко, что не мешает иногда проглотить каплю горечи.

В сторожку ворвался резкий ветер, и вслед за ним они услышали, как кто-то захлопал в ладоши.

— Что такое? — воскликнул Жильберт Арнольд, устремив свои хитрые желто-зеленоватые глаза, в которых вспыхнула тревога, на дверь, находившуюся у него за спиной.

На пороге стоял мужчина чрезвычайно высокого роста, закутанный в широкий плащ и кашне самых ярких цветов. Шляпу он надвинул на брови, а его кашне доходило до носа, так что был виден только этот выдающийся нос, похожий на птичий клюв. Жильберт Арнольд дрожал, как в лихорадке. Он судорожно стиснул руками спинку стула, она сломалась, и он отшвырнул ее от себя, грубо выругавшись.

— Что нужно?.. Кто вы? — спросил он, украдкой озираясь на лестницу, которая вела вверх, как будто хотел ускользнуть от незваного посетителя.

Незнакомец рассмеялся тем звонким и беззаботным смехом, который был хорошо знаком Арнольду. Он скинул шляпу, стряхнул с себя снег и плотно закрыл дверь. Потом он, сбросив плащ, присел спокойно к огню, провел рукою по блестящим светлым волосам и разгладил усы. Браконьер поклонился ему — неуклюже, но с оттенком почтительности.

— Майор... — начал он нерешительно.

— Вы совершенно правы: я Гранвиль Варней. Судя по впечатлению, которое произвело на вас мое появление, вы, мой достойный друг, вероятно, не часто видите посторонних?

Жильберт Арнольд побагровел и взглянул на часы, висевшие в углу.

— Ну... уже немного поздно, — прошептал он чуть слышно.

— Я не спорю, поздно: теперь, должно быть, половина двенадцатого, я выехал из Лондона курьерским поездом в девять часов. Нужно заметить, что я прибыл сюда с единственной целью поговорить с вами, Арнольд. Опоздал же именно потому, что станция далеко, а я вдобавок вздумал добраться до вас пешком, чтобы не возбуждать праздных толков... Но перейдем к делу. Вы, конечно, ожидали, что я явлюсь сюда?

Сторож потирал рукой подбородок, не решаясь ответить на вопрос.

— Вы думаете? — спросил он уклончиво.

— Ну да, вы хотели увидеться со мной! Я это твердо знаю!

Рахиль Арнольд, сильно заинтересованная беседой, смотрела поочередно то на мужа, то на майора Варнея.

— Ступай спать, Рахиль, — сказал Жильберт Арнольд. — Нечего нас подслушивать.

— Не будьте так грубы с вашей доброй женою! — заметил майор со снисходительной улыбкой. — Наш добрейший Арнольд хочет сказать, — вежливо обратился он к Рахили, — что нам необходимо потолковать по-дружески, а вам, ввиду позднего времени, не худо было бы отдохнуть... Он превосходный малый, но часто выражается чересчур резко... Итак, спокойной ночи, добрая миссис Арнольд.

Красивой рукой, украшенной перстнями, майор сделал движение, как будто хотел вытолкнуть Рахиль Арнольд из комнаты. Она пошла вверх и легла в постель, не раздеваясь.

Дверь на лестницу осталась открытой, майор Варней затворил ее и опять сел напротив Жильберта Арнольда.

— Набейте себе другую, — сказал он, показывая на разбитую трубку, выпавшую из рук взволнованного сторожа.

Арнольд вынул из шкафа еще одну трубку — такую же грубую, меж тем как майор закурил сигару. Он выкурил ее почти до половины, не говоря ни слова, потом посмотрел на сторожа, с жадностью глядевшего на него, и сказал почти нежно:

— Вы сильно испугались, когда я внезапно появился перед вами. Вы думали, что вас... накрыли сыщики?

Жильберт Арнольд смотрел на веселого цветущего майора, как на привидение.

— Ну что ж, заглянем в ваше прошлое! Вы здесь более семи лет, прежде вы находились в винчестерской тюрьме, а еще — в Севаноаке, в графстве Кент...

Вторая трубка выпала из рук бедного сторожа и разбилась вдребезги.

— Еще один пенн пропал без всякой пользы, — вскользь заметил майор. — Мой достойнейший друг, вы слишком впечатлительны!

— Я не был в Севаноаке, там никто даже не слышал моего имени, — пробормотал Жильберт, устремив взор на догоравшие сосновые поленья и избегая встретиться взглядом с пронизательными голубыми глазами посетителя.

— Вы выразились верно: там действительно не было никакого Арнольда, мой превосходный друг, — сказал Гранвиль Варней, — но на свете ведь есть множество всевозможных имен. Нельзя ли нам на время оставить это и начать прямо с Джозефа Бирда?

Сторож упал на стул, словно сраженный пулей. Своей жесткой загорелой ладонью он вытер холодный пот, покрывший его угрюмый лоб.

— Вам ведь, я думаю, все равно, что я вспомнил о Джозефе Бирде? Мой друг, я не люблю причинять неприятности, но не могу продолжать беседу, не упомянув о Бирде.

Он вынул из кармана записную книжку, отыскал между брелоками микроскопический карандаш и произнес решительно:

— Так как я убежден, мой дорогой Арнольд, что вы чрезвычайно способный человек, то стану говорить с вами с полнейшей откровенностью. Если б я не имел оснований думать,

что вы можете быть мне полезным, то не пришел бы к вам, если бы я считал вас жалким глупцом, я бы воспользовался вами без вашего ведома, но я вижу, что вы далеко не дурак, и потому уверен, что выиграю многое, посвятив вас в мою тайну... Жильберт Арнольд, с тех пор как я живу на свете, я не позволил себе ни одного проступка, идущего вразрез с законом!

Майор откинул голову и разразился тихим самодовольным смехом, как будто сказал меткую остроту.

— Да, — продолжал он снова, — я служу офицером в индийской армии и живу исключительно на свое майорское жалованье. Никто не подарил мне ни одного пенса, я не наделал долгов, я никогда не переступал закон, не искал шанса надеть арестантский костюм, но зато я знаю преступления других больше, чем сыскающая полиция. Вы спросите, зачем я собираю такого рода сведения? А я отвечу вам, что делаю это из любви к искусству. Когда я нуждаюсь в чьей-то помощи, я не угрожаю этому человеку, не подкупаю его, а стараюсь побольше узнать о его жизни, вы стали мне нужны, и я, в силу того же благородного правила, немного покопался в вашем прошлом!

За стулом майора стояло ружье, и глаза Жильберта невольно устремились на грозное оружие. И, хотя этот взгляд был почти молниеносным, майор поймал его и, повернув свой стул, стал внимательно наблюдать за Жильбертом.

— Даже не думайте, мой превосходный друг, — сказал он благодушно. — Подождите немного, и вы сами увидите, что меня привел к вам наш общий интерес... Однако вернемся к Джозефу Бирду. Тому назад лет десять или одиннадцать вы были настоящим удальцом, но, к несчастью, вас хорошо знали в этих местах под именем Жилия-браконьера, вследствие чего вас вынудили силой уехать из Суссекса, дав предварительно познакомиться с ливисским острогом.

— За убитого зайца и пару фазанов, — заметил Жильберт, словно извиняясь.

— Нет, вовсе не за зайца и фазанов! В народе поговаривали, будто вы разрядили ружье в сторожа, который поймал вас с поличным! Все это, вероятно, чистая клевета, вымысел злых людей... После почти двухмесячного пребывания в Ливисе Жильберт внезапно исчез, и владельцы окрестных поместий поздравили друг друга с этим событием. До сих пор все шло самым восхитительным образом! Но вернемся к Джозефу Бирду!

— Я не могу взять в толк, о ком вы говорите, — злобно сказал Жильберт, вновь бросив взгляд на оружие, стоявшее справа от майора.

— Как вас интересует это ружье, мой друг!.. Посвятите мне хоть пять минут вашего внимания, и вы убедитесь в безосновательности ваших подозрений. В окрестностях Севеноака, что в графстве Кент, есть превосходные леса, один из которых сделался пристанищем браконьера. Осенью 1835 года дичь начала исчезать в этом лесу с невероятной быстротой, что возбудило справедливое негодование владельца и его сторожей. Один из последних, человек смелый и предприимчивый, шести футов роста, сказал своему господину, что надеется поймать виновника. «Я его знаю, — добавил он. — Это трусливая собака по имени Джозеф Бирд. Видели, как он продает дичь в Севеноаке. Я простил бы ему, если б он охотился, как все остальные: тогда можно было бы скорее изловить его, но он незаметно подкрадывается, хватается дичь из-под самого вашего носа — и ускользает. Но я слежу за ним и заставлю его заплатить за все наши убытки!»

Быть может, эти слова достигли ушей Джозефа Бирда, потому что через неделю сторожа нашли в лесу с простреленной головой. Пошли по следам, местами обогранным кровью. Хирург одной из окрестных деревень заявил, что на рассвете к нему приходил какой-то человек с просьбой перевязать ему ногу (он был ранен пулей) и что в лучшем случае он мог остаться хромым. Этим человеком был Джозеф Бирд.

Жена сборщика пошлин видела его утром, как он перескочил через шлагбаум и попросил извозчика, ехавшего в Лондон, взять его с собой. После обеда о преступлении стало известно всей округе, но с тех пор полиции ни разу не пришлось встретить Джозефа Бирда. Я сильно опасаюсь, что если бы он не скрылся, то попал бы в тюрьму! — насмешливо заключил Гранвиль.

Жильберт Арнольд был близок к обмороку. Майор — вероятно, в великодушном стремлении предупредить его падение, — схватил его за правую ногу и, быстро подняв штанину, поднес к ней свечку:

— Черт возьми! — воскликнул он. — Эта рана тоже от выстрела и удивительно похожа на рану Джозефа Бирда. Я думаю, что вы не совсем хорошо владеете этой ногой, мой добрый Арнольд.

«Добрый» Арнольд с глухим рычаньем одернул штанину.

— Мне кажется, мой достойный друг, — продолжал майор вставая, — что мы начинаем понимать друг друга. Если бы я не нуждался в вас, то не примчался бы сюда с курьерским поездом, чтобы рассказать вам историю Джозефа Бирда. Вот вам десять фунтов стерлингов, которые помогут вам переселиться в Лондон вместе с женой и сыном. Распустите слух, что едете в Америку. Вот еще фотография дома, в котором вы остановитесь и где будете ждать дальнейших инструкций... вы их получите или лично от меня, или через моего слугу Соломона. Примите к сведению, что совесть чиста у меня: я не совершил за всю свою жизнь никакого злодеяния. Если вас завтра вызовут в суд в качестве свидетеля против моей особы, вы сможете рассказать только, что я приезжал с целью поведать вам кое-что о Джозефе Бирде. Меня сочтут эксцентричным — и ничего больше... Помогите мне одеться.

Майор накинул плащ, надвинул на глаза шляпу и вышел из сторожки.

— Будь ты проклят! — пробормотал сторож ему в спину. — Как ему удалось разузнать все это? Быть разоблаченным после десяти лет... десяти долгих, мучительных лет! Сделаться его лакеем... превратиться в рогожу, о которую он будет вытирать ноги... О, будь он проклят! Будь проклят!

Он бросился стремительно к ружью, снял его и вышел на засыпанную снегом аллею.

— Как я хотел последовать за ним! — шептал он. — Как я желал бы этого... но если я сделаю это, то едва ли выкручусь из беды.

X ПОСОЛ

Действуя согласно указаниям майора, через несколько дней после посещения Гранвиля Варнея Жильберт сказал жене ректора, что ему надоело жить в этой глуши и что он намерен отправиться в Америку, где его будут уважать и где ничто не будет ежеминутно напоминать ему о грехах молодости. Это замечание крайне поразило добродушного ректора, который видел в Жильберте одного из своих лучших духовных сыновей и снабжал его, как мы уже знаем, книгами религиозно-нравственного содержания, о которых сторож рассуждал с полным благоговением.

— Да, — сказал Жильберт после длинной беседы со своей супругой, которая проливали горькие слезы при мысли, что ей придется расстаться с доброй госпожой и с родной деревней, чтобы подвергнуться опасностям путешествия в Америку в сопровождении мужа, который не был к ней ни добр, ни внимателен.

— Твои слезы и крики ни к чему не приведут: нравится тебе или нет, но через три недели, считая с этого дня, мы едем в Нью-Йорк. Советую тебе надеть шляпку и пойти к миледи, чтобы сообщить ей, что ты ее покидаешь. Пусть найдет других, кто согласится заменить нас в этой глуши и кого будут топтать блестящие сапоги ее милого капитана.

Жильберт Арнольд любил повторять эту фразу, как будто он и в самом деле подвергался подобным унижениям, хотя от владельцев Лисльвуда он не видел ничего, кроме вежливости.

Рахиль перестала плакать, а если и плакала, то украдкой от мужа, который, с трубкой в зубах, следил за сборами. Несчастливая женщина бледнела, думая о том, что ее ждет, но она так боялась Жильберта, что не посмела бы послушаться его, даже если бы он приказать ей повеситься. Три недели пролетели незаметно. Рахиль простилась со своей госпожой, и Жильберт Арнольд вместе с нею, сыном и багажом отправился на станцию. Поезд прибыл в

Лондон ночью. Выйдя на дебаркадер, Жильберт увидел человека, лицо которого показалось ему знакомым — это был Соломон, камердинер майора.

— Вы очень пунктуальны, — сказал Соломон, приблизившись к Арнольду. — Возьмите свой багаж, велите уложить его в кэб и вернитесь сюда. Я дам вам адрес дома, в котором вам придется на время поселиться.

— Вы бы лучше проводили нас, — заметил ему Арнольд. — Мы здесь точно в лесу, и мне было бы приятно иметь рядом человека, который знает город.

Соломон пристально и насмешливо посмотрел на говорившего, который в своем матросском костюме, полосатом кашне, шапке из кроличьей кожи и со свертком под мышкой был вовсе не похож на джентльмена.

«Мы тебя преобразим! — думал слуга майора. — Ты скоро поймешь суть нашей науки. Пока у тебя есть только желание, и ты еще во многих отношениях уступаешь нам, но скоро ты освоишься с переменой в своем положении».

Жильберт Арнольд свалил багаж в кэб, усадил в него сына и жену и вернулся к еврею.

— Ну? — спросил он отрывисто.

— «Ну». Что, лорд Честерфильд? — передразнил его слуга.

— Отправляемся; я спешу, поскольку мне нужно освежиться.

— Вам надо освежиться? Хорошо! Вот вам адрес; отдайте его кучеру, и, когда доедете, дайте ему полкроны; а если он будет недоволен подачкой, просто захлопните перед ним дверь... Я буду у вас в десять часов, — добавил Соломон, приметив, что Арнольд как будто колеблется. — Поезжайте с Богом!

С последними словами слуга отвернулся от сторожа и поспешил прочь.

— Едем! — решил Арнольд. — Черт меня побери, если я понимаю, чего хочет мой хозяин, но я, во всяком случае, ничего не теряю, следуя его распоряжениям. Наш коммерческий союз предпринимает что-то новенькое, и время покажет, хорошо это или худо.

Кэб доставил достойного Жильберта с семейством в дом на одной из глухих улиц по ту сторону Ватерлоо-Рид. Все вышли из кэба и были встречены бледной женщиной в черном кружевном чепчике, которая отвела их в чистенькую квартирку, нанятую, по словам хозяйки, для одного семейства из Йоркшира по фамилии Грин.

Так как фамилия Арнольда была не Грин и он приехал вовсе не из Йоркшира, Рахиль хотела заметить, что произошла какая-то ошибка, но Жильберт остановил ее взглядом и сказал, что все в порядке и он будет весьма обязан хозяйке, если она даст ему пива и легкую закуску.

Хозяйка принесла пиво и бараньи котлеты под соусом, которые Жильберт принялся уплетать с завидным аппетитом, оставив жене и сыну всего один кусок. Утолив волчий голод, Арнольд закурил трубку, между тем как Рахиль с мальчиком доедали и допивали остатки его ужина. После этого он посоветовал им лечь спать, так как он ожидал приезда Соломона и не желал, чтобы они мешали их беседе. Рахиль молча взяла сына за руку и повела его в спальню, находившуюся на верхнем этаже, а Жильберт продолжал пить и курить, пока не пробило десять часов. Раздался два удара во входную дверь, Жильберт спустился вниз и впустил посетителя: это был Соломон.

— Надеюсь, вы развели огонь, — сказал последний, входя в гостиную. — На дворе такой холод, что я насквозь продрог.

Еврей успел усвоить большую часть изящных привычек и ухваток своего господина: он пододвинул кресло, в котором только что сидел Жильберт Арнольд, к небольшому камину, небрежно развалился и положил ноги на крепкую решетку.

— Теперь слушайте! — начал он. — Как и мой господин, так и я придерживаемся благоразумного правила — не говорить ни единого лишнего слова. Поэтому будете предельно внимательны. Очень может быть, что мы будем нуждаться в вас или в вашей жене, а может быть, и в вашем сыне... В любом случае вы должны оставаться здесь, пока это необходимо. Вы не должны задавать никому никаких вопросов и не отвечать на чужие

расспросы. Еженедельно вы будете получать по почте на имя Джона Грина (так вы будете называться впредь до новых распоряжений) тридцать шиллингов от Альфреда Соломона. Больше этой суммы вам не заработать, поэтому вам придется довольствоваться ею. Со временем вы, вероятно, получите больше и в один прекрасный день можете стать богачом. Если кто-нибудь спросит вас, кто вы такой, назовитесь башмачником, плотником или кем-нибудь в том же роде. Спросят у вас, чем же вы живете, — отвечайте, что у вас есть брат, богатый человек, который посылает вам еженедельное содержание. До сих пор все очень просто. Между тем ваше спокойствие будет зависеть от двух условий, если не считать того, что вы никогда не должны забывать о Джозефе Бирде. Первое условие: лучше заботьтесь о вашем сыне, берегите его так, как вы берегли бы ребенка королевской крови, если бы его вам доверили, если с ним случится несчастье, это неизбежно отразится на вас. Второе условие — молчание, если до ушей моих или моего господина когда-нибудь дойдет, что вы произнесли его или мое имя, то вы услышите о Джозефе Бирде... Ну-с, пока до свидания... Посветите мне и отоприте дверь!

Соломон произнес все это так быстро, что изумленный сторож не сумел бы вставить ни единого слова, не успел он опомниться, как слуга майора повернул за угол и исчез в Ватерлоо-Рид.

«Тридцать шиллингов еженедельно, — думал Жильберт, — маловато для такого богача, как майор Гранвиль Варней; но он, если захочет, может возвести меня на виселицу, поэтому я поневоле должен довольствоваться тем, что он мне предлагает... Черт его побери!»

После этого восклицания Арнольд лег в постель, но заснуть не мог. Он прислушивался всю ночь к стуку экипажей, проезжавших по Ватерлоо-Рид, а когда начинал дремать, ему снилось пение жаворонка в Севеноакском лесу и бледное, окровавленное лицо убитого им человека.

XI СМЕРТЬ КАПИТАНА

Со дня исчезновения маленького баронета прошло четырнадцать лет. Клэрибелль Вальдзингам с мужем все еще жили Лисльвуд-Парке. Нотариус сэра Ланцелота, переехав в Лисльвуд, собирал доходы с имения и посылал их во Флоренцию банкиру баронета. Поселянам казалось, что род Лисля исчез с лица земли: никто из его представителей никогда не появлялся в наследственных владениях. Прошло четырнадцать лет, но в семействе Вальдзингама ничего не изменилось, если не считать того, что рождение второго сына немного утешило бедную Клэрибелль, и его чудесные любопытные глазки оживили печальный опустевший дом, где она пролила столько горячих слез о своем первенце. Через четыре месяца после исчезновения сэра Руперта доктор сообщил капитану, который по-прежнему, бледный и озабоченный, сидел перед ярким огнем в библиотеке, что у него родился сыночек с карими глазками, который, Бог даст, вырастет на радость и на счастье благородным родителям, вынесшим такое испытание. Вскоре замок и парк огласились веселым несмолкаемым смехом и звуками свежего серебристого голоса, раздававшегося здесь с утра до ночи. Своим прямым, смелым, живым характером мальчик очень напоминал капитана, каким он в первый раз прибыл в Лисльвуд-Парк и влюбился в Клэрибелль Мертон. Артур Вальдзингам всей душой привязался к сыну; он беспрестанно возился с его игрушками, пони, ружьем и лодкой, в которой катал его по озеру парка; ему никогда не надоедало слушать его болтовню и скакать с ним по бесплодным равнинам. Когда же мальчика отдали в Итон, отец горевал больше матери.

— Что, если с ним что-нибудь случится, Клэрибелль? — говорил он жене.

Эти слова побуждали такой ужас в душе пугливой Клэрибелль, что она порывалась послать в Итон нарочного, если б муж не удерживал ее от этого.

— Он в руках провидения, Клэрибелль, — успокаивал он жену. — Я не смог вернуть

вам потерянного сына, хоть я любил его, чему Бог свидетель!

Молодой Вальдзингам своими способностями, дарованиями, своим открытым и великодушным характером расположил к себе все начальство Итона, а капитан с женой жили одни в Лисльвуде. Мальчик пробыл в Итоне ровно два года, навещая родителей лишь во время каникул, которых капитан всегда ждал с лихорадочным нетерпением. Прислуга замка сделала печальное открытие: бравый, стройный капитан Вальдзингам сильно изменился: он стал дороднее, его черные волосы начинали седеть, стан заметно согнулся, а сам он с каждым днем все тяжелее опирался на трость с золотым набалдашником. Ему не было и сорока пяти, а он казался почти стариком, между тем как прелестная белокурая его жена почти не постарела со дня своего второго брака. Майор Варней с супругой давно были уже в Индии, и Артур Вальдзингам редко получал вести о своем милом друге с золотистыми бакенбардами. Сторожка приняла более приветливый вид, как только мрачная фигура браконьера исчезла из Лисльвуда. Теперь в ней поселился маленький человек с румяным лицом — мясник села Лисльвуд; у калитки, где прежде любил сидеть бледный Джеймс Арнольд, сейчас ревилось полдюжины розовых малюток.

В один из июньских дней капитан с женою сидели в парадной гостиной. Он курил, между тем как взгляд его рассеянно бродил по обширному парку и цветникам, видневшимся из окна. Миссис Вальдзингам расположилась около него на диване с вышиванием в руках. Он докурил сигару и, глубоко вздохнув, обратился к жене.

— Клэрибелль, — произнес он, — бросьте вашу работу и скажите мне: сколько лет мы женаты?

— Считаю с февраля уже четырнадцать лет.

— Четырнадцать лет!.. Если бы ваш сын, сэръ Руперт, был здоров и невредим, в этом году мы отпраздновали бы его совершеннолетие.

— Да, в будущем месяце: он родился третьего июля.

— Третьего июля, а сегодня четвертое июня: он стал бы совершеннолетним через двадцать девять дней.

Миссис Вальдзингам вздохнула и отложила работу.

— Мне не следовало предаваться воспоминаниям... я огорчил тебя. Но сегодня я чувствую странное желание говорить об этом... кинуть взгляд на прошлое, которое все было громадным заблуждением, с начала до конца... Я думаю о том, сколько энергии было затрачено напрасно, сколько сил израсходовано на сущие безделицы... сколько я перенес горя и стыда...

— Артур!.. Артур!.. — тоскливо сказала Клэрибелль.

— Клэрибелль, мы вместе уже пятнадцатый год, и в течение всего этого времени вы даже не спросили меня о том, что омрачило мою душу и жизнь! Вы не захотели узнать о скорбной тайне, которая сделала меня необщительным, невнимательным, недовольным, скучающим, несчастным человеком!

— Я не смела спрашивать вас об этом, Артур!

— Бедняжка!.. — сказал он. — Впрочем, оно и лучше!.. Лучше мне умереть со своей печальной тайной... Вы похороните меня в Лисльвудском склепе, не так ли, Клэрибелль? Прикрепите к алтарю мраморную дощечку, на которой будет красоваться надпись, что я был лучшим из мужей и превосходнейшим из людей... вы сделаете это для меня, мой белокурый друг?

— Артур, как вы можете говорить об этом?

— Я говорю так вследствие убеждения, что не доживу до пятидесяти лет, и сегодня оно стало несравненно сильнее!

— Артур!.. — с упреком проговорила Клэрибелль.

Лицо ее стало тоскливым; она встала с дивана и подошла к мужу.

— Сядьте на место, Клэрибелль, — сказал капитан. — Если шум у меня в ушах, мрачная тень, так часто застилающая мне глаза, и спазмы, сжимающие грудь, — если все эти симптомы, которые особенно усилились сегодня, не обманывают меня, то я скоро умру!

Будьте доброй матерью моему сыну, Клэрибелль, и иногда вспоминайте обо мне, когда меня не станет.

— Вы жестоки, Артур! Вы страдали, замечали все эти симптомы и ни разу не посоветовались с доктором, зная, как вы мне дороги!

— Это правда, Клэрибелль? Неужели я не был для вас тяжелым бременем, несносным, скучным мужем, бездной, поглотившей ваше земное счастье, лишним человеком?.. Клэрибелль, рассказать ли вам историю одного молодого военного, служившего со мною? У этой истории много общего с моей собственной... Она очень печальна, но глубоко правдива, хотите ее послушать?

— Да! — сказала она.

В комнате был полумрак, но лицо капитана освещали лучи заходящего солнца. Он не смотрел на жену: его печальные глаза были устремлены на необъятное небо, задернутое дымкой облаков.

— Подобно мне, Клэрибелль, этот человек был сиротой, младшим сыном в семье, известной в Соммерсете; у него не осталось никого, кроме дяди, брата его отца, который воображал, что устроил его карьеру, отправив его в армию. Когда молодой человек отправился в Индию, его новые друзья сочли, что никогда не видели подобного красавца. Он уехал в Индию веселым, беззаботным, небогатым, но честным человеком. Говорили, что он сражался как храбрец; скоро получил офицерские эполеты и вернулся в Англию. Там он влюбился в девушку, которая, доведя его до безумия своим безмолвным одобрением, в конце концов изменила данному ему слову с таким же бессердечием, как это сделали вы, Клэрибелль, простите меня за сравнение!.. Уныние и отчаяние овладели его душою, но он не разможил себе голову камнем, а оставил изменницу, намереваясь отомстить ей. Когда он возвращался в Индию, ему пришлось на два дня остановиться в Саутгэмптоне, поскольку корабль не был готов к отплытию. Он встретился с товарищами — такими же, как и он, беззаботными молодыми людьми, и пил вместе с ними до одурения, чтобы заглушить страдания. Вечером вся компания отправилась в театр. Он мне часто рассказывал о том, что испытал в тот вечер. Был одиннадцатый час, когда он вошел в пыльный и почти пустой партер. Занавес был опущен, и офицеру казалось, что изображенные на нем фигуры движутся, как живые. Звуки оркестра резали ему слух, в ложах сидели разряженные женщины, улыбающиеся хохотавшим без умолку блестящим офицерам. Мой знакомый прислонился головой к спинке кресла и тотчас же заснул. Когда он пробудился, оркестр только что закончил играть, и публика разразилась оглушительными аплодисментами. Он посмотрел на сцену, освещенную коптящимися лампами, и посреди грязных грубых декораций увидел прелестное создание. Не хочу утомлять вас, милая Клэрибелль, подробным описанием этой женщины; достаточно сказать, что она обладала чарующей прелестью, почти неотразимой и способной ослепить всех и каждого. На ней был эксцентричный мужской костюм, плащ из бархата и атласа, отделанный блестящей золотой каймой, щегольские полусапожки из желтого сафьяна и берет с развевающимися разноцветными перьями. Все ее движения были грациозны и изящны, и ни один художник не сумел бы изобразить все их очарование. Давали какой-то водевиль, и ей приходилось довольно часто петь. Она обладала чрезвычайно сильным, гибким, великолепно поставленным голосом. Когда мой сослуживец вышел из театра, он был отуманен, ослеплен, очарован!

Возвратившись в гостиницу, он написал ей страстное, безумное письмо. Утром ему удалось проскользнуть за кулисы, и при дневном освещении красавица показалась ему еще прекраснее, поскольку выражение ее пленительного личика было более скромным... Клэрибелль, моя милая, мне совестно рассказывать вам эту скандальную историю!.. Скажу только одно: эта женщина была настоящей сиреной, которая сводила с ума всех своих поклонников. Молодой офицер был настолько влюблен, что не замечал ничего вокруг. Надо сказать, что его корабль должен был отплыть через два дня, а за день до отъезда товарищ мой бросился на колени перед этой сиреной, умоляя ее повенчаться с ним и вместе

отправиться в Индию... Надо сказать, что любовь в этой безумной выходке была ни при чем: как ни очарован он был красотой актрисы, в этом случае им руководило желание отомстить обманувшей его невесте. Он помчался в Лондон, достал разрешение на брак, ночью вернулся в Саутгэмптон и утром обвенчался. Выйдя из церкви с молодой женой, он встретил одного пожилого полковника, с которым был знаком еще в Калькутте. Увидев новобрачную, полковник начал расспрашивать подробно офицера и заставил все рассказать его; затем, утащив его к себе в квартиру, он счел прямой обязанностью раскрыть ему глаза на то, какой была женщина, которой он поклялся перед алтарем в любви и полном уважении. Полковник убедил его, что этот безумный брак навлечет на него лишь горе и позор, и молодой человек дал ему клятву бросить свою жену. Он собрал все свои деньги, дорогие золотые часы и другие ценные вещи, написал несколько строчек, исполненных презрения, и, передав письмо и посылку полковнику, отплыл на корабле. Во время путешествия он пребывал в страшном смущении и волнении. Через несколько лет он встретился с той женщиной — она была уже подругой другого. Он не показал вида, что связан с нею неразрывными узами... Позднее он совершил незаконный поступок и попал во власть очень дурного, хитрого человека. Та, что когда-то изменила данной клятве, стала вдовой... он не переставал безумно любить ее даже после заключения рокового союза. Он отправился в Англию и женился на ней, несмотря на то, что перед законом был мужем другой и понимал последствия такого рискованного шага... По милости презренного подлеца, который капля за каплей хотел высосать его кровь, каждое мгновение его жизни было отравлено угрызениями совести, каждая улыбка любимой женщины была для него горьким упреком... Клэрибелль, Клэрибелль! Скажите, ради Бога, могли бы вы простить такого человека?.. Нашли ли бы вы в себе сострадание пожалеть о нем? Были бы вы в состоянии сказать ему: «Умри с миром, и пусть земля тебе будет пухом! Я помню и знаю, как ты любил меня, и прощаю тебя, во имя этой пламенной, неизменной любви!..» Сказали бы вы это или нет, Клэрибелль?

Миссис Вальдзингам, бледная и дрожащая, подошла к капитану и, взяв его голову обеими руками, прижала ее к груди.

— Артур, — прошептала она, — я прощаю тебя... ведь ты рассказал мне собственную историю. Я прощаю тебя, жалею о тебе и люблю тебя так же горячо и сердечно, как раньше!

Она кротко взглянула в лицо своему мужу и увидела в его глазах безысходную тоску.

— Клэрибелль... Руперт!.. — произнес он с усилием. — Ребенок жив... майор... узнайте... спросите!..

Он хотел сказать что-то еще, но произнес лишь какие-то невнятные слова и грузно упал на пол.

Слуги, прибежавшие на крик миссис Вальдзингам, нашли капитана распростертым на ковре; его сжатые губы были покрыты пеной. Его отнесли в спальню, а грум во весь опор поскакал за врачом. Капитан потерял способность говорить; проведя еще сутки без сознания, он спокойно скончался на руках Клэрибелль. Из Лондона приехали два знаменитых доктора, но они не смогли сделать больше того, что сделал лисльвудский, ничем не знаменитый доктор. Артуру Вальдзингаму предсказывали, что ему суждено умереть от удара, и это предсказание сбылось.

XII ЗАТВОРНИК

В это самое лето некто Джозеф Слогуд каждое воскресенье читал проповеди прихожанам, собиравшимся в небольшой часовне, выстроенной в отдаленном углу Ольд-Кент-Рида. Эта часовня прежде служила мастерской какому-то архитектору, затем ее использовали как помещение для летнего театра, тир и посудную лавку, пока, наконец, ее владелец не потерял терпение. Он усердно принялся за ее перестройку, пилил, рубил и не давал себе отдыха, пока из-под его рук не появилась часовня, которую он оштукатурил и назвал «Литль Бела».

Но прежде чем обустроить часовню внутри и украсить ее кафедрой, прежде чем разделить ее на маленькие четырехугольники, симметрично расставленными дубовыми скамейками, строитель позаботился найти таких прихожан, на кошельки которых он мог рассчитывать: надо же было брать с них хоть что-нибудь за их право сидеть на жестких скамейках и тем вознаградить себя за труды. По зрелым мышлениям, он пришел к убеждению, что важнее всего отыскать проповедника, способного привлечь к себе публику; поиски не замедлили увенчаться успехом: три недели спустя после открытия часовни жившие вблизи граждане были разбужены мощным голосом, раздававшимся с полированной кафедры. Любопытство понудило их прийти послушать проповедника. Некоторые удалились, недовольные его поучениями, кто-то осмелился даже говорить, что в словах проповедника присутствует резкость, несовместимая с духом смирения и любви.

С другой стороны, несколько человек из местного купечества провозгласили проповедника великим человеком и лучезарным светилом.

В окрестностях «Литль Бела» начали ходить самые разнообразные слухи относительно того, где владелец часовни отыскивал проповедника. Одни утверждали, что он нашел его в торговой лавке; другие — что он встретил его исполняющим трудную обязанность статиста в театре; третьи — что он стал свидетелем его оживленной беседы с двумя-тремя товарищами и был поражен его громадным басом. Но что бы ни говорили, вскоре все убедились, что мистер Джозеф Слогуд прочно стоит на своем месте, и деньги, взимаемые с прихожан за скамейки, посыпались в сундуки хозяина часовни.

Через две недели после смерти капитана Вальдзингама, в жаркое знойное воскресенье мистер Слогуд произнес длинное поучение. Со своей привычной резкой нетерпимостью он сыпал обвинениями, призывая кару на головы торговцев и на кокетливые праздничные наряды присутствовавших женщин; он громил своих слушателей, часто противоречил самому себе, но говорил уверенно и энергично. Слогуд был высокого роста, широкоплечий, чуть сутуловатый, с бледным смуглым лицом, черными бровями, очень светлыми волосами и зеленовато-желтыми глазами, которые на солнце менялись, как у кошки. Читатель, вероятно, тотчас узнал его по кошачьим глазам. Он, впрочем, изменился, был одет попримечнее, но руки его были грязными, как в то время, когда он курил трубку у лисльвудской сторожки; и хотя манеры его стали менее грубыми, но все же сохранили свою прежнюю резкость. В конце проповеди он услышал шум неожиданно открывшейся двери и увидел вошедшего. Собрание повернулось, чтобы взглянуть на смельчака, дерзнувшего появиться здесь в подобную минуту. Вновь прибывший оставался подле самого входа, как будто ожидал окончания проповеди. Свет падал на его светло-русые волосы, золотую цепочку с множеством брелоков, светлый костюм и лаковые сапоги. Он стал несколько старше и пополнел с тех пор, как мы видели его в последний раз, но не потерял ни изысканности, ни привлекательности.

Мистер Слогуд скомкал свое поучение, уместив последние шестнадцать пунктов менее чем в шестнадцати фразах, и удалился с кафедры. Он подошел к обладателю светло-русых усов и с почтительным видом последовал за ним к выходу из часовни.

— Вот как вы развлекаетесь, мистер... — обратился к нему изящный господин.

— Слогуд, милостивый государь! — произнес оратор.

— Слогуд. Хорошо. Новое имя и новое занятие. Вы недаром читали в Лисльвуде книги духовнонравственного содержания. Ваша проповедь была весьма интересной... Много ли вам платят?

— Довольно мало, милостивый государь, но вместе с небольшим вспомоществованием, которое...

— ...вы получаете от вашего брата, не так ли, мистер Слогуд? Будьте же так добры, запомните: я не хочу знать ничего относительно ваших доходов и расходов: получаете ли вы тридцать тысяч фунтов стерлингов или тридцать шиллингов, меня это не касается.

— Вы довольно суровы к людям, господин майор, — проворчал Слогуд, глядя в устремленные на него проницательные голубые глаза.

— Я суров к людям, мой добрый Слогуд, — повторил майор. — Да ведь мне нет до вас ни малейшего дела!.. Я даже не знаком с вами. Если вы завтра сядете на скамью свидетелей, что вы можете рассказать обо мне? Ничего, мистер Джозеф... то есть мистер Слогуд... Я еще никогда не изменял своим принципам. Все мои связи с прошлым ограничиваются вопросом, который я задаю себе мысленно: «Что может рассказать обо мне этот человек, если он попадет на скамью свидетелей? Ничего! Ну так мне и бояться нечего!» А теперь, мой достойный друг, мне бы очень хотелось видеть вашего сына. Мой камердинер Соломон уверяет меня, что он прелестный мальчик. Идемте все к нему!

— Вы хотите... — нерешительно произнес мистер Слогуд и с тревогой взглянул на майора.

— Да, хочу его видеть... Не придавайте такого значения самым простым словам!.. Повторяю вам только: покажите мне сына!

Мистер Слогуд поклонился и, войдя в маленький домик, стоявший в этом же переулке, провел майора в гостиную. Белокурая женщина с истомленным лицом готовила чай на столе у окна.

— Он наверху, майор, — сказал Слогуд. — Я держу его в совершенном удалении от света согласно приказаниям, полученным от вас.

— Не моих, прошу вас помнить это, я тут совершенно ни при чем.

Мистер Слогуд промолчал, но пока оба они поднимались по лестнице, его кошачьи глаза смотрели на майора с самым свирепым выражением.

У окна, за столиком сидел молодой человек. Он держал в руках какую-то газету и рассеянно смотрел через нее на двор, где веселились дети. На столе валялись окурки папирос и груда объявлений, порванных и засаленных. На камине лежала колода карт, коробка с домино, несколько помятых театральные афиш и пара когда-то белых лайковых перчаток. Молодой человек даже не пошевелился, увидев мистера Слогуда, и лишь в досаде произнес:

— Это вы? Вы сами пришли теперь сюда и, конечно, позвольте мне выйти из этой клетки, где просто задыхаешься от пыли и жары!

Мистер Слогуд хотел сказать что-то в ответ, но майор опередил его.

— Милый мой молодой друг, — быстро сказал он, — здесь с вами обращаются чрезвычайно дурно.

Милый молодой друг проворно вскочил с места. Его бледное болезненное лицо оживилось.

— Наконец-то вы явились! — воскликнул он радостно. — Мне опротивело сидеть в этой тюрьме! Мне опостытели и эти уловки, и эта таинственность... Кто я или что я? Что за разница между мною и другими людьми?

Щеки его покрылись болезненным румянцем, зрачки расширились, а бледные тонкие губы нервно подергивались. Майор Варней смотрел на него улыбаясь и думал: «Соломон — человек глубоко проницательный... Альфред Соломон — великий человек!»

— Ну что? — продолжал юноша. — Не можете ли вы наконец объяснить, кто я такой и что скрывается за всей этой таинственностью?

— Садитесь, милый мой! — мягко сказал майор.

Молодой человек сел рядом с ним. Мистер Слогуд, неподвижно стоявший у двери, смотрел на них с полным недоумением.

— Вы спрашиваете меня, — начал майор Варней, дружелюбно взяв в свои ладони руки молодого затворника, — вы спрашиваете: кто вы, что вы и что все это значит? Милое дитя, эти вопросы чрезвычайно важны, и я еще не в состоянии ответить вам на них; но я всеми силами ищу возможность скорее удовлетворить ваше любопытство. Солнце блеснет не скоро, но заря уже занимается! Да, мой молодой друг, мне кажется, что она занимается!

— К черту зарю, — с досадой проговорил молодой человек. — Почему вы не даете мне прямых объяснений? Почему мне не хотят ответить ни на один мой вопрос? Этот, — он указал на Слогуда, — никогда ничего мне не говорит. К чему играть словами, к чему увертки

и мистификация? Если мне иной раз вздумается спросить что-нибудь у того жида, что появляется у нас довольно часто (а я люблю его; это хороший малый), то и он отвечает так же уклончиво; вы все точно сговорились держать меня во мраке полнейшего неведения... Все! — повторил он в бешенстве.

Майор нежно поглаживал его бледную руку.

— Исключая меня, исключая меня, дорогое дитя, — успокоил он юношу, — я никогда не принимал участия ни в каком заговоре. Разве это возможно для меня? Но, я не ошибаюсь, мы напали на след одного заговорщика, и я употреблю все усилия, чтобы уличить его.

Слогуд сделал движение, будто хотел что-то сказать в ответ, но майор устремил на него свои блестящие глаза с таким выражением, что слова замерли у него на губах.

— Посмотрите на этого человека, мой друг! — продолжал майор, указав на Слогуда. — Вообразите себе: некогда он совершил преступление, которое не только отразилось губительно на вашей бедной молодости, но омрачило счастье еще одной особы, которой вы были чрезвычайно дороги; далее представьте себе, что я из сострадания к упомянутой особе решил раскрыть заговор, невинной жертвой которого вы стали.

В течение этого монолога майор не выпускал руки бледного юноши и не сводил с мистера Слогуда глубокого и пристального взгляда. Лицо бывшего сторожа могло бы послужить интересным примером для физиономиста: на нем отображались, сменяя друг друга, страх, злоба, изумление и бешенство. Когда же Гранвиль Варней закончил свою речь, он воскликнул запальчиво:

— Не говорите больше ничего! Это недоразумение, я должен объясниться!

Однако майор в ту же минуту охладил эту вспышку выразительным жестом, при этом его прекрасно очерченные губы чуть слышно прошептали имя Джозефа Бирда. Мистер Слогуд ушел в другой конец комнаты и, сев на кровать, принялся читать Библию. Молодой человек наблюдал за всем этим, дрожа от нетерпения. Схватив руку Варней, он порывисто воскликнул:

— Что это за заговор? Расскажите! Да отвечайте же!

— Нет, дитя, вы должны вооружиться терпением, — сказал ему майор. — Доверьтесь мне! Я ваш друг и спаситель. От меня зависит, получите ли вы имя и большое богатство, больше того: я могу вернуть вам даже любовь и ласки матери... Я сделаю все, что только мне по силам, чтобы открыть эту тайну. Если окажется, что надо подкупить этого человека, я подкуплю его! Я не буду скупиться. Я далек от мысли укорять кого бы то ни было; я хочу исключительно знать голую правду. Но для этого нужно терпение... Верите ли вы мне, дорогое дитя?

— Да! — в волнении сказал молодой человек.

— Вы признаете во мне друга и благодетеля, без которого вы могли бы умереть в этой ужасной комнате и с помощью которого вы сможете вернуть себе свою семью, свои права и свое богатство?

— Какие права и богатство?

— О, не все ли равно! Верите ли вы мне?

— Верю, верю, конечно!

— Хорошо. А теперь до скорого свидания! Ждите меня на днях. Ну-с, мистер Слогуд, проводите меня!

Молодой человек схватил руку майора и почтительно поднес ее к губам. Мистер Слогуд последовал за посетителем, но, спустившись по лестнице, грубо спросил его:

— Что это означает? Я вовсе не желаю, чтобы мною манипулировали таким нахальным образом. Что это за странные шутки?

— Это шутки, которые способны окончиться для вас чрезвычайно плачевно, если вы будете вмешиваться в чужие дела; если же вы будете следовать советам господина Соломона и помнить его уроки, они послужат исключительно для вашей выгоды... Вами никто не манипулирует, — продолжал майор с величайшим презрением, — хотя вы, разумеется, не более чем орудие. Вы с самого начала были только орудием — жалким, слепым орудием,

тупоумным, невежественным, не способным помочь даже самому себе, не то что другим. Делайте, что вам велено, без всяких рассуждений; попробуйте вмешаться в дела умных людей, и вы тотчас услышите кое-что о Джозефе Бирде. Прощайте, мистер Слогуд!

Майор исчез в переулке. Соседи кинулись было к окнам, чтобы взглянуть на него, а дети проводили его до самого Ольд-Кент-Рида и видели, как он укатил в своем кабриолете.

XIII ОБЪЯВЛЕНИЕ

На четвертый день после этих событий майор сидел с женой за завтраком в столовой дома в Кенсингтон-Горе. Щеки миссис Варней заметно поблекли со времени ее отъезда из Лисльвуда, после которого прошло уже четырнадцать лет, но прекрасные волосы лежали на плечах все теми же роскошными волнами. Она была чем-то расстроена и ничего не ела, довольствуясь тем, что быстро крушила блюдо превосходного паштета. На лице ее в эту минуту отражалась почти дикая радость, а стальной ножик в нервно дрожащей ручке, сильно смахивал на кинжал. Должно быть, миссис Варней тоже пришло в голову это сравнение: она начала с особым вниманием следить за сверкающей сталью и вдруг сказала:

— Как досадно, что я не могу убить кого-нибудь перед началом завтрака! Это бы возбудило аппетит сильнее рейнвейна и сельтерской воды... Гранвиль Варней, мне страшно опротивел подобный образ жизни... Мне бы хотелось снова превратиться в актрису и жить опять в Саутгэмптоне, вызывая восторг тупоумной, полупьяной толпы, хотелось бы вернуть свою молодость и...

— Невинность! — закончил майор, подкрутил свои усы и положил сахар в стакан.

— Повторяю, мне опротивела жизнь, которую я веду; мне надоела эта вечная борьба, это стремление слыть богатыми людьми, эти постоянные уловки!.. Мы начинаем стареть, пора остепениться и довольствоваться тем, что у нас есть.

— Это разумно, Ада. Вы выражаетесь, как мудрец и философ, и скоро мы в самом деле начнем другую жизнь.

— Гранвиль, вы забыли, что у вас нет ничего, кроме жалованья?

— Да, в данную минуту нет, но через месяц будет все. Мне надоела служба, я больше не вернусь в Индию, Ада! Я хотел бы удалиться куда-нибудь в деревню, чтобы провести там с вами, кумир моей души, остаток своих дней... Да, великое счастье, не признавать себя виновным в низких делах! Спокойно живет только тот, кто не замешан ни в каких злых делах!.. Знаешь ли, что мы можем рассчитывать на гостеприимство сэра Руперта Лисля?

В черных глазах миссис Варней отразилось глубочайшее изумление.

— Сэра... Руперта?.. — произнесла она.

— Лисля, — добавил майор. — Этот молодой человек, так много страдавший, должен благодарить меня за то, что я верну ему имя и богатство... Несчастный милый мальчик! Он стал жертвой самой недостойной интриги.

— Но не хотите же вы...

— Позволить ему оставаться вдали от нежной матери, без имени и звания? Нет, Ада, не хочу! — произнес майор, крутя свои усы с видом негодования и благородной гордости.

— Варней, перестаньте разыгрывать комедию, — сказала она с заметным нетерпением.

— Разыгрывать комедию? Разве я это делаю? Ведь у меня на совести нет преступления, которое я должен бы скрывать перед вами, моя милая... Я узнал, что один молодой человек с самого детства был жертвой чужой подлости, — и что же я предпринимаю? Я немедленно стараюсь разузнать все подробности этого преступления. Когда я решу эту задачу, то выведу всех на чистую воду. Нечего и говорить: этот милый мальчик должен будет питать ко мне вечную благодарность; ну а я, разумеется, постараюсь извлечь из подобного чувства всю возможную выгоду.

— Люди не всегда бывают благодарны! — сказала миссис Варней.

— Это правда, не все помнят чужую преданность; вообще неблагодарность очень

развита в людях; но от Руперта Лис ля я жду только хорошего.

— Вы воображаете, что он лучше других? — спросила миссис Варней с презрительной улыбкой.

— Повторяю вам, Ада, что не жду от него ничего, кроме добра, и не скажу вам более ни единого слова... Он может быть и лучшим и худшим из людей, я не боюсь ни того, ни другого. А если он окажется настоящим чудовищем, то я буду бояться его еще меньше!

— Послушайте, Варней, у меня нет ни малейшего желания разгадывать ваши ребусы.

— Милая моя, да у вас не хватит мозгов для такой работы. Вы, кажется, вообще никогда не ломали свою очаровательно красивую головку над таинственными загадками? Вы созданы единственно для того, чтобы блистать своей чудной прелестью, петь и тратить деньги. И вы это исполнили: вы были хороши, истратили много песен и спели немало денег... Виноват! Я ошибся: вы спели много песен и потратили много денег. Вы выполнили свое предназначение, и вам уже не к чему стремиться... Вот где творческий процесс! — заключил майор, ударив себя по лбу серебряной ложечкой.

Его красивая собеседница нетерпеливо пожала плечами и взяла «Таймс», уже прочитанный майором.

— Просмотрите список рожденных, умерших и соединившихся браком...

— О! Что это такое? — воскликнула миссис Варней, когда взгляд ее упал на объявление, помещенное в начале газеты.

— Читайте вслух, Ада, я разъясню, что вам не понятно.

— «Если эти строчки дойдут до сведения майора Гранвиля Варней, Г. Е. И. К. С. или кого-либо другого, знающего настоящее местопребывание этого джентльмена, их просят немедленно пожаловать к господам Сельбурн и Сельбурн, стряпчим, в Гроз-Ин-Плас...» Что это такое, Гранвиль?

— Сказать вам, как я намерен на это ответить? — спросил майор.

— Да.

Гранвиль Варней встал и, усевшись к прекрасному дубовому бюро, быстро написал несколько строк и передал их жене, пока сам он надписывал конверт. Его ответ был следующим:

«14, Кенсингтон-Гор, 30 июня 18...

Миссис Вальдзингам!

Вспомнив, что господа Сельбурн и Сельбурн, что в Гроз-Ине — поверенные вашего семейства, мне пришло в голову, что объявление, помещенное в сегодняшнем номере „Таймс“, исходит от вас. Если моя догадка верна, если я могу быть вам полезным в том или ином вопросе, распорядитесь мною, как вам будет угодно; в противном случае прошу извинить меня за беспокойство. Я чувствую такую непреодолимую антипатию к адвокатам, что скорее решусь вызвать ваше неудовольствие, чем войти в сношения с подобными людьми.

*Честь имею Ваш,
милостивая государыня,
покорнейший слуга Гранвиль Варней».*

— Почему вы думаете, что это объявление миссис Вальдзингам? — спросила миссис Варней, возвращая письмо мужу.

— Потому что я ждал этого каждый день с самой смерти Вальдзингама. Я твердо убежден, что перед кончиной он открыл своей жене одну важную тайну. Если он сделал это, то я очень рад — потому что миссис Вальдзингам будет вынуждена обратиться ко мне, а я уже подготовился к разговору с ней. Если же он умер, не сказав ей ни слова, мне необходимо принять на себя инициативу в этом деле и обратиться к миссис Вальдзингам. Это

объявление, которого я ждал с великим нетерпением, убеждает меня, что мой бедный Артур не унес тайну с собою в могилу. Мой дорогой друг не мог поступить иначе: он всегда был верен себе, а мне — очень полезен. О Ада, жизнь моя! К чему грешить самим, когда знаешь, как без труда извлечь пользу из чужих прегрешений?!

Майору не пришлось томиться в ожидании: на другой же день утром перед квартирой майора остановился экипаж, и через несколько минут Соломон подал своему господину визитную карточку Клэрибелль Вальдзингам.

Майор приказал ему отвести посетительницу в библиотеку; это была небольшая комнатка, выходящая окнами в сад, в котором красовался бассейн с золотыми рыбками. Прежде чем выйти к миссис Вальдзингам, майор вынул из кармана зеркальце и начал машинально расчесывать усы.

«Следовало бы побриться, — подумал он, — но усы белокурого цвета придают лицу чрезвычайно кроткий и добродушный вид».

Он нашел миссис Вальдзингам стоящей у окна. Она была бледна, но казалась спокойной, как и в прежнее время.

— Миссис Вальдзингам, — проговорил майор, подавая ей руку, — так это вы напечатали объявление в «Таймс»? И вы пожаловали ко мне, чтобы воспользоваться моими услугами? Это очень похвально с вашей стороны. Я приехал из Индии недавно и день назад, лишь вчера, узнал, что мой несчастный незабвенный друг...

Но миссис Вальдзингам, не в силах скрывать волнение, перебила его:

— Майор Варней! — воскликнула она. — Я приехала к вам по серьезному делу; я разыскала бы вас гораздо раньше, но горе и печаль, вызванные потерей...

Она замялась, и на ее бледных щеках внезапно выступил яркий румянец.

— Смерть капитана Вальдзингама отняла у меня самую способность думать, — продолжала она. — Мои советники очень протестовали против моих переговоров с вами... Они не понимают моего положения! Но я рискнула всем, чтобы задать вам один вопрос. Вы могли быть в прошлом моим злейшим врагом; вы можете им оставаться... Но я не в силах вынести тяжелых сомнений, которые досаждали мне последние три месяца! Майор Варней, умоляю вас именем вашей матери: ответить на мой вопрос с полной откровенностью!

Она кинулась на колени и с мольбой протянула к нему свои нежные руки.

— Скажите, ради Бога... мой сын... сэръ Руперт Лисль... Жив или умер?

Майор так широко вытаращил глаза, что нужно могло возникнуть опасение, как бы они не остались такими навсегда. Он участливо поднял и посадил в кресло взволнованную женщину.

— Успокойтесь, мадам! — сказал он приветливо. — Вы ввели меня в затруднение... Чем вызвана подобная странная мысль?

— Нет, это не бред воспаленного мозга! — отвергала она. — Капитан Вальдзингам хотел открыть мне эту тайну за несколько минут до удара, который свел его в могилу!

— Хотел открыть тайну? — поспешно спросил майор.

— Да, но он, к сожалению, смог только произнести несколько несвязных слов, которых, однако, было вполне достаточно для того, чтобы понять, что мой сын жив и что вам, майор, известна эта тайна.

— Мадам, все это невероятно. Со времени исчезновения вашего сына я жил в Индии и вернулся сюда только месяц назад... Можно лишь предполагать, что мозг моего бедного друга был не совсем в порядке, так как нет никаких доказательств того, чтобы ваш сын не умер! Какие причины могли побудить капитана Вальдзингама скрывать это от вас, если сэръ Руперт жив? И что мог он выиграть, участвуя в таком ужасном преступлении?

— Ничего, ничего! Его благосостояние должно было погибнуть вместе с моим ребенком! — сказала Клэрибелль.

— Ну так что же могло заставить и его, и кого бы то ни было держать в тайне тот факт, что ваш сын жив? Многоуважаемая миссис Вальдзингам, все это странно и непонятно!.. Я едва осмеливаюсь сказать вам, насколько ваш вопрос меня озадачил!

Последние слова майор произнес со смущением, которое проглядывало и в его взгляде.

— Вы едва осмеливаетесь сказать мне... Объясните мне, что значит эта фраза! — сказала Клэрибелль. — Я глубоко убеждена, что вам известно то, о чем вы не хотите говорить.

— Нет, нет. — Он принялся ходить взад и вперед по комнате, словно погрузившись в глубокое раздумье. — Все это так странно и так невероятно, и, по правде сказать, просто невозможно...

— Сжальтесь надо мной... — перебила его гостья. — Если вам известна участь моего сына... если вы сможете мне вернуть ему имя и богатство, то половина этого громадного богатства перейдет к вам.

Майор вздрогнул, как если бы что-то ударило его по голове. Он выпрямился и, обратив взгляд на миссис Вальдзингам, проговорил величественно:

— Милостивая государыня, советую искренне вам никогда не пытаться подкупать офицера индийской армии; советую вам также не раздавать налево и направо богатства, принадлежащие вашему сыну. Если только он жив, то скоро, как вы знаете сами, будет совершеннолетним и, верно, не захочет никому уступить свои права.

— Простите меня, майор, я безумная женщина! Простите и расскажите мне все, что вам известно о моем бедном Руперте!

Майор не ответил, он продолжал ходить по комнате, как будто все еще был погружен в глубокое раздумье.

— Скажите, миссис Вальдзингам, есть ли у вас портрет сэра Руперта Лисля? — спросил он неожиданно.

Она распахнула шаль и, сняв с шеи золотую цепочку с медальоном, молча подала ее майору. Открыв медальон, он увидел миниатюрный портрет сэра Руперта Лисля, написанный на слоновой кости незадолго до страшной катастрофы.

Майор долго рассматривал его и даже, чтобы лучше видеть, подошел поближе к окну.

— Мадам, — сказал он с видимым волнением, — мне страшно произнести хоть слово, которое могло бы ввести вас в заблуждение... но я думаю, что ваш сын жив!

Лицо миссис Вальдзингам покрылось страшной бледностью, и она без чувств упала на ковер.

XIV НАДЕЖДА

— Как все это не к месту, — пробормотал майор, видя, что посетительница потеряла сознание. — Бедняжка!.. Вот результат любви — любви к болезненному, бледному, ничтожному созданию... Кто бы мог подумать, что существуют люди, умеющие чувствовать так живо и глубоко? Сказать об этом Аде? Нет, это может иметь плохие последствия! Бог ведь чего только не наговорил ей этот тупоумный Артур!

Он позвонил, и Соломон немедленно появился в дверях.

— Пришлите сюда горничную миссис Варней с холодной водой и всеми средствами, применяемыми при обмороках, — сказал ему майор. — Миссис Вальдзингам дурно!

Нюхательная соль привела миссис Вальдзингам в чувство. Ее заботливо усадили в кресло, которое придвинули к открытому окну. Она с недоумением оглянулась, но увидела майора и вспомнила все. Подобно всем бесстрастным людям, она великолепно владела собой.

— Благодарю... мне лучше, — сказала она. — Не беспокойтесь обо мне. Итак, майор Варней, я готова продолжить разговор и постараюсь больше не доставлять вам неприятных сюрпризов.

Слуги вышли из комнаты, и майор остался с глазу на глаз со своей гостьей. Он встал у ее кресла; она тихо взяла его руки в свои и взглянула в его глаза.

— Будьте так добры и объясните мне значение ваших слов! — воскликнула она. — Вы

не стали бы произносить их, если бы у вас не было намерения раскрыть их сокровенный смысл.

Майор придвинул стул и сел рядом с ней.

— Святая истина! — ответил он серьезно. — За всю свою жизнь я не сказал ни единого необдуманного слова. Если вы обещаете выслушать меня спокойно, то убедитесь сами, что и на этот раз я не изменю этому разумному правилу! Итак, вы обещаете?

— Даю вам слово!

Она не отрывала от него жадного взгляда, а он смотрел на нее таким ясным взором, как способен смотреть только человек с чистой совестью, который не боится самых пронизательных глаз.

— Я сказал вам — не забудьте, однако, о вашем обещании, — я сказал, что имею основания думать, что ваш сын жив, — начал он осторожно. — Но людям свойственно ошибаться... Все мы заблуждаемся, и я прошу вас не слишком увлекаться моими предположениями.

— Умоляю вас, выражайтесь яснее! — воскликнула миссис Вальдзингам.

— Я очень бы хотел этого... Итак, я высказал мысль о том, что ваш сын жив. Я должен, однако, сообщить вам, на каком шатком основании зиждется подобная... догадка.

— На шатком основании?.. — повторила с глубокой тревогой Клэрибелль.

— Да, миссис Вальдзингам... Я обладаю счастливой способностью хранить в памяти лица людей. Плохо пришлось бы дезертиру, которого судьба привела бы к майору Гранвиллю! Я бы тотчас узнал каждую черточку его лица и выражение его глаз, даже если бы он пробыл в моем полку не больше пяти дней, а потом исчез на десять лет. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как я видел сэра Руперта Лисля; если он жив, то должен быть уже взрослым... Но, несмотря на это, я почти убежден, что я видел его три недели тому назад!

— Майор Варней!

— Не забудьте о вашем обещании... Три недели тому назад мы с женой были приглашены в театр. Наша ложа была в первом ряду, так что партер был перед нами как на ладони. В первом ряду сидел какой-то молодой человек, с таким живым интересом следивший за игрой актеров, что он невольно обратил на себя внимание моей жены. Она указала мне на него... Я не верю в привидения, миссис Вальдзингам, но в этот вечер мне показалось, что я вижу перед собой вашего сына, сэра Руперта Лисля!

Майор замолчал.

— Правда ли это?.. Может ли быть подобное?! — с волнением воскликнула Клэрибелль Вальдзингам.

— Слушайте дальше и судите сами... Так как я не верю в привидения, то сказал себе: я никогда еще не видел такого сходства! Оно настолько поразительно, мне просто необходимо узнать, кто этот бледный и красивый молодой человек. Он сильно отличается от своих сверстников, и я должен во что бы то ни стало узнать о нем побольше! У меня есть весьма способный камердинер, Альфред Соломон, — вы его видели. Он тоже был в театре, ждал меня в партере. Я знаком приказал ему подойти к ложе и показал на молодого человека. «О сударь, я узнаю его, он похож...» — воскликнул Соломон. «На кого?» — спросил я, «Он ужасно похож на сэра Руперта Лисля...» — «Хорошо, Соломон, — ответили, поскольку обращаюсь с прислугой чрезвычайно гуманно, — это странное сходство побуждает меня узнать, кто этот милый молодой человек. Проследуйте за ним до его квартиры, достойный Соломон, и постарайтесь собрать о нем подробнейшие сведения».

— И... что же он узнал?

— Вы, миссис Вальдзингам, не можете представить себе, каков мой Соломон! Он тихо последовал за этим незнакомцем до отдаленной улицы неподалеку от Ольд-Кент-Рида, и в конце концов узнал его имя — Слогуд. Отец его, методический проповедник, живет в этой квартире уже несколько лет. Все это как будто не предвещало ничего хорошего; но я все же решил познакомиться с этим молодым человеком.

— И вы были у него?

— Да, на другой же день. Я видел и отца его, методического проповедника Джозефа Слогуда... и что же вы думаете, кого я узнал в нем?

— Не могу представить, — сказала Клэрибелль.

— Слугу из Лисльвуд-Парка, сторожа... раскаявшегося браконьера, которого, если мне не изменяет память, звали Жильбертом...

— Арнольдом?

— Да, Жильбертом Арнольдом, — продолжал майор Варней. — Уже одно это дало мне повод предположить, что между сэром Рупертом и молодым человеком, увиденным мною в театре, могло быть что-то общее... Скажите, миссис Вальдзингам, не припомните ли вы, между вашим сыном и сыном браконьера существовало сходство? Помните или нет?

Задавая вопрос, майор Варней взглянул на лицо Клэрибелль.

— Не могу вам сказать, чтобы я когда-либо это замечала, — ответила она с некоторой надменностью. — Многие говорили о сходстве Руперта с мальчишкой Арнольда, но я не находила, чтобы мой сын похож на этого несчастного оборванца Джеймса.

— В подобном деле вы самый компетентный судья! Мистер Джозеф Слогуд, или Жильберт Арнольд, или как его там, не особенно обрадовался, когда увидел меня. Он скрывает свое настоящее имя, а это подозрительно! Он очень испугался и даже обозлился, когда я намекнул ему на то, что видел его в Лисльвуде, и начал отрицать, что Слогуд и браконьер Арнольд — это одно лицо. Когда я попросил представить меня его сыну, он стал было изворачиваться, лгать и в конце концов отказал мне в моей просьбе. Тут-то я окончательно утвердился в своих подозрениях и приготовил ему отличную ловушку: я покинул его, но добился свидания с молодым человеком... Несчастное создание! Бедный жалкий ребенок! Кто бы он ни был, на кого бы ни казался похож, это не сын Жильберта Арнольда.

— О, умоляю вас, говорите яснее!

— Я не могу сказать ничего яснее этого! — возразил Варней. — Я в состоянии лишь повторить еще раз: мне кажется, что молодой человек, живущий у бывшего браконьера и мнимого методического священника Жильберта, — не его сын. Полагаю, его родители занимали высокое положение в свете и стали жертвою какого-нибудь заговора, в котором главную роль играл этот самый Арнольд... Вот и все, что я знаю! Я не могу сказать вам ничего больше, пока вы сами не посмотрите на этого симпатичного юношу!

— О, сейчас же отведите меня к нему! Неизвестность тяжелее самой смерти!

— Да, но вы должны иметь терпение... вы должны владеть собою! В подобных обстоятельствах нельзя действовать слишком быстро: один неверный шаг может погубить все дело. Осторожность здесь просто необходима. К тому же примите к сведению, что нам придется бороться со страшным хитрецом и лицемером. Нельзя приступать к делу до вашего свидания с молодым человеком. И здесь я вполне полагаюсь на ваш материнский инстинкт. Внимательно посмотрите на юношу, поговорите с ним... изучите каждую черту его лица, каждый его жест, и если после этого вы скажете: «Гранвиль Варней, это мой сын, сэр Руперт Лисль!» — я переверну небо и землю, чтобы доказать это свету и помочь вам вернуть вашего сына! До этих пор мы ничего не сможем предпринять: нашей отправной точкой будет минута, когда вы, миссис, дадите ответ на этот вопрос. Придется куда-нибудь удалить Арнольда, чтобы вы могли увидеться с молодым человеком. Это может устроить мой слуга Соломон, если вам будет угодно, то сегодня же вечером. Если я ошибся и напрасно заставил вас страдать и волноваться, простите мне мою невольную вину. В случае же, если вам с моей помощью удастся разгадать эту тайну...

— То я... буду вам глубоко благодарна! Мой сын станет и вашим сыном; все его состояние будет и вашим состоянием, как и наш дом.

— Достаточно, достаточно, — весело перебил ее майор. — Милостивая государыня, я попросил бы вас отдохнуть, прилечь на пару часов. Я пришлю вам что-нибудь прохладительное и немного мадеры, которая пережила столько же переездов, сколько и я

сам; убедительно прошу вас подкрепить свои силы: не забудьте, что вечером вам предстоит принять решение, от которого будут зависеть все наши последующие действия! Прощайте же, миссис Вальдзингам, до наступления сумерек!

Майор взял руки Клэрибелль и дружески пожал их. Он принял самый кроткий и внушительный вид, а его шелковистые волосы, блестящие на солнце, сделали его красивое лицо еще привлекательнее.

XV ЖИЛЬБЕРТ АРНОЛЬД НАЧИНАЕТ ГОВОРИТЬ

Достойнейший камердинер майора Соломон весьма ловко удалил мнимого проповедника из дома на довольно продолжительный срок. Уже смеркалось, когда миссис Вальдзингам с майором отправились в его щегольском кэбе в Ольд-Кент-Рид; майор Варней остановил кучера на углу переулка, в конце которого виднелась часовня.

— А теперь, миссис Вальдзингам, — сказал Гранвиль, — дайте вашу руку; до квартиры Слогуда мы дойдем пешком. Я отослал кэб несколько из опасения, что ваш бывший сторож, вернувшись раньше времени, может узнать, что мы у него.

Клэрибелль, казалось, не слушала Варнея. Она отрешенно шла вперед и вдруг, остановившись, положила руку на плечо майора и спросила со странной решимостью:

— Майор Варней, скажите!.. Молодой человек, которого я увижу сейчас... это мой сын?

Взошла луна, и ее матовый свет озарил красивое бледное лицо Варнея, так что он теперь казался еще интереснее, чем днем. Майор бросил на свою спутницу пронизательный взгляд и ответил ей с достоинством:

— Миссис Вальдзингам, вы одиноки, беспомощны, к тому же вы вдова моего дорогого друга; поверьте, я не способен обмануть вас, и потому я говорю вам: я думаю, что это ваш сын, сэр Руперт Лисль!

Она вздохнула с видимым облегчением и быстро пошла вперед.

— Мы пришли! — сказал ей майор, остановившись у садовой калитки и дергая шнурок звонка.

На звон выбежал Соломон.

— Ну что, все в порядке? — спросил майор, когда слуга торопливо открыл калитку.

— Да, сэр, он поехал в Гэмпстедт. Я принес ему записку от председателя общества, в которой его просят произнести речь. Он вернется не раньше чем через два часа, да еще не сразу найдет место сходки.

— Хорошо, Соломон... Разве этот человек не сокровище? — весело подмигнул он дрожащей Клэрибелль.

Она не ответила: глаза ее были устремлены на дверь незнакомого дома, в котором она полагала найти своего сына.

— Не угодно ли вам последовать за мной? — мягко сказал майор.

Он вошел в коридор и направился к лестнице, но, прежде чем взойти по ней, обернулся к Соломону и спросил, многозначительно подмигнув ему:

— А куда же делась женщина?

— Она ушла в деревню повидаться со знакомыми, — ответил Соломон. — Ее там очень любят и отпустят не скоро.

— Это великолепно, мой бесценный Соломон!

Майор и миссис Вальдзингам начали подниматься по лестнице вместе с Соломоном, который остался на площадке, когда они тихо вошли в комнату. Молодой человек с бледным лицом спал на кровати, положив руку под голову. Белокурые волосы закрывали его низкий, довольно узкий лоб. Платье, хоть и поношенное, было самого изящного покроя, а руки спящего были белыми и нежными. Комната была слабо освещена свечой, стоявшей на столе у окна. Майор молча указал на юношу. Миссис Вальдзингам издала слабый крик и,

преклонив колени перед постелью, поцеловала спящего в лоб, отчего он тотчас проснулся и взглянул на нее с изумлением. Теперь она увидела, что лицо его очень красиво, а тонкие черты непогрешимо правильны, хотя они и не свидетельствовали об обширном уме.

— Несчастное дитя! — проговорил майор. — Вспомните все, что я недавно говорил вам, и соберитесь с силами!

— Да... да! — пылко воскликнул молодой человек. — Я знаю... вы моя мать, — обратился он к Клэрибелль, — вы пришли, чтобы вырвать меня из этой ужасной темницы... из рук этого гнусного, низкого Человека. Ведь вы хотите этого?

Он говорил с лихорадочным нетерпением и даже соскочил с постели, как будто хотел без промедления покинуть эту комнату. Соломон, стоявший в дверях, схватил его за руку и сказал торопливо:

— Не спешите!.. Успокойтесь!

— Ну-с, миссис Вальдзингам, я прав или нет? — спросил майор Варней, обращаясь к Клэрибелль.

— Да, — сказала она с тихим вздохом, — вы и правда не ошиблись; однако мой дорогой сын ужасно изменился. Это грустная перемена!

— Как тут не измениться, когда он в течение четырнадцати лет не видел материнской заботы и любви и сидел в заключении, как настоящий узник! — заметил майор.

— Мой сын... мой бедный Руперт... подойди же ко мне! — проговорила Клэрибелль, раскрывая ему свои объятия.

Молодой человек обвил ее шею руками и, прислонясь к ее плечу, горько зарыдал:

— Я не могу больше оставаться в этом доме... не могу жить здесь!

— Мы увезем тебя отсюда, мой Руперт.

Миссис Вальдзингам было пошла к двери, но майор остановил ее.

— Дорогая миссис Вальдзингам! — начал он. — Сознаете ли вы, что затеваете? Вы хотите увести с собой человека, которого считают сыном ваших бывших слуг; вы, вероятно, хотите отправиться с ним в суд и заявить, что это ваш сын, сэр Руперт Лисль, который давным-давно считается умершим... Ради Бога, как следует подумайте о том, что вы хотите сделать! Я прошу вас во имя нашего незабвенного Артура Вальдзингама: будем действовать рассудительно. Не угодно ли вам сесть?

Он подвел ее к стулу, и она послушно села.

— Прежде всего, миссис Вальдзингам, — продолжал майор, — прежде чем приступить к нашим дальнейшим действиям, необходимо ваше официальное заявление, что вы узнали в этом молодом человеке вашего сына, сэра Руперта Лисля.

— Я узнала его!

— Хорошо! Итак, вы утверждаете в присутствии Соломона, этого юноши и третьего свидетеля в лице майора Варнея, что это действительно ваш сын и что вы не введены в заблуждение сходством, которое могло существовать между сыном Арнольда и вашим сыном Рупертом.

— Я и прежде никогда не замечала сходства между ними! — сказала Клэрибелль.

— Прекрасно! Таким образом, мы смело можем сказать, что открыли заговор, который имел целью скрыть существование вашего сына как от вас самих, так и от всего света. Для чего это было сделано? Кем задумано и исполнено? Это раскроет следствие. Теперь мы знаем только, что Жильберт Арнольд стал участником заговора, и нужно заставить его открыть нам эту тайну... Соломон, до сих пор вы содействовали нашим поискам, вы знакомы с характером Арнольда и, конечно, знаете, можно ли заставить его сказать правду?

Задавая еврею этот вопрос, он сделал ему знак, и слуга прекрасно понял своего хозяина.

— Сомневаюсь в возможности принудить его к этому, — ответил Соломон.

— Хорошо! — сказал майор, посмотрев на часы. — Сейчас четверть одиннадцатого; он вернется, по всей вероятности, не раньше чем через полчаса. Отправляйтесь в ближайшее полицейское отделение и приведите оттуда двух агентов. Если мы спрячем этих господ в

соседнюю комнату, нам, может быть, удастся развязать язык нашему другу.

Соломон с почтительным поклоном удалился, а Клэрибелль и Варней остались ждать возвращения браконьера. Молодой человек ходил из угла в угол, время от времени останавливаясь, чтобы задать им какой-нибудь вопрос.

Через полчаса Соломон вернулся в сопровождении двух мужчин с дородными лицами в штатском платье. Они вошли в гостиную, а десять минут спустя появился Арнольд. Он открыл дверь ключом, который всегда имел при себе, и прошел прямо в комнату, где его уже ждали. Клэрибелль по просьбе майора закрыла лицо густой вуалью, так что ее нельзя было узнать. Увидев Варнея, Жильберт изумился до такой степени, что даже отскочил.

— А! Мой достойный друг! — воскликнул офицер. — Я не сомневался, что мое присутствие здесь удивит вас; подождите немного, и вы удивитесь еще больше... Мадам, потрудитесь приподнять вашу вуаль, а я пока сниму нагар со свечи... Ну-с, Джозеф Слогуд, или Жильберт Арнольд, или как вас еще называли, скажите мне, узнаете ли вы эту благородную леди?

— Во-первых, меня зовут не Жильберт Арнольд, а во-вторых, я не знаю ни вас, ни этой дамы, — сказал браконьер.

— Да полно, так ли?! Вы очень хорошо знаете нас обоих; знаете так же и этого бедного молодого человека, которого осмелились выдавать за собственного сына! Да, Жильберт Арнольд, вы знаете его лучше, чем все другие! Опуститесь же перед ним на колени и молитесь его простить вас! Не говорите только, что вы его не знаете, ибо как же вам не знать сэра Руперта Лисля!

Браконьер сел на стул и закрыл лицо дрожащими руками.

— А! В вас еще осталась капля стыда! — произнес майор надменно и презрительно. — Четырнадцать лет вы скрывали свой грех, но теперь все открылось, и если вы надеетесь заслужить прощение этой госпожи и ее сына, который скоро станет совершеннолетним, вам лучше честно рассказать всю правду. Какова была цель этого злого умысла?.. Кто был его зачинщиком?.. Вы действовали один или вам помогали соучастники? Отвечайте по совести!

— Не стану я ничего говорить! — заревел браконьер и схватил стул, явно намереваясь швырнуть его в Варнея. — Отвечать не буду! Я не грязь, которую можно топтать ногами; я не ваш крепостной, чтобы слушаться вас, когда вы заставляете меня болтать, как попугая, или ползать перед вами, как собака.

Он стукнул стулом об пол, сел на него и вдруг заплакал горячими слезами.

— Этот человек или помешанный, или выпил лишнее! — сказал майор Варней, обращаясь к Клэрибелль.

Он подошел к Жильберту и, склонившись над ним, шепнул ему:

— Трус! Если ты не заговоришь, то попадешь на виселицу! Выбирай! Внизу сидят два полицейских, и мне стоит спуститься всего на несколько ступеней, чтобы выдать тебя.

Жильберт Арнольд мгновенно перестал плакать, поднял голову и начал вытирать лицо своими грязными руками.

— Я и в самом деле выпил, — сказал он, понижая голос, — однако вы слишком жестоки к нам, бедным, темным людям... Ведь и у нас есть чувства, и мы можем вспылить, когда нас обижают!.. Я готов говорить, если нужно; я расскажу все.

Он положил руки на спинку стула, оперся на них подбородком и устремил на майора свои зеленовато-желтые глаза.

— У вас есть сообщники? — спросил его Гранвиль.

— Нет! — ответил Арнольд.

Он говорил нехотя — так ленивый ребенок отвечает учителю.

— И все сделали один?

— Один от начала до конца.

— Капитан Вальдзингам что-нибудь знал об этом?

— Ничего!

— Какая у вас была цель?

— Я хотел заменить сэра Руперта моим собственным сыном.

— А что стало с вашим сыном?

Жильберт Арнольд замялся, а потом сказал грустно:

— Он скончался, бедняжка!

— Скончался?.. И поэтому ваш план не удался?

— Да... — ответил Арнольд.

— Но кто внушил вам мысль о подлоге?

— Какую мысль?

— Подменить сэра Руперта вашим собственным сыном.

— Все говорили о замечательном сходстве этих детей, уверяли, что мой сын ничуть не хуже баронета... мне казалось несправедливым, чтобы один наслаждался всеми благами жизни, тогда как другой должен жить в нужде! Тогда мне пришло в голову поставить своего сына на место сэра Руперта, как только для этого представится удобный случай?

— И случай представился?

— Да. В тот день, когда лошадь сбросила сэра Руперта в Лисльвудской долине, я ехал мимо холма на телеге, в которой возил сено на рынок; увидев ребенка на земле в совершенном беспамятстве, я поднял его и отвез к себе домой, где и скрывал его в течение двух дней. Он все время бредил и никого не узнавал. Потом мне удалось перевезти его в Лондон и поместить в больницу; месяца через два-три он поправился, и тогда я переселился в Лондон со всем моим семейством.

— Что же вы были намерены сделать с детьми? — допытывался майор.

— Я хотел подождать, пока они не вырастут и миледи не забудет своего сына; тогда я пришел бы к ней и сказал, что встретил баронета на улице и решил, что его когда-то увели цыгане. Понятное дело, мой сын Джеймс подтвердил бы мои слова, и он бы сделался знатным и богатым человеком.

— Но ваш сын умер?

— Да, через одиннадцать месяцев после случая с сэром Рупертом Лислем он подхватил горячку и умер. Это все, что вы хотите знать?

— Да, господин Арнольд. Мы выслушали вашу исповедь, но вам придется повторить ее перед нотариусами сэра Руперта Лисля и перед джентльменом, которого зовут сэр Ланцелот Лисль. Мне кажется, что вам придется посидеть некоторое время под домашним арестом, пока ваша исповедь не будет должным образом засвидетельствована. Что же касается миссис Вальдзингам и Руперта Лисля, то я не сомневаюсь, что они воздадут вам за вашу откровенность и не станут преследовать вас... А теперь, миссис Вальдзингам, я пошлю Соломона за моим экипажем, и мы сможем наконец проститься с Арнольдом и полностью посвятить себя сэру Руперту Лислю.

XVI НАСЛЕДНИК

Преступление, в котором чистосердечно сознался Жильберт Арнольд, не было доведено до суда, а сэр Ланцелот Лисль не сделал ни малейшей попытки оспорить притязания молодого человека, который внезапно воскрес из мертвых. Стряпчие сэра Ланцелота с недоверием слушали показания Арнольда, пока не убедились, что их подтверждают миссис Вальдзингам, материнский инстинкт которой не мог обмануть ни ее, ни других, а также некие непреложные факты. Доктора больницы святого Георгия припомнили, что четырнадцать лет тому назад к ним действительно привезли мальчика лет шести, который три месяца находился между жизнью и смертью вследствие воспаления мозга, вызванного падением с лошади. Никто не мог припомнить, что за человек доставил мальчика в больницу, но одна из сиделок во время очной ставки тотчас же узнала Жильберта Арнольда. Она сказала, что помнит и его лицо, и грубый голос, и странные манеры. Еще она запомнила, что этот человек обращался с ребенком чрезвычайно дурно, за что она прямо в

глаза и назвала его животным. Ребенок не раз говорил ей о матери и о каком-то парке, название которого она давно забыла, и считал себя маленьким баронетом. В заключение сиделка сообщила еще, что человек, увезший мальчика из больницы, предупредил ее о том, что не стоит придавать значения болтовне мальчугана, так как он всегда был странным ребенком, и что она не стала обращать внимания на его рассказы. Клэрибелль горько плакала, слушая показания этой свидетельницы; она вспоминала мучительные дни и бессонные ночи после мнимой смерти сына, между тем как он, Руперт, в это самое время лежал на жесткой койке под присмотром сиделок, которые не верили его жалобам и не слушали его просьб.

Подтверждая свои показания, Жильберт Арнольд продемонстрировал платье, бывшее на сэре Руперте Лисле в день катастрофы. Мать узнала его камзол, перепачканный кровью, и изорванную шляпу со сломанным пером; она узнала также и волосы ребенка, остриженные неумелой рукой сторожа, которые он хранил в листе толстой бумаги. Все эти доказательства, представленные сэру Ланцелоту Лислю, убедили его, что сын экс-браконьера его родственник. При этом он заявил, что он уже старик и не имеет детей, которым мог бы оставить свои обширные владения, а потому доволен, что они переходят в руки прямого наследника. Если бы сэра Руперта нашли чуть позже, добавил Ланцелот, род Лислей мог бы угаснуть навсегда. Он даже предложил возместить все доходы, полученные им за четырнадцать лет; но сэр Руперт тут же под диктовку Варнея написал своему двоюродному брату письмо, в котором вежливо отказывался от этого. Таким образом были устранены все препоны на пути к возвращению сэра Руперта Лисля в родовое гнездо; простодушные поселяне радовались при мысли, что снова увидят своего господина. Ликованию Клэрибелль не было предела, когда бедная мать рука об руку с сыном вступала в Лисльвуд-Парк. Гудели колокола, как в тот день, когда Клэрибелль Мертон впервые выходила замуж, а посреди оживленной толпы под знойными лучами июньского солнца майор Варней скакал на белоснежной лошади рядом с каретой Руперта Лисля, к восстановлению прав которого он приложил так много усилий. Его прекрасное лицо освещала все та же привычная улыбка; он был так же строен, так же ловок и красив! Соскочив с белой лошади перед подъездом замка, он помог сэру Руперту выйти из экипажа. Слуги выстроились в ряд, чтобы приветствовать своего господина; их глаза с непритворным восторгом смотрели на молодого наследника, который входил в замок своих отцов в сопровождении матери и майора Варнея.

— Он почти не изменился! — говорили они. — Только подрос и стал еще красивее!

Баронета смутил этот восторженный прием, и его взгляд, казалось, спрашивал майора, как ему держать себя в подобную минуту.

Опытный наблюдатель заметил бы, что молодой наследник при малейшем затруднении обращается к майору. Он с любопытством рассматривал на картины, висевшие на стенах коридора, портрет своего покойного отца, украшавший столовую, громадную залу, где он целыми днями играл в детстве. Совершенно естественно, что после четырнадцати лет, проведенных в обществе Арнольда, сэр Руперт вел себя за столом не совсем прилично: он стеснялся слуг, подававших кушанья, удивлялся при виде бокалов для шампанского, выпил много рейнвейна и весьма оживился под влиянием этого прекрасного напитка. Все это огорчало его мать, а майор то и дело шептал ему что-то на ухо и толкал его локтем.

Руперт и миссис Вальдзингам пригласили майора с женой на празднование совершеннолетия баронета, которое должно было состояться через несколько дней, после которого они должны были провести всю осень в Лисльвуд-Парке.

Клэрибелль надеялась, что после обеда ей удастся побыть наедине с сыном. Выходя из столовой в сопровождении миссис Варней, она шепотом попросила его прийти к ней в гостиную. Несмотря на это, майор и баронет остались за столом до сумерек, и Клэрибелль с замиранием сердца увидела, что молодой наследник хватил через край. Она сказала об этом майору, на что он ответил ей с добродушной улыбкой:

— Дорогая миссис Вальдзингам, вы ведь сами знаете, что баронет упрям, как все Лисли. Он любит портвейн, считает эту смесь красных чернил и уксуса превосходным вином

и не терпит бордоского... Бедняжка!.. Мы не должны удивляться, что воспитанник браконьера предпочитает портвейн тонким и дорогим винам... Несчастное дитя! Нам придется потратить несколько месяцев на его перевоспитание!

Клэрибелль задумалась.

— Руперт переменялся! — прошептала она. — Да простит мне Господь, но порой я не чувствую в себе признательности за то, что Небо возвратило мне сына... Мне кажется, что в нем недостает чего-то, что могло бы помочь мне в полной мере осознать мое счастье.

— Уважаемая миссис Вальдзингам, не судите его слишком строго за эти неизбежные погрешности! Припомните, с какими недалекими людьми пришлось жить сэру Руперту, и не теряйте мужества!

На следующее утро из Итона приехал второй сын миссис Вальдзингам, чтобы засвидетельствовать свое уважение новому владельцу Лисльвуда. Братья являли собой довольно резкий контраст. Молодой Артур Вальдзингам был высок, худощав, строен, со свежим лицом, и, хотя ему еще не исполнилось пятнадцати лет, он был одного роста с молодым баронетом. Руперт сидел с майором, когда приехал Артур; можно предположить, что он встретил прибывшего с распростертыми объятиями и словами любви лишь по наущению Гранвиля. Молодой Вальдзингам принял эти знаки внимания с полным безразличием. Смерть отца оказала на него сильное впечатление; вид дома, где они жили так хорошо и счастливо, равнины, по которым он катался вместе с отцом, рождали в его сердце беспредельную грусть. К брату он не чувствовал никакой симпатии.

— Сказать по совести, — признался он однажды старому камердинеру, — мне не нравится брат, уж слишком он доверяет этому белокурому господину Варнею! По-моему, всякий должен быть господином самому себе, знать, чего он хочет, и не бежать за советом из-за сущей безделицы.

Трудно даже представить, до какой степени майор Варней не внушал доверия Артуру Вальдзингаму! Все усилия Гранвиля победить эту антипатию ни к чему не привели; сколько ни рассказывал изящный джентльмен о своей жизни в Индии, сколько ни распространялся о дружбе с его отцом, молодой человек слушал его с холодностью, абсолютно не свойственной его пылкой натуре.

— Я его ненавижу! — воскликнул он однажды, когда мать упрекнула его в невнимании к майору. — Я ненавижу его сладкий голос, вкрадчивые манеры, даже его белокурые волосы. Человек с таким голосом и с такими ухватками не может быть честным и добропорядочным. Я ненавижу его и за власть, которую он, к несчастью, приобрел над моим тупым и бесхарактерным братом.

— Артур!.. — с упреком сказала Клэрибелль.

— Милая мама! Я не хочу говорить плохо о вашем старшем сыне, но послушайте моего совета — избавьтесь от Варнея!

— Избавиться от майора Варнея? Дорогой мой Артур, разве ты забыл, кому я обязана возвращением сына?.. Разве не он раскрыл заговор против Руперта? Да я не придумаю, чем могу доказать ему мою признательность.

Молодой человек только пожал плечами.

— Будь по вашему, мама, — ответил он спокойнее, — а я на вашем месте поступил бы с ним иначе: дал бы ему несколько тысяч фунтов стерлингов и вытолкал в шею!

— Как тебе пришло в голову, что он согласится принять деньги?

— От вас, милая матушка, он их не примет! Он знает, что получит вдвое или втрое больше от Руперта, который, между нами будь сказано, не более и не менее чем игрушка Варнея.

К великому удовольствию Артура Вальдзингама, майору пришлось на несколько дней оставить Лисльвуд-Парк: он предложил свои услуги для переговоров с Жильбертом Арнольдом, вызвавшись дать ему от имени баронета известную сумму и немедленно отправить его в Америку.

— Не очень-то приятно, — говорил майор сэру Руперту, — награждать человека за

низкое предательство; но нужно признать, что если бы он не сознался, вы до сих пор продолжали бы жить взаперти в Ольд-Кент-Риде. Надо сделать хоть что-нибудь для этого нахала.

Миссис Вальдзингам была согласна дать Арнольду несколько сотен фунтов, но сэр Руперт возражал ей.

— Я ненавижу этого человека, — говорил он, — он никогда не был внимателен ко мне, никогда не давал мне деньги на расходы — и я не дам ему ни единого пенни.

— Дорогой сэр Руперт, — возразил майор, — не забудьте, что в настоящее время вы — представитель известного в Англии рода, а не мальчик без родных и друзей, а потому должны слушаться советов старших и опытных людей! Я говорю, что этому человеку следует заплатить непременно!

Майор Варней был уверен в послушании сэра Руперта, но с Клэрибелль было совершенно иначе; когда она просила своего сына поступать так, а не иначе, он обычно отказывался принять ее совет, говоря, что он уже не ребенок, может обойтись без руководителей и не желает быть прищипленным к юбке матери. Ему и так уже довольно доставалось от противной миссис Арнольд, которая ворчала с утра до поздней ночи, добавляя баронет.

Майор Варней все-таки настоял на своем и уехал из Лисльвуда, прихватив шестьсот фунтов для Жильберта Арнольда. По прибытии в Лондон он отправился прямо к банкиру баронета, где обменял чек на мелкие купюры. Затем он нанял кэб и поехал к Слогуду, которого застал сидящим перед окном с неизменной трубкой в зубах. Увидев майора, браконьер сдвинул брови, но все же оставил трубку и пошел отпирать калитку.

— Ну, — начал он насмешливо, — я должен быть в восторге от вашего приезда? А я было подумал, что мне уже больше нечего ждать от вас, поскольку вы больше не нуждаетесь в моей особе!

— Вы очень проникательны, почтеннейший Арнольд, и вывели довольно верное умозаключение, — ответил майор Варней, сидя на подоконнике и обрывая листья засохшей герани.

— О, так я не ошибся?.. Я таки действительно вам не нужен! — злобно сказал Арнольд, сверкая кошачьими глазами.

— Да, теперь, слава Богу, я не нуждаюсь в ваших услугах! — ответил майор.

Арнольд сжал кулаки: казалось, он готов был кинуться на изящного посетителя. Майор заметил это и рассмеялся. Кровь бросилась в голову бывшего браконьера; майору же это ужасное, еле сдерживаемое бешенство доставляло такое же удовольствие, какое он испытывал, когда своей изящной тросточкой дразнил львов и тигров в зверинце.

— Добрейший мой Арнольд, — сказал он наконец, — вы совершенно правы: вы были для меня превосходным орудием, отлично служили мне, а теперь вы больше мне не нужны. Будь я менее великодушен, наши отношения прекратились бы тотчас же! Ваша тайна, которую мне удалось узнать, вполне гарантирует меня от ваших попыток тем или другим способом причинить мне неприятность. Но я поступлю иначе. Когда мастер не нуждается в инструментах, он откладывает их в сторону; вот я и прошу вас, достойный мой Арнольд, отправиться в Америку; за час до этого я вручу вам триста фунтов стерлингов наличными!

— Как, только триста фунтов? Этого очень мало! Мне причитается больше! — проворчал злобно Жильберт.

— Вам причитается? — переспросил майор.

— Ну... это самое... вы знаете...

— Уважаемый мистер Арнольд, убедительно прошу вас навсегда забыть все эти глупые идеи. Вспомните свои показания, подписанные и засвидетельствованные нотариусом сэра Руперта Лисля, и будьте благодарны за то, что сэр Руперт счел нужным дать вам.

— Я вел себя как дурак, с начала и до конца... это бесчеловечно! — бормотал Жильберт Арнольд.

— Неужели бесчеловечно?! — передразнил майор. — А на что вы надеялись?

— Извольте, я отвечу вам на этот вопрос. Я не думал, что вы отделаетесь от меня такой суммой, и не ожидал, что меня проводят из Англии, как бродягу, перекроют мне дорогу или и помешают получить то, чего я заслуживаю!

Майор пожал плечами и рассмеялся.

— Идите к нему, — сказал он, указывая браконьеру на дверь. — Идите же к нему, я вам не мешаю. Для вас путь свободен так же, как для меня. Ступайте же, просите его... но несчастный мой друг, вы уйдете ни с чем. Имейте в виду, он послал вам деньги единственно благодаря моему красноречию. Да, Арнольд, да, мой милый! Молодой человек превосходно вышколен и помнит свой урок.

Ровно через два дня после этой беседы майор Варней помчался на курьерском поезде в Ливерпуль, отправив туда же в омнибусе и Жильберта с женой. Там он велел отвезти себя в гостиницу, в которой Жильберт должен был его дожидаться. Он нашел браконьера за бутылкой пива в маленьком грязном зале.

— Ну, — сказал майор Варней, — корабль должен отчалить через час, и я хотел бы видеть вас на палубе его. Позвоните и прикажите подать сюда перо, чернила и бумагу.

Арнольд повиновался, и вскоре мальчик принес чернильницу с какой-то смесью, состоявшей преимущественно из пыли и мух. Майор окунул перо в чернильницу и подал его Арнольду.

— Напишите расписку в том, что вы получили от сэра Руперта Лисля, баронета, шестьсот фунтов стерлингов через майора Варнея, — сказал он. — Пишите же скорее!

Лицо браконьера прояснилось при этих благодатных словах.

— Вы передумали и даёте мне вдвое больше назначенного? — произнес он с улыбкой.

— Не ваше дело, передумал я или нет! Пишите расписку: нам нельзя терять время.

Жильберт положил локти на стол, приблизил нос к бумаге и начал кое-как царапать по ней пером под диктовку майора. Когда он дописал, майор позвонил, и Жильберт Арнольд поставил свою подпись в присутствии слуги, который тоже подписался в качестве свидетеля.

— А теперь поскорее подайте нам кэб, — приказал Варней. — А вы, Арнольд, идите и скажите своей жене, что мы ее ждем.

— Она прилегла отдохнуть, сильно устала, — сказал ему Жильберт. — Она не способна сопровождать мужчину, — добавил он угрюмо, удаляясь из зала.

Через полчаса майор уже был с Жильбертом и его женой на палубе корабля, отправлявшегося из Англии в Нью-Йорк.

— Но вы так и не дали мне шестьсот фунтов стерлингов, — тихо заметил Жильберт, наклоняясь к майору.

— Шестьсот фунтов стерлингов! — в глубочайшем изумлении воскликнул майор.

— Да, именно шестьсот, я вручил вам расписку в получении этой суммы, которую баронет дал для передачи мне!.. Вы это прекрасно знаете.

— Добрейший мой Арнольд, я знаю только то, что минут через десять вы будете преспокойно плыть в Америку — прелестную страну, откуда советую вам больше никогда не возвращаться. Знаю я и то, что у меня в портфеле есть несколько купюр в сто фунтов, одна в пятьдесят и еще одна в десять. Возьмите их себе, если хотите; больше вы ничего не получите ни от владельца Лисльвуд-Парка, ни от майора Гранвиля.

В ту самую минуту, как майор Варней грациозным движением передал портфель Арнольду, провожающих попросили спуститься с корабля. Майор в одно мгновение очутился у лестницы.

— А когда деньги кончатся, что мне тогда делать? — закричал Жильберт, схватив майора за рукав.

— Что вам тогда делать? — переспросил Варней. — Можете воровать, разбойничать, умереть, жить в тюрьме... Мне нет до вас дела!

Не описать ярость, которая внезапно овладела Жильбертом. Он ринулся вперед, сжав кулаки, и бросился бы на майора, если бы рослый матрос не удержал его.

— Слушай! — воскликнул он, свесившись через борт и устремив свои кошачьи глаза

на Варнея. — Ты надул меня, истоптал ногами, посмеялся надо мной... Берегись, майор! Ты жестоко поплатишься, если мне суждено будет вернуться в Англию... Я попаду на виселицу, но отомщу тебе за все! Так что берегись!

XVII ПУТЕШЕСТВИЕ СОЛОМОНА

В конце осени Соломон оставил Лисльвуд-Парк, где занимал довольно комфортабельную комнату на втором этаже и ежедневно получал бутылку портвейна. Правда, Соломон оставил этот гостеприимный замок всего лишь на неделю. Он сообщил хорошему горничным, что едет к одному из своих племянников, которого он опекал.

— Он не богат, — рассказывал Соломон об этом племяннике самой красивой из горничных, — но у него есть все, чтобы жить, не беспокоя никого из родных; а это очень важно, поскольку он щепетилен.

Нежный дядя отправился в путь после того, как целый час провел с майором с глазу на глаз.

Племянник его жил в пансионе, в одном из городков Йоркшира. В городке была церковь с высокой колокольней и с небольшим кладбищем, по которому бегали и резвились детишки, а за его главной улицей находились чистые аллеи, окаймленные огромными старыми дубами; кое-где за деревьями можно было увидеть красивые дома. Мистер Соломон, выйдя со станции, направился в эту часть города. Выстроенное четырехугольником красное кирпичное здание с двумя рядами высоких, узких окон, перед которым он остановился, отделялось от улицы стеною с крепкими воротами. Соломон позвонил и был впущен немедленно прибежавшей служанкой, которой он представился не Соломоном, а Саундерсом. Кроме последнего обстоятельства примечательно и то, что он был одет с головы до ног в черное и повязал белый галстук, что придавало ему сходство со священником. Служанка ввела его в маленькую чистенькую гостиную, выходившую окнами в громадный сад. Соломон подошел прямо к окну и, окинув быстрым взглядом цветочные клумбы и лужайки, увидел молодого человека, лежавшего в тени на скамейке с книгой в руках.

Юноша так углубился в чтение, что даже не заметил, что за ним наблюдают. Он был чрезвычайно хрупкого телосложения, а из-под его соломенной шляпы выбивались блестящие светло-каштановые волосы.

Минуты через две в гостиную вошел директор пансиона и обменялся с Соломоном крепким рукопожатием. Это был высокий и полный пожилой мужчина, по виду добрый, но пустой человек и вдобавок педант.

— Я даже не спрашиваю, в каком он состоянии, — сказал Соломон, указывая в окно. — Но кажется, что в нем не произошло никакой перемены.

— Да, милостивый государь, — ответил директор, — он мало изменился. Светила науки, а в нашем городке в них не чувствуется недостатка... извините, но я как гражданин, должен прямо заявить, что у нас много даровитых людей, — светила науки сходятся с вами во мнении относительно этого молодого человека. Он почти не изменился; мы надеялись на время, но оно не оправдало наших надежд... Не угодно ли вам выпить стакан мадеры, господин Саундерс?

Соломон не обратил даже внимания на радушное предложение директора.

— А душевное состояние его? — спросил он, продолжая начатый разговор.

— Оно весьма недурно, жаловаться нечего. Он все возится с книгами и собакой, изучает ботанику. Мы стараемся выполнять его скромные прихоти — иных у него нет. Этот юноша вследствие своего мягкого характера пользуется всеобщей любовью.

— Мне, как его дяде, приятно слышать подобные отзывы! — заметил Соломон.

— Особенно такому заботливому дяде, как вы, господин Саундерс.

Соломон бесстрастно вытащил из своего бумажника несколько фунтов и вручил их

директору.

— Это взнос за целый год, — сказал он. — Сейчас мне хотелось бы поговорить с племянником; после этого я отправлюсь обедать в гостиницу, а завтра рано утром вернусь в Лондон.

— Все ваши визиты чрезвычайно коротки, — сказал ему директор. Он раздумывал, не согласится ли Саундерс отобедать у него.

— Обстоятельства обязывают меня возвратиться как можно скорее, — ответил Соломон, указывая на галстук, как будто он мог стать свидетельством справедливости этих слов. — Ну так что же, могу я повидаться с племянником?

Директор пансиона проводил его в сад. Молодой человек продолжал читать, но при шуме шагов поднял голову.

— Это вы, дядя Альфред! — произнес он, увидев Соломона.

— Милый Джорж, я приехал, чтобы взглянуть на вас, — сказал Соломон, взяв тонкую руку молодого человека.

«Да, он все такой же...»

— Довольны ли вы, Джорж, вашей жизнью?

— Очень доволен, дядя; со мной обращаются чрезвычайно мягко, и я чувствую себя совершенно счастливым.

— И вы не желали бы покинуть этот дом?

— Ни за что, милый дядя!

Соломон не рискнул возражать. Несколько минут он не сводил глаз со спокойного лица юноши, думая при этом: «Боже, какая разница между этим и тем молодыми людьми!»

XVIII

ВЛАДЕЛЕЦ ЛИСЛЬВУДА ВЛЮБЛЯЕТСЯ

Когда человек с таким благородным именем, а в особенности с таким богатством, как сэр Руперт Лисль, становится совершеннолетним, даже самые бедные и ничтожные люди ломают себе головы над вопросом, как бы извлечь из этого великого события какую-нибудь выгоду.

— Молодой человек двадцати одного года, красивый, богатый, да еще баронет! — без устали твердили молодые женщины на двадцать миль в округе, когда сэр Руперт проезжал мимо на своей чудной лошадке.

«Женится ли он? И на кого падет выбор богатого жениха?» — спрашивали себя местные девушки, когда поутихли бесчисленные толки об истории возвращения Руперта. В конце октября всех взбудоражила страшная весть о том, что баронет без ума влюбился в одну из дочерей полковника Мармэдюка, жившего в Бокаже, близ Лисльвуда.

Полковник Мармэдюк был человеком лет пятидесяти, очень бедным, но чрезвычайно гордым. На вид суровый, волосы и бакенбарды с сильной проседью, застегнут на все пуговицы. Торговцы, с которыми он имел дело, называли его ужасным скрягой и говорили, что из-за полутора фунтов бараньих котлет он производит больше шума, чем управляющий замка, покупавший мясо пудами. Он был крайне взыскателен относительно всех своих пятерых дочерей и самым неумолимым образом наказывал их за малейший проступок; рассказывали даже, что он бил палкой старшую дочь, уже совсем взрослую девушку.

Бокаж был весьма непривлекательным местом; большой неуклюжий красный дом был окружен высокими и мрачными стенами.

На долю дочерей сурового полковника, оставшихся без матери, выпадало мало счастливых минут. Они не знали в жизни ничего, кроме бедности, а гордость их отца не позволяла им принимать участие в развлечениях, которые нередко устраивали в Лисльвуд-Парке: он не желал, чтобы дочери его появлялись на балах, потому что не мог привезти их туда в собственном экипаже. Соседи предлагали брать их с собою, но полковник бледнел при мысли быть обязанным им или кому бы то ни было.

— Нет, им нечего надеть, кроме старых кисейных платьев, и поэтому они останутся дома, — отвечал он угрюмо. — Да девушкам и вообще не следует бегать по балам!

Таким образом, его дочерям приходилось лишь вязать или читать книги о путешествиях, а также биографии и автобиографии из Лисльвудской библиотеки, а Лаура, старшая из сестер, которой было уже под тридцать, развлекалась тем, что пела баллады Теннисона.

Четыре старшие девушки были чрезвычайно схожи между собой — как в физическом, так и в нравственном отношении, зато младшая, мисс Оливия, сильно отличалась от них. У сестер ее, как у покойной их матери, были белокурые волосы и маловыразительные лица; Оливия же была брюнеткой с большими умными глазами, сверкавшими, когда она сердилась. Она была стройной, высокого роста, как и ее отец, держала себя прямо, смотрела надменно и силой воли могла поспорить с полковником. Не раз случалось, что, когда ее сестры дрожали перед ним, пугаясь его громкого голоса, мисс Оливия смело подходила к отцу и просила его умерить свой пыл.

Полковник краснел, щипал свои усы и бормотал что-то себе под нос, но не смел возражать мисс Оливии, которая была его любимой дочерью.

— У меня никогда не было сыновей, — сказал он однажды своему сослуживцу, — хотя, видит Бог, я желал иметь их, чтобы не угасло древнее благородное имя Мармэдюков; но зато у меня есть моя Оливия, а она стоит сына, черт возьми! Вы бы только послушали, как она говорит со мною! Это единственное существо, которого я боялся в жизни! Клянусь честью, иногда я просто трепещу перед нею.

Мисс Оливия Мармэдюк великолепно ездил верхом; в Бокаже не было лошадей, и трудно понять, каким образом она выучилась этому искусству. Рассказывали, что, когда она была еще маленькой девочкой, то ездил на молодых жеребятках, пасшихся на равнинах, — а это, как вы понимаете, не так-то легко. Когда ей исполнилось девятнадцать лет и приличие уже не позволяло скакать на необъезженных лошадаках, она велела лисльвудскому портному перешить старую зеленую амазонку, оставшуюся после матери, и с жеребенка пересела на серую лошадь, на которой и начала разъезжать по лесам и полям. Во время одной из таких прогулок она встретилась с сэром Рупертом Лислем, о котором слышала уже несколько раз. Вернувшись домой, Оливия рассказала отцу о встрече с молодым человеком.

— Он въезжал на косогор, — говорила она, — так осторожно, будто перебирался через натянутую веревку. А увидев меня, так испугался, словно перед ним появилось привидение; моя собака, Бокс, бросилась к его лошади — у нее белые ноги, а Бокс терпеть не может лошадей этой масти. Верите ли, папа, баронет побледнел. «Лошадь моя пуглива, мисс, — начал он (ты знаешь, я терпеть не могу людей, которые называют меня мисс), — потрудитесь забрать вашу собаку». У него был такой глупый и перепуганный вид, что я расхохоталась, но он снова закричал: «Черт возьми, отзовите же проклятую собаку!» — Дочери полковника Мармэдюка слышат такие выражения только от одного отца! — Я выпрямилась, взглянула баронету в лицо, позвала Бокса таким голосом, которого сэр Руперт никогда не забудет, и галопом спустилась с холма. Выехав на дорогу, я оглянулась: баронет не двигался с места и, сдвинув шляпу на затылок, смотрел на меня, как будто бы я не в себе.

— Быть может, он сражен вашей красотой, Оливия, — заметила старшая сестра. — Вы напрасно не воспользовались удобным случаем. Отчего бы вам не выйти замуж за сэра Руперта! В графстве нет жениха завиднее него!

Мисс Лаура любила дразнить сестру замужеством, так как ее собственные шансы на успех в этом предприятии уменьшались изо дня в день.

— Выйти за него замуж?! — воскликнула молодая девушка. — Да если бы я только захотела, я за одну неделю прибрала бы его к рукам. Я бы заставила его плясать под мою дудку, как тот лисльвудский фокусник с волшебным фонарем, который заставляет своих марионеток выделять разные штуки.

Молодая девушка сделала своими маленькими белыми ручками движение, будто дергает за нитки картонных танцоров.

— Выйти замуж за этого простака! — повторила она. — Лучше сделай это сама, Лаура, если у тебя хватит на это храбрости, хотя волосы твои уже не такие густые, и сама ты приближаешься к...

Мисс Оливия закончила свою фразу старческим кашлем.

— Благодарю тебя, Оливия! — ответила ей Лаура. — Предоставляю его тебе. Я не настолько умна и хороша и, слава Богу, не тщеславна, чтобы мечтать завлечь... — мисс Лаура налегла на последнее слово, — баронета с десятками тысяч годового дохода. Предоставляю это тебе, Оливия; я же с удовольствием приду к тебе на свадьбу в Лисльвуд, если ты будешь настолько снисходительна, что пригласишь меня... А так как я только бедная родственница, вы можете поместить меня в одну из маленьких комнат на втором этаже.

Полковник, сидевший с газетой в руках, украдкой поглядывал на своих дочерей и посмеивался над колкостями, которыми они обменивались.

— Ты совершенно права, Оливия, дочь моя, — сказал он, — если бы ты жила в прошлом столетии, то могла бы выйти замуж за какого-нибудь влиятельного князя. Нет в мире человека, который мог бы противостоять тебе, если бы тебе пришла в голову мысль его очаровать!

Оливия подошла к нему и принялась гладить седые волосы старика.

— Если я когда-либо и выйду замуж за богача, то сделаю это только для вас, папа, — сказала она, бросая на своих сестер взгляд, говоривший: а для вас я ничего не сделаю!

Между тем не было ни малейшего основания думать, что сэр Руперт собирается бороться против обольстительной Оливии Мармэдук, поскольку на следующее же утро он приехал в Бокаж, чтобы извиниться за свое вчерашнее поведение. Он пожаловал очень рано, сразу же после завтрака, который только что убрали из столовой, куда слуга и провел баронета. На госте был изящный щегольской костюм, большое количество дорогих безделушек и от него за версту несло «Букетом Жокей-клуба».

— Я знаю, что явился не вовремя, так что как мне и было предсказано, застал всех вас в утренних костюмах, — начал сэр Руперт. — Меня предупреждали, что лучше приехать не раньше часа, но у меня не было сил ждать. Я бы приехал к вам еще вчера вечером, если бы меня не удержали мои домашние.

Произнося эту странную речь, баронет краснел все больше и больше, вертелся на стуле и нервно играл хлыстиком с золотым украшением.

Мисс Оливия рассмеялась ему в лицо.

— Нам совершенно безразлично, что вы застали нас в утренних платьях, сэр Руперт, — сказала она. — Однако очень хорошо, что вас об этом предупредили.

Баронет покраснел еще сильнее прежнего.

— Я говорю, собственно, о майоре Гранвиле, — произнес он со смущением, — вы его знаете?

— Нет, не имею чести, но я уверена, что он очень мил.

И Оливия преспокойно отошла к окну, предоставив отцу и сестрам занимать лорда Лисля.

— Гранвиль Варней? — сказал полковник Мармэдук. — Я видел его в замке. Он говорил, если не ошибаюсь, что служил где-то в Индии.

Сэр Руперт, не сводивший глаз с прекрасной Оливии, которая стояла у окна, обрывая листочки цветущей герани, казалось, не слышал, что говорит полковник.

— Как вы думаете, она сердится на меня? — спросил он неожиданно.

— Она?.. — удивленно повторил старик.

— Да, она... мисс Оливия, хотел я сказать; я знаю, что вчера я был крайне невежлив... но у меня такая пугливая лошадь, черт бы ее побрал! Я с большим трудом удержался в седле. Я рассказал об этом майору, и он решил, что я выказал непростительную грубость... поэтому-то я и приехал извиниться. Надеюсь, мисс не будет помнить зла. А я никогда не забуду взгляда, который она при этом бросила на меня: он пронзил меня насквозь, как

пуля... Простите ли вы меня. — Сэр Руперт умоляюще посмотрел на Оливию.

— Почему бы нет? — ответила она. — Прощать совсем нетрудно. Я думаю, что вы, вероятно, привыкли произносить проклятия; в этом нет ничего удивительного... Но у меня нет подобной привычки, а когда папа иногда позволяет себе что-либо подобное, я прошу его впредь быть осторожнее!

— Мне кажется, что мисс может приказывать всем, кому только захочет, полковник Мармэдук! — заметил Руперт Лисль, играя хлыстиком. — Едва ли кто-то откажется ей повиноваться.

Оливия продолжала безразлично обрывать листы герани, словно не замечая присутствия сэра Руперта, зато он не спускал с нее глаз, невпопад отвечая на вопросы сурового полковника. Наконец он догадался, что пора удалиться. Пожав руку полковнику и старшим дочерям, он приблизился к мисс Оливии и коснулся ее пальцев, что подействовали на него так же, как горячие уголья.

— Прощаете ли вы меня? — снова спросил он.

— Ну конечно, ведь я же вам сказала! — ответила она с нетерпением.

Эти несколько слов осчастливили баронета. Он ушел, по дороге опрокинув один из соломенных стульев, и через несколько минут раздался топот копыт удалявшейся лошади.

— Ах Оливия, ты была слишком нелюбезна с сэром Рупертом Лислем! — заметил полковник. — Положим, он несколько неловок в обращении, но на это ведь были причины!

Мисс Оливия не обратила ни малейшего внимания на это замечание.

— В каких комнатах будете вы жить, папа, когда переедете ко мне в Лисльвуд-Парк? — спросила она, немного помолчав. — Когда мы несколько лет назад были в замке и управляющий показывал нам комнаты отца сэра Руперта Лисля, мне особенно понравилась дубовая комната на южной стороне. Из нее легко можно пройти в парк через лестницу или подземный ход. Это хороший замок, как раз для героев романа.

— Ты надеешься стать хозяйкой этого замка? — спросила колко Лаура.

— Надеюсь, — невозмутимо ответила девушка. — И пусть это тебя не смущает: как только я стану леди Лисль, тотчас же найду тебе жениха!

XIX ПРЕДЛОЖЕНИЕ

После своего визита к полковнику сэр Руперт приказал послать в Бокаж дичь, фрукты и цветы; последние предназначались преимущественно для мисс Оливии Мармэдук и сопровождалась письмом, написанным хоть и неровным почерком, но вполне изящным слогом, чего трудно было ожидать от молодого владельца Лисльвуда.

— Я думаю, его диктовал тот джентльмен, что не советовал ему ехать к нам слишком рано, чтобы не застать нас в утреннем халатном виде! — заметила Оливия, рассматривая герб, вытисненный на атласной бумаге.

— Видите вы эту окровавленную руку, Лаура, — продолжала она, — и девиз, написанный на древнефранцузском языке? «Лисль оберегает то, что Лисль приобретает»... Кто бы мог подумать, что этот тупоумный происходит из этого знаменитого рода? А я-то воображала, что Лисль из Лисльвуда высок, строен, надменен и суров. Папа в тысячу раз больше похож на баронета!

— Род Мармэдуков — древний, как и род Лислей, Оливия; они отказались от пэрства, предложенного им Карлом.

— Что было очень глупо с их стороны. Я хотела бы быть графиней! «Леди Оливия» — это звучит совсем недурно!

Через три дня баронет приехал в Бокаж в сопровождении своей матери и майора. Он не давал матери покоя, пока она не согласилась поехать к полковнику Мармэдуку и пригласить его вместе с дочерьми в замок.

— Уверяю тебя, милый мой Руперт, — говорила она, — что эти молодые девушки

нигде не бывают!

— Что за нужда? А ко мне они поедут! Должны поехать! — воскликнул баронет. — Ведь я самый богатый человек во всем Суссексе, и было бы весьма странно, если б они не приняли мое приглашение! Нет, они приедут!

— Руперт, это странно! — заметила ему на это Клэрибелль.

— Ничего здесь нет странного! Мне просто нравится полковник.

— Вам нравится полковник? — сказал майор со смехом. — Я скорее готов поверить, что вам нравится кто-нибудь из его дочерей.

— Нет, ни одна не нравится, — ответил ему Руперт, заметно покраснев. — Что из того, что мне интересен старый служака? Мне нравится полковник, и я хочу, чтобы он с дочерьми был у меня. Если я захочу, то они останутся у меня навсегда!

— То есть если они захотят здесь остаться? — хладнокровно сказал майор.

— Я знаю, что говорю! — с раздражением произнес молодой человек.

— Вне всякого сомнения, сэр Руперт, но вам не следует забывать, что джентльмену неприлично повышать голос даже в своей гостиной, если он разговаривает с гостями.

— С гостями? — повторил баронет с насмешливой улыбкой. — Вы здесь уже так давно, что было бы нелепо считать вас гостем, а не членом семейства.

— Руперт! — вмешалась Клэрибелль. — Неужели ты забыл?..

— О нет, я помню все! — ответил баронет. — Как не помнить, когда люди ежеминутно напоминают тебе об одном и том же! Мой банкир может засвидетельствовать, что мои воспоминания ежедневно поддерживаются материальными средствами... Впрочем, все это вздор: вы можете, майор, оставаться здесь, сколько вам будет угодно, есть и пить, что вам вздумается, и тянуть из меня столько, сколько сможете; но я прошу покорно не мешать мне делать то, что я хочу... Повторяю: я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь вмешивался в мою жизнь!

Баронет быстро вышел, с шумом хлопнув дверью. Он еще в первый раз дал отпор майору.

Приехав в Бокаж, Гранвиль Варней сразу же догадался, которая из всех молодых девушек обворожила сэра Руперта Лисля. Старшие сестры были заняты своим бесконечным вязаньем, и лишь Оливия сидела у камина, вяло перелистывая какую-то книгу. Майор подсел к ней, что, по-видимому, не понравилось юному баронету, сидевшему рядом с матерью. Однако майор, несмотря на все свое пылкое красноречие, не сумел снискать расположения мисс Оливии: она односложно отвечала на его изящные фразы и так пристально смотрела ему прямо в глаза, что он ретировался с внутренним содроганием.

— Что за странная девушка эта младшая дочь, — сказал он сэру Руперту. — Настоящая Семирамида в обносках.

— Я не знаю никакой Семирамиды, — ответил баронет с явным неудовольствием, — и могу вас уверить, что у мисс Оливии будут великолепнейшие новые платья.

— Безумный! Я надеюсь, что вы не влюблены в мисс Оливию!.. Ни за что не поверю, чтобы вас пленила девушка со смуглым лицом и черными глазами! Старшая Мармэдук несравненно красивее и грациознее ее.

— Старшая — просто пень, тогда как мисс Оливия — самое восхитительное создание в мире! — возразил баронет.

Хотя мисс Оливия всеми силами противилась ухаживаниям майора, он сумел привлечь к себе симпатии полковника, который разговорился с ним о войне, о порядках в Пенджабе и о тамошней армии. Кончилось тем, что он пригласил Гранвиля на завтрашний обед. Баронет услышал это и сказал не стесняясь:

— В таком случае я тоже приеду к вам, полковник, если позволите. Хоть вы меня и не приглашали, но мне кажется, что там, где радушно принимают майора Варнея, найдется место и для меня... И не беспокойтесь! Обращайтесь со мной без всяких церемоний, как с родным!

Полковник покраснел.

— Старый воин обязан не только жить как джентльмен, но и быть готовым принять у себя джентльмена! — сказал он с достоинством.

— Это верно, папа, — подтвердила Оливия, — а так как к нам пожалует владелец Лисльвуд-Парка, не лучше ли будет прямо сейчас послать в Брайтон, в гостиницу «Корабль», за двумя поварами и несколькими официантами. Мэри одной не справиться!

Баронет понял, что над ним насмеваются.

— Быть может, будет лучше, если я к вам не приеду? — сказал он грустно.

— За что же вы хотите лишить нас этой чести? Весь Лисльвуд говорит о принце суссекском и милости, которой он одаривает соседей, удостаивая их своим посещением.

— Ну-с, что вы теперь скажете об этой дерзкой девушке? — спросил майор сэра Руперта Лисля по возвращении в замок.

— Я вовсе не нахожу ее дерзкой, — пробормотал сэр Руперт.

— Серьезно? Черт возьми! Да, вы можете простить ей безобразные выходки — именно потому, что сами ведете себя просто непозволительно.

На другой день в четыре часа полковнику доложили о прибытии майора и баронета, которые и были приняты в гостиной — небольшой, плохо меблированной холодной комнате с тремя окнами, выходившими на большую дорогу. Полинялый ковер, потускневшее зеркало, поистершаяся шелковая обивка.

На фоне этой невзрачной обстановки Оливия Мармэдук казалась еще восхитительнее, чем была накануне. На ней было простое кисейное лиловое платье, украшенное бантами из шелковых лент. На этот раз она обошла с майором довольно дружелюбно, разговорилась с ним и играла в шахматы, к величайшему неудовольствию сэра Руперта Лисля, которому пришлось довольствоваться тем, что он мог сидеть и любоваться ею. Майор удивился, когда победа в шахматах оказалась за противницей. Затем она сыграла несколько полек на маленьком пианино и пропела две или три тирольские песни. Баронет слушал ее почти с благоговением, но когда ее сестры начали, в свою очередь, играть и петь итальянские арии, он отвернулся от них и стал беседовать с предметом своей страсти. Казалось, своевольная молодая девушка задумала вскружить майору голову так же, как и баронету. Она шутила, смеялась над его остротами, подтрунивала над сэром Рупертом, играла и пела так, что надо было быть железным, чтобы не поддаться ее очарованию. Что касается сэра Руперта, то он восхищался Оливией даже тогда, когда она издевалась над ним. Он следовал за нею неотступно, как тень, и, по всей видимости, жаждал сказать ей что-то серьезное; но все его усилия потерпели фиаско, потому что майор отвлекал внимание девушки всякий раз, как только баронет готовился сказать ей новую любезность. К концу вечера Руперт Лисль потерял надежду остаться наедине с чаровницей и нехотя покорился своей печальной участи. На обратном пути он был крайне угрюм, а когда вошел в холл, спросил у майора отрывисто и резко:

— Ну-с, какой вы сегодня нашли Оливию?

— Такой же, как вчера. Не спорю, она недурна и даже эффектна при ярком освещении, но вместе с тем она очень ловкая и искусная кокетка, хитрая, самолюбивая и бездушная интриганка... Да сжалится Господь над тем, кто на ней женится!.. Нет, она мне не нравится.

— В таком случае вы чертовски нахальный лицемер! — в бешенстве воскликнул баронет. — Пусть меня повесят, если вы весь вечер не ухаживали за ней!

— Я постоянно ухаживаю за всеми кокетками, мой милый Руперт, — ответил майор.

Баронет стал счастливее только на следующий день, когда во время утренней прогулки встретил мисс Оливию, которая шла куда-то в сопровождении Бокса. Он пожелал ей доброго утра и, взяв лошадь под уздцы, пошел рядом с девушкой, не говоря ни слова.

— Ну, — наконец сказала она, — так как вы, по-видимому, не находите слов для беседы со мною, я не понимаю, для чего нам дальше идти вместе, тем более, — добавила она с насмешливой улыбкой, — что вашей белой лошади страшно хочется вырваться и ускакать отсюда галопом.

— Я, право, не забочусь ни о глупой лошади и ни о ком другом, кроме одной особы, —

ответил баронет. — Я самый состоятельный человек во всем графстве, но это не мешает мне быть и самым несчастным... И никто не может дать мне земное счастье, кроме...

Он вдруг остановился и страшно покраснел.

— Исключая кого? Докончите же фразу! — сказала мисс Оливия.

— Кроме вас... Захотите ли вы выйти за меня замуж?.. Вы стали бы самой знатной и богатой женщиной... Подумайте об этом! У вас было бы столько денег, сколько и не снилось ни вам, ни вашему достойному отцу. Вы стали бы леди Лисль, владелицей моего прекрасного поместья и самого роскошного из всех замков в Суссексе... Согласны ли вы? Вы скажете мне «да»?

Лицо Оливии на несколько мгновений сделалось таким мрачным и серьезным, каким еще Руперт ни разу его не видел.

— Да, вы, как видно, не сентиментальны, — ответила она, — вы не требуете от меня ни любви, ни верности, ни покорности, а просите исключительно о согласии повенчаться с вами. Ну если это так, я, пожалуй, готова отвечать вам теперь же.

— Вы готовы ответить на мое предложение? — с жаром воскликнул молодой человек, страстно прижав к губам ее белую ручку.

— Почему бы и нет? — ответила она.

XX СВОЕВОЛЬНЫЙ УЧЕНИК

Сэр Руперт возвращался в замок с таким сияющим видом, что крестьянские дети останавливались на дороге и глазели ему вслед, пока он не скрылся из виду, несясь на лошади во весь опор. Он всегда ездил шагом, и сторож изумился, когда Руперт, как вихрь, промчался вдоль по аллее. Он соскочил с коня перед парадной лестницей, снял шляпу и начал обмахиваться ею, поднимаясь по ступеням. Он прошел в оранжерею и увидел там майора, который спокойно сидел на ивовом кресле, покуривая трубку с янтарным мундштуком.

— Не горит ли Чичестерский собор, дорогой мой Руперт? — спросил он иронически. — Вы прискакали за пожарной трубой? Она стоит на мызе, если не ошибаюсь, а ключи от сарая у садовника Джека. Можете обратиться к нему, если хотите! Он даст вам ключи.

Майор засмеялся, но глаза его пристально наблюдали за баронетом.

— Поберегите ваше красноречие для тех, кто сможет достойно оценить его, — ответил ему с сердцем молодой человек. — Пусть Чичестерский собор сгорит дотла, да и вы вместе с ним: меня это ничуть не тронет.

— Вы — олицетворенная признательность, мой дорогой Руперт! — пробормотал майор.

— Пусть сгорит хоть весь Чичестер! Мне-то какое дело? — продолжал баронет. — Я счастливейший человек во всем Суссексе: у меня будет самая красивая жена!

— Как? Самая... красивая... жена?! — повторил за ним Варней.

Майор делал паузу после каждого слова и все сильнее раскрывал глаза, как будто совсем растерялся от изумления. Сэру Руперту стало неловко под этим странным взглядом.

— Не смотрите так на меня! — сказал он с яростью. — Я не чудовище, не сиамский близнец, не свинья с женской головой. Вот что я вам скажу: мне не нравится, как вы обращаетесь со мною, и я не собираюсь терпеть ваши штучки... Я не хочу, чтобы меня тиранили из-за того, что я не получил того образования, какое мне следовало бы получить при моем знатном происхождении. Не хочу больше подчиняться ничьим приказаниям, не хочу, чтобы какой-нибудь майор без копейки в кармане, которому угодно было поселиться у нас, смотрел на меня, как на редкого зверя в зверинце. Слышите? Я не буду больше терпеть унижения!

Дрожащий голос Руперта повысился до крика, исполненного бешенства. Майор пустил спокойно несколько клубов дыма и тогда только посмотрел на Лисля.

— Опомнитесь, сэръ Руперт, — произнес он спокойно. — Вы уже второй раз оскорбляете меня у себя в доме. Так как вы последний, кому я мог бы простить обиду, то пользуюсь случаем, чтобы дать вам кое-какие наставления, которые, надеюсь, произведут на вас должное впечатление. Прежде всего прошу вас вернуться к предмету, о котором вы только что сейчас упомянули. Вы говорили о какой-то женщине, — о самой красивой женщине во всем Суссексе; не угодно ли вам объяснить, что вы хотели этим сказать?

— Что я хотел сказать? — воскликнул баронет. — Я хотел известить вас, что я предложил руку мисс Оливии Мармэдук, которая приняла мое предложение и через месяц станет леди Лисль. Слыхали? Она будет обвенчана со мною!

— Вы поступили слишком опрометчиво, милый Руперт, — заметил майор с загадочной улыбкой. — Если бы вы не спешили и сперва посоветовались с вашим опытным другом, то избавили бы девушку от многих затруднений... Ну да это не беда: дети во многих случаях остаются детьми; вы сделали ошибку, и мы с вами еще поговорим об этом сегодня.

Сэр Руперт не стал слушать: он вышел из оранжереи, хлопнув стеклянной дверью. В холле к нему подбежала маленькая собачка, которую он с гневом оттолкнул ногой; собачка завизжала, и Клэрибелль выглянула из гостиной.

— Я прошу вас очистить замок от собак, — сказал баронет матери. — В нем через месяц будет новая госпожа!

— Что ты хочешь сказать? — спросила его мать.

— Что женюсь! Вы смотрите на меня с таким удивлением, что можно подумать, будто я не имею права выбрать себе жену!

— Да, ты и в самом деле мог бы быть рассудительнее, — ответила она.

— А! Ну да, я должен был предварительно спросить согласия у вас, у майора Варнея и еще у Артура, вашего любимца. Я скажу вам одно: вы хотите, чтобы я плясал под вашу дудочку, но я вам не поддамся! И хочу поступать, как считаю нужным!

Миссис Вальдзингам отвернулась, не промолвив ни слова, и возвратилась в гостиную. С некоторых пор между нею и ее старшим сыном установились натянутые отношения, которые с каждым днем все больше и больше отдаляли их друг от друга. Клэрибелль горько плакала, потеряв его, но со дня его возвращения ей пришлось страдать несравненно сильнее, замечая, что ему не нужны ее ласка и любовь. Четырнадцать лет, проведенные им в обществе мрачного браконьера, так изменили мягкий характер ребенка, что мать приходила в ужас, узнавая его ближе. Она старалась скрыть свое охлаждение, но Руперт замечал, что она отдает предпочтение Артуру. После сцены с матерью он весь этот день ходил мрачный, как туча, и его не радовало даже сознание того, что мисс Оливия Мармэдук будет его женой. Он был недалек, и ему казалось, что глубокое спокойствие майора доказывает трусость. Из этого он вывел, что может поступать с ним, как ему вздумается. В течение дня баронет искал случай задеть или хоть чем-нибудь оскорбить майора. Он хвастался богатством и издевался над бедностью других; после обеда начал расхваливать свои вина и спрашивал Варнея, пил ли он подобное бордоское во время своего пребывания в Бенгалии? Ободренный уступчивостью и кротостью майора, он делался все более заносчивым и дерзким. Когда же миссис Вальдзингам упрекнула его за неумение обращаться с гостями, он громко рассмеялся и ответил, что майор готов вынести всякие унижения, чтобы не упустить все то, что прибрал к рукам, и вообще он слишком любит богатство и комфорт, чтобы обижаться на дерзости.

— Прикажете вашей жене что-нибудь спеть, майор, — сказал он ему вечером. — Пусть хоть она развлечет нас, если вы не можете сделать это сами!

— Принц желает послушать ваше пение, Ада! — шепнул майор жене. — Возьмите скорее ноты и ступайте к пианино.

Миссис Варней послушно села к инструменту и начала перелистывать ноты.

— Спросите его светлость, что он хочет услышать! — заметил ей майор.

— О, какую-нибудь швейцарскую песню, — ответил сэръ Руперт, — что-нибудь веселое, с забавным припевом, что-то вроде тра-ля-ля-ля!.. Оливия, виноват, будущая леди Лисль, тоже часто поет швейцарские песни, и едва ли кто-то может исполнять их так, как

она.

— Миссис Варней, без сомнения, не сравнится с будущей леди Лисль, но многие считают, что у нее очень приятный голос, и она, разумеется, приложит все силы для того, чтобы суметь угодить вашей светлости.

Ада своим чудным контраalto пела балладу за балладой. Когда баронету надоело ее слушать, он вежливо заметил, что она может прекратить свое пение. Она села на прежнее место, не получив ни слова благодарности за свои старания угодить сэру Руперту. Артур Вальдзингам, который сидел с книгой около матери, встал с кресла и торжественно произнес:

— Благодарю вас от всей души за ваше восхитительное пение, миссис Варней. Брат мой сделал бы то же, если бы он был истинным джентльменом, а так как, к сожалению, это не так, я выполняю это за него.

Молодой Вальдзингам краснел, видя, как сэр Рупер обращается с гостями, и высказал бы свое неудовольствие намного раньше, если б не презирал красавца майора за его равнодушие к дерзостям баронета. Руперт взглянул на брата и, видимо, хотел ему что-то возразить, но потом передумал. Ему уже пришлось как-то раз выдержать стычку с Артуром, и с тех пор он стал относиться к брату с заметным почтением. Миссис Вальдзингам одарила Артура нежным взглядом.

— Твой отец был истинным джентльменом, Артур Вальдзингам, — сказала Клэрибелль, — я это знаю наверное, хотя имела основание не быть им совершенно довольной. Я думаю, что ты похож на него.

Спокойствие изящного майора в тот вечер было просто поразительным. Он сидел в кресле перед камином и, казалось, не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг него. Но когда в половине одиннадцатого баронет встал с дивана, на котором он было задремал, и подошел к столу, чтобы зажечь свечу, майор тоже поднялся с места.

— Вы сегодня очень скучный, так что я пойду спать, — сказал баронет. — Ну-с, чего же вы ждете? — обратился он к майору. — Почему не зажигаете свечу?

— Потому что я иду не к себе, а к вам, сэр Руперт.

Голос майора звучал так странно, что баронет невольно побледнел, встретившись с ним глазами.

— Я не могу больше жертвовать спокойствием и сном для того, чтобы слушать ваши нелепости, — проговорил он живо. — Можете всю эту ерунду сообщить мне завтра!

— Я не намерен ждать ни единого часа. Утром я сказал, что хочу объясниться с вами сегодня вечером. Потрудитесь пойти в вашу комнату, баронет!

— Но я уже сказал... — начал было Руперт.

— Потрудитесь идти, — произнес майор Варней, отворив дверь гостиной.

Сэр Руперт колебался, но, испугавшись грозного выражения голубых глаз майора, взял свечу и послушно пошел в свою комнату. Майор двинулся за ним и, войдя в спальню, тотчас запер дверь и положил ключ в карман. Эта была великолепная комната с резными дубовыми карнизами, панелями и потолком. Одна часть панели, та, которая скрывала выход на потайную лестницу, была богато покрыта резьбой и украшена медальоном, изображавшим епископа в полном облачении. Оконные занавеси и полог над кроватью были из фиолетового бархата на белой атласной подкладке. Огромная комната имела мрачный вид, тем более что освещалась в настоящую минуту лишь одной свечой, которую принес баронет. Сэр Руперт видел, как майор спрятал ключ.

— С чего вы это вздумали запирасть дверь на ключ? — спросил он.

— Потому что хочу, чтобы нашей беседе никто не мешал.

Голубые глаза майора смотрели неожиданно строго, вечно улыбающийся рот его был плотно сжат, а его добродушие и любезность сменились выражением непреклонной решительности. Баронет взглянул украдкой на туалетный стол, где среди множества оправленных в золото хрустальных флаконов лежал сафьяновый футляр с двумя острыми бритвами.

— Поставьте свечу на стол, сэр Руперт, и потрудитесь сесть; я вас не задержу! — сказал майор Варней.

— Надеюсь, — ответил молодой человек, стараясь казаться совершенно спокойным, — предупреждаю вас, что я засну, если вы останетесь здесь надолго.

Он притворился сонным и начал громко зевать.

— Не думаю, что вы сможете заснуть, когда я начну говорить, сэр Руперт.

— Так говорите же... В чем дело?

— Сэр Руперт Лисль, — начал майор, не сводя с него глаз, — когда люди не понимают, в чем заключается их выгода, не хотят знать тех, кому обязаны всем, не хотят сознавать, что последние могут легко разрушить все созданное ими, этих господ нельзя назвать иначе как безумными и нельзя обращаться с ними как с людьми, чей рассудок в полном расстройстве. Помните это, сэр Руперт Лисль! Я знал людей несравненно умнее и хитрее вас, которые кончали свое жалкое существование в доме умалишенных... вам было угодно оскорбить меня несколько раз в течение дня, а мне было угодно не обращать внимания на ваше поведение — не потому, конечно, что, как вы воображаете, я не могу заставить вас раскаяться в ваших словах, а просто потому, что не был расположен к расправе! Я не хочу, чтобы кто-либо мог сказать обо мне, что он видел, что я вышел из себя, кто бы ни вызвал мое негодование. Если я и не добр, то по характеру довольно уживчивый человек, а подобных людей всегда считают добрыми. У них любезная открытая улыбка, они всегда веселы; они добродушно смотрят на своего ближнего, готовя ему верную гибель. Если б мне надо было убить человека, то я сделал бы это с полнейшим хладнокровием. Я отвечаю на оскорбление не грубыми словами, а искусными действиями. Когда меня оскорбляет мужчина, я могу улыбнуться и простить его; если он оказывает мне сопротивление, я способен простить его все с той же улыбкою. Потрудитесь запомнить это, сэр Руперт, и не подвергайте меня дальнейшим оскорблениям.

Молодой человек придвинул свое кресло поближе к огню, чтобы показать майору, что он дрожит крупной дрожью исключительно от холода.

— Никто и не думал оскорблять вас, майор, — сказал он. — Вероятно, вы сочли за обиду какую-нибудь невинную шутку. Вы слишком умны, чтобы видеть в этом желание обидеть вас. Что же касается моих чувств, то вы не должны сомневаться в том, что я считаю вас своим наставником и другом; я не безумец и сознаю, что вы возвратили мне богатство и власть и что я обязан вам всем тем, что имею... Чего же вам более?

Он протянул майору холодную руку с улыбкой примирения.

— Достаточно ли этого? — повторил он опять.

— Нет, — хладнокровно возразил Варней. — Кто-то упомянул сегодня о женитьбе. Вы говорили то, что думали, сэр Руперт?

— Без всякого сомнения!

— В таком случае вы должны отказаться от этой безумной идеи...

— Отказаться?!

— Да! — ответил майор. — Я не хочу, чтобы вы женились на Оливии!

— Однако, мне кажется, что вы заходите слишком далеко... Я вам уже говорил, что все, что я имею, я готов разделить с вами. Вы можете пользоваться моим домом, моим банком — но не женщиной, которую я хочу назвать леди Лисль! Это чересчур неуместная шутка.

— Вы увидите, что я далек от того, чтобы шутить. Выслушайте меня! Если между вами и мисс Оливией существуют обязательства, они должны быть сейчас же уничтожены.

— Этому не бывать! — воскликнул сэр Руперт. — Я не откажусь от Оливии Мармэдук ни ради вас, ни ради кого бы то ни было на свете! Через месяц, считая с настоящего дня, она будет женой моей, леди Лисль!

— Сумасшедший, — сказал спокойно Варней, — никакой леди Лисль в этом доме не будет, пока я живу на свете; никогда не будет наследника, который отдалил бы меня от вашего богатства, которое вы без моего содействия никогда бы не имели; никакой женщине

не удастся растратить миллионы, которые находились бы теперь в чужих руках, если бы не мой ум и не мой талант улаживать дела! Вы хотите жениться?! Вы хотите ввести сюда женщину, которая стала бы управлять этим домом?! Вы хотите превратить какую-то мисс Оливию Мармэдук в леди Лисль?! Вы, которому пришлось бы прозябать в мастерской или сидеть в остроге, если бы я не явился к вам на выручку?! Да сжалится над вами милосердное Небо, если вы заставите меня употребить против вас средства, которые я в течение почти четырнадцати лет употреблял на ваше обеспечение!

— Я вас не понимаю, — сердито проговорил молодой человек с той странной настойчивостью, за которой он старался скрыть недостаток мужества. — Я знаю только то, что сдержу свое слово, чего бы это ни стоило, и что Оливия Мармэдук будет моей женой.

— Не быть ей леди Лисль! — возразил майор, отпирая дверь спальни. — Спокойной ночи, храбрый владелец Лисльвуд-Парка! Вы избрали свой путь — теперь очередь за мною!.. Я думаю, что вы не поняли меня, и потому пришлю к вам Соломона, который объяснит вам все более понятно.

Сэр Руперт поспешил раздеться и лечь. Он спал около часа, когда его разбудил Альфред Соломон, стоявший перед ним со свечой в руках. Молодому человеку Соломон нравился гораздо больше, чем майор, и присутствие еврея не испугало его.

— Что тебе, Соломон? — спросил он еврея.

— О, ничего особенного! Мой господин велел мне кое-что передать вам.

— Говори же скорее: я хочу спать.

— Помните поговорку, сэр Руперт, что стены имеют тоже уши? — ответил слуга, озираясь по комнате. — А так как я должен сообщить вам слова майора по секрету, то буду говорить, разумеется, шепотом.

Соломон нагнулся к подушке баронета и шепнул ему на ухо несколько слов.

Сэр Руперт развеселился до такой степени, что одеяло чуть было не упало с кровати.

— И это все? — спросил он. — Это все, что майор поручил передать мне?.. Поклонись ему от меня и скажи, что я знал это прежде и через месяц женюсь на Оливии Мармэдук.

XXI ОБРУЧЕНИЕ

После описанного разговора с майором сэр Руперт Лисль показал себя полным господином в доме. Он больше не обращался за советами к майору, и последний, по всей видимости, потерял над ним всякую власть. Того, кто противоречил баронету, он начинал считать врагом. Он избегал майора и проводил почти все время в путешествиях в Бокаж и обратно. Оливия Мармэдук ничуть не изменила своего обращения с ним: она принимала его все так же равнодушно, как и в первый раз, смеялась над его неловкостью, нелепыми речами и попытками любезничать с нею. Несмотря на все это, а может, быть и вследствие этого, он с каждым днем привязывался к ней все сильнее и сильнее. Он следовал за ней, как собака, и при каждом посещении привозил ей какую-нибудь драгоценную вещь. Он как-то заявил, что потребует у банкира хранившиеся у того фамильные бриллианты, но Клэрибелль отказалась брать их до свадьбы.

— Успеем! — сказала она. — Может быть, бракосочетание не состоится!

— Ничто не в состоянии помешать мне жениться, кроме смерти! — воскликнул баронет с чувством.

Только однажды он упрекнул Оливию Мармэдук за ее обращение.

— Вы обходитесь со мной как с собакой, — заметил он с обидой, — вы издеваетесь над моей любовью! Я, право, уже не верю, Оливия, что вы испытываете ко мне хоть какое-то расположение.

Он сидел с Оливией у пианино, между тем как полковник со старшими дочерьми разместились поодаль у камина.

— Серьезно? — равнодушно проговорила Оливия, вертя в руках бриллиантовый

браслет, подаренный ей Рупертом. — Я вам и не советую верить чувствам. Вы не могли забыть, как мало слов было сказано между нами в тот день, когда вы предложили мне руку и сердце. «Хотите ли вы, мисс, стать леди Лисль?» — «Да, хочу, сэр Руперт». Вот и все то, что было сказано! Могу уверить вас, что я от природы далеко не мечтательница!

— В этом я положительно не сомневаюсь. Мне сдается, что я стал женихом исключительно потому, что я сэр Руперт Лисль, владелец Лисльвуд-Парка.

— Я тоже так считаю! Но не будем касаться этого обстоятельства. Не думайте, пожалуйста, чтобы в душе моей было намерение обмануть вас! Вы совершенно правы: я выхожу за вас, потому что вы — баронет, и вдобавок богаты! Не будь этого я, конечно, и не подумала бы выйти за вас замуж... Меня, кажется, нельзя упрекнуть в скрытности? А если вам не нравится такая откровенность, пожмем друг другу руки и простимся навеки. Большого я не желаю.

И она протянула ему нежную руку, на которой сверкали его бриллианты. Вероятно, это бросилось ей в глаза, потому что она миролюбиво заметила:

— Я, конечно, верну вам все ваши подарки, когда мы расстанемся; пусть вас не удерживают потраченные на меня деньги.

— Я готов вам отдать все свое состояние до последнего пенни, — сказал он пылко. — Мне больно видеть, что вы ничем не отвечаете на мою беспредельную, искреннюю любовь; но я женюсь на вас, хотя и знаю, что вам нужно только мое богатство. Я не могу жить без вас!

Позднее, когда Оливия и баронет играли за маленьким столом в триктрак, старшая из сестер, которая была где-то в гостях, вошла в комнату. Полковник дремал в кресле, Люси и Дженни, вторая и третья сестры, сидели за работой.

— Хорошо ли ты провела вечер, Лаура? — спросила ее Дженни.

— Нет, напротив... Но у ректора я узнала новость, которую хочу сообщить вам и всем остальным!

Она насмешливо взглянула на Оливию.

— Если у вас есть новости, говорите скорее, — сказала Оливия, притворно зевая и заканчивая игру. — Сэр Руперт, я выиграла у вас ровно пять партий. Ну, Лаура, мы ждем, — добавила она, обращаясь к сестре.

Она была замечательно хороша собой при свете камина: шея и руки ее были покрыты драгоценными подарками баронета, и старшая сестра смотрела на нее с завистью и с ненавистью, готовая убить ее на месте. Полковник проснулся от шума голосов и, быстро оглядевшись, остановил свой взгляд на младшей дочери.

— Папа, вы помните Вальтера Ремордена, последнего викария мистера Мильварда? — спросила Лаура.

— Разумеется, помню. Он уехал отсюда три года тому назад, получив пасторат в окрестностях Чичестера. Вальтер Реморден был истинным другом бедных... Он славный человек, и мы были с ним дружны. Мне бы очень хотелось увидеть его снова!

Лаура пристально следила за выражением лица своей младшей сестры, которое сделалось вдруг чрезвычайно серьезным.

— Ну, папа, — продолжала она, — бедный Вальтер Реморден должен был против воли покинуть свою паству по слабости здоровья, как это объяснила мне нынче миссис Мильвард. Он ведь родился в Лисльвуде и считает воздух родных полей целительным для себя, потому-то и приехал опять к миссис Мильвард, которая была настолько снисходительна, что предложила ему погостить у нее.

— Что?! — воскликнул полковник. — Вальтер Реморден здесь?

— Да, со вчерашнего дня. Говорят, что он очень и очень изменился. Однако я боюсь наскучить сэру Руперту своей болтовней о несчастном викарии. Оливия, все толкуют о будущей леди Лисль и засыпали меня поздравлениями по поводу блистательной будущности, ожидающей тебя!

С той минуты как старшая мисс Мармэдук произнесла имя Вальтера Ремордена,

Оливия не шелохнулась и не сказала ни слова; но вдруг она встала и со странным нервным смехом быстро вышла из комнаты.

Полковник поспешил вслед за ней.

— Оливия, что с тобой, моя милая дочь? — громко спросил он. — Что случилось?

— А я знаю, что с ней, — сказал баронет. — Ее смутило имя человека, о котором тут шла речь. Я видел, как она изменилась в лице, когда вы упомянули о нем, — обратился он к Лауре. — Советую ему поостеречься! Я убью его, кто бы он ни был, если он вздумает стать между нею и мной!

Полковник и Оливия вернулись через несколько минут. Старик вел свою дочь, глаза которой горели лихорадочным блеском. Жених не осмеливался заговорить с ней, но не сводил с нее глаз.

— Прощайте, Оливия, — сказал он после того, как встал и раскланялся со всеми присутствующими. — Сегодня вы сказали мне, что не любите меня; сказали и кое-что другое: я вам очень этим обязан.

Она кинула на него взгляд, полный презрения.

— Помните, что я предоставила вам право решать, — ответила она. — Завтра я готова узнать ваше решение.

На другой день сэр Руперт, приехав в Бокаж, попросил позволения поговорить с невестой. Он умолял ее назначить как можно скорее день венчания.

— Если вы все еще намерены жениться на мне, то свадьба может состояться, когда вы этого захотите, — ответила невеста.

— Намерен ли я?! Оливия!.. — воскликнул он с жаром.

— Вы слышали и видели столько, что могли легко переменить свое мнение, и, если это так, будьте откровенны и не скрывайте этого... Но помните, что вы должны пенять на одного себя, если союз наш будет не из числа счастливых!

Баронет повторил, что намерение его непоколебимо, и Оливия заявила, что не считает нужным откладывать день свадьбы. Одна из ее теток, старая и богатая, прислала ей сто фунтов, узнав, что ее внучку ждет блистательная партия. В Бокаже то и дело стали появляться модистки и белошвейки, но Оливия не хотела примерять свадебные наряды.

— Ах, как вы мне надоели со всеми этими уборами и лентами! — говорила она раздраженно. — Вы знаете, что я и прежде не обращала внимания на наряды, а теперь и вовсе не забочусь о них! Нельзя ли избавить меня от всей этой дребедени?..

— Нечего сказать, прелестный характер у будущей леди Лисль, — заметила Лаура. — Я всей душой жалею бедного баронета!

— Жалейте его, Лаура! — ответила Оливия, устремив свои черные глаза на свою сестру. — Жалейте сэра Руперта: он нуждается в сожалении!

XXII ГОСТЬ МИССИС МИЛЬВАРД

Баронет подарил своей невесте великолепную чистокровную лошадь, которая специально для нее была выдрессирована знаменитым берейтором. Однако было заметно, что молодая девушка, прежде ежедневно скакавшая по холмам и лугам на простой крестьянской лошадке, почти вовсе не пользовалась этим прекрасным подарком сэра Руперта. Она вдруг почувствовала отвращение к прогулкам, и, когда сэр Руперт предлагал ей проехать верхом, отговаривалась то головной болью, то опасением простудиться на ноябрьском воздухе. Сестер она по возможности избегала и односложно отвечала на их вопросы; с отцом была серьезна и тиха, а с баронетом — сдержанна, равнодушна и грустна. Все эти подробности не ускользнули от внимания молодого человека.

— Вы бледная, точно мертвец, — как-то раз сказал он невесте. — Ваши глаза ввалились, и я опасаясь, что вы больны! А болезнь ведет к смерти!..

О Оливия, вы должны быть моей женой, и вы будете ею!

Он страстно сжал ее руки; казалось, что он боится потерять свою прелестную невесту.

— Оливия, — продолжал он, — почему вы больше никуда не выходите? Лаура говорит, что вы теперь целые дни проводите в своей комнате. Что я могу сделать, чтобы доставить вам хотя бы минуту удовольствия?.. Я готов отдать половину моего богатства, если вы этого захотите... Что мне делать? Скажите!

— Ничего, — ответила она, — оставьте меня одну хоть на время. Сознаю, что я весьма нелюбезна, быть может, даже зла... Но сейчас я веду борьбу сама с собою. Оставьте меня, и я снова стану такой, как прежде!

— Я не понимаю вас, однако даю слово исполнить даже это ваше желание, если вы обещаете быть моей женой!

Сэр Руперт уехал домой. Оливия села у ног отца, дремавшего перед камином, а ее сестры сидели у окна, глядя на последние лучи зимнего солнца. Через несколько минут Оливия встала и ушла, но почти тотчас вернулась, надев шляпку и шаль.

— Куда вы идете? — спросила ее Лаура с изумлением.

— В Лисльвудский пасторат, к миссис Мильвард, — спокойно ответила Оливия.

— Довольно странное время для визита; вы придете туда к ночи. Не лучше ли вам будет пойти к миссис Мильвард уже в качестве леди Лисль? Вальтер Реморден уедет только после праздников.

— Вы, Лаура, злая и желчная, как все старые девы! — воскликнула Оливия. — Моя собака вдвое добрее вас... Я пойду в пасторат именно теперь, когда весь Лисльвуд-Парк следит зорко за мною! Можете говорить и думать обо мне, что вам только угодно. Прощайте!

Молодая девушка нетвердым шагом вышла из гостиной и с силой хлопнула дверью.

Что я могу сказать о своей героине? Признаюсь, что она далеко не совершенна и полна недостатков. Она не отличается хорошим характером; она вспыльчива и своевольна — но, с другой стороны, в ней много искренности и великодушия. Не проходит и получаса после какой-нибудь стычки с сестрами, из которой она обыкновенно выходит победительницей, как она находит побежденных и умоляет их о прощении с такой покорностью, с таким раскаянием, что они невольно перестают на нее сердиться. Отца она любит до такой степени, что часто ревнует его к сестрам; и хотя эта привязанность радует его, но она отдаляет от него остальных дочерей, тем более что Оливия страшно сердилась на сестер, когда они ухаживали за угрюмым полковником.

Когда девушка, покинув дом, пошла по направлению к деревне, ее всю вдруг словно пронизало холодом и туманом. Бокс, следовавший за нею, начал прыгать вокруг хозяйки, пачкая ее платье грязными лапами. Оливия нагнулась и обвила его шею руками.

— Бокс!.. Верный славный Бокс! Я вспоминаю день, когда он наклонился, чтобы приласкать тебя и поцеловать твою умную морду.

Она прижалась губами к косматой голове пса, как будто мелькнувшее в ее памяти воспоминание сделало его еще дороже.

— Какая же я глупая! — сказала она, продолжая путь. — Какая я безумная и слабохарактерная! Что подумают обо мне после этого визита? Сколько печальных последствий он будет иметь для меня и для других!.. Как будто обстоятельства и так недостаточно печальны!.. Но иначе я не могу... Пусть будет что будет!

Пройдя Лисльвуд и кладбище, Оливия очутилась у дома пастора; тут она остановилась и прислонилась к невысокой стене, отделявшей кладбище от огорода мистера Мильварда.

— Надо вернуться, — подумала она. — Прогулка смягчила и рассеяла мою тоску, а кроме того, я была здесь, около него, хотя он не знает об этом. На первом этаже нет света, значит, он не сидит дома и вовсе не так болен, как говорила Лаура... Он, вероятно, в гостиной, — продолжала она, заглядывая в большое освещенное окно. — Нет, надо вернуться домой.

Она решительно повернула назад, но в эту минуту к воротам подошла одна из служанок ректора, знавшая мисс Оливию. Она сразу же узнала младшую дочь полковника —

рядом с девушкой бегал косматый Бокс, известный всему Лисльвуду так же, как и все семейство Мармэдюков.

— Мисс Оливия Мармэдюк! — воскликнула служанка. — Я сначала не поняла, кто это стоит у ворот, но увидела Бокса и тотчас догадалась. Вы уже были у госпожи?

— Нет, — сказала Оливия, краснея под вуалью.

— Но ведь вы идете к ней, мисс? Госпожа вспоминала о вас не далее как вчера и говорила, что очень хотела бы увидеться с вами. А мистер Реморден... Вы помните его, мисс? Ведь вы так дружили, да и отец ваш, кажется, был ласков с ним... Ну так вот: он гостит у нас! Ах, если б вы знали, как он переменялся! Но вы ведь идете к госпоже? — повторила служанка.

— Да, иду! — отрывисто ответила Оливия.

Служанка провела ее через калитку, огород и ухоженный садик. Ряды обнаженных деревьев промелькнули перед глазами молодой девушки, как тени; не успела она опомниться, как очутилась в гостиной миссис Мильвард. Здесь были трое: ректор, который что-то писал за столом, его жена, работавшая возле камина, и молодой человек, лежащий на диване с другой стороны камина. Это был Вальтер Реморден, экс-викарий Лисльвудский.

— Милая моя, вы очень хорошо сделали, что пришли, — сказала миссис Мильвард, пожимая руку Оливии, — я уж думала, что вы позабыли нас, а вас не удержало от свидания с нами даже такое позднее время! Ваша шаль промокла, я прикажу Сусанне высушить ее. Вы, конечно, не откажетесь выпить с нами чаю?

Оливия молча позволила снять с себя шаль. Она не сказала ни слова с тех пор, как вошла в гостиную, и даже не подняла вуаль; она не ответила на приветствия ректора и больного, только машинально вертела в руках перчатки. Бокс вслед за нею прибежал в гостиную и стоял на коврике, недоумевающе глядя вокруг.

Вальтеру Ремордену было около тридцати. Несмотря на болезнь, он был несравненно красивее баронета: смуглое загорелое лицо; широкий и низкий лоб, на который падали черные как смоль кудрявые волосы, большие серые, в высшей степени выразительные глаза. Когда вошла Оливия, Вальтер читал газету, в которую он снова углубился, обменявшись с гостьей несколькими фразами.

Миссис Мильвард была рада случаю поболтать с мисс Оливией. Она заставила ее снять шляпу, и викарий на минуту опустил газету — «Брайтонский Герольд» или «Суссекский Меркурий», — чтобы взглянуть на бледное лицо невесты лорда Лисля; девушка спокойно отвечала на вопросы хозяйки. Она говорила даже о сэре Руперте и приготовлениях к свадьбе, но никак не могла отделаться от мысли, что ее голос звучит чрезвычайно странно, а ее поведение кажется всем таким же неестественным, каким казалось ей. Потом, много лет спустя, она все еще будет помнить все, что видела в этот осенний вечер в маленькой гостиной: Вальтера, лежащего на диване, его черные волосы, видневшиеся из-за газеты; ярко-красные занавески; пылающий камин; пейзажи, висевшие на стенах; стук чашек и шипение большого чайника — все эти ничего не значащие мелочи запечатлелись в ее памяти самым неизгладимым образом.

После чая мистер Мильвард ушел в ризницу, где его ждали прихожане, а миссис Мильвард снова взялась за работу и приготовилась продолжать беседу с Оливией. Мисс Мармэдюк сначала заявила, что пробудет у них не более получаса, но сдалась на просьбы хозяйки пробыть еще немного. Это не доставляло ей никакого удовольствия, но ей трудно было встать и уйти из уютной, светлой гостиной.

— Ну, дорогая моя, — торжествующе сказала миссис Мильвард после ухода мужа, — теперь уж вам придется остаться до возвращения мистера Мильварда: он должен проводить вас домой.

— Папа придет за мной, когда он увидит, что я не иду, — равнодушно ответила Оливия.

Вальтер Реморден оставил газету и мало-помалу включился в разговор. Через некоторое время миссис Мильвард вышла в кухню — кому-то понадобилась ее помощь.

Оставшись наедине с викарием, Оливия погладила пса, положившего голову к ней на колени.

— Когда вы возвращаетесь в Чичестер, мистер Реморден? — вдруг спросила она.

— Я не знаю, вернусь ли я туда когда-нибудь! — ответил он спокойно. — Мне предлагают пасторат в Бельминстере, который даст мне по меньшей мере вдвое больше удобств!

Оливия вряд ли расслышала его слова; она продолжала теревить уши Бокса, задумчиво смотрела на огонь и вдруг сказала:

— Вальтер Реморден! Вы должны презирать меня!

Он великолепно владел своими чувствами, так что посторонний человек мог бы считать его бесстрастным; но при словах Оливии он изменился в лице и произнес, протянув к ней свои бледные, исхудалые руки, умоляющим жестом.

— Заклинаю вас всем, что для вас свято, не вспоминайте о прошлом, ни одним словом. Я боролся с собою... я горячо молился, чтобы Бог послал мне силу перенести эти страдания: вы не должны касаться уже заживших ран... Да, заживших ран! — повторил он с каким-то невольным восторгом. — Теперь я живу единственно для того, чтобы исполнять свои обязанности в качестве служителя церкви, но я не прошу Бога вернуть мне здоровье. Да простит Он меня за мое желание переселиться из этого дома прямо в могилу!

Молодая девушка не отрывала глаз от огня.

— Рада слышать, что ваши раны зажили, — сказала она с каким-то странным смехом. — Это, по крайней мере, избавляет меня от упреков в измене... в измене по расчету, которую способна совершить только женщина с огромным честолюбием, думающая только о личных интересах.

Должно быть, меня соблазнило богатство сэра Руперта вкупе с его громким титулом, — продолжала Оливия. — Оно до такой степени поразило меня своим резким контрастом с нашей бедностью, что я забыла обещание, данное вам два года назад. Я много выстрадала, но я довольна тем, что решилась прийти сюда сегодня вечером; теперь я спокойна!.. В моем уме — должно быть, от чтения романов, — сложилось странное убеждение, что разбить жизнь и сердце честного человека — дело совсем не трудное!

Оливия не успела закончить свою мысль, как отворилась дверь, и в гостиную вошел Руперт Лисль. Он упал в кресло, не снимая шляпы и не обращая внимания на присутствие Вальтера.

— Я был в Бокаже, мисс Мармэдук, — сказал он с плохо скрытым бешенством, — и Лаура сообщила мне, что вы пошли сюда; а так как я нахожу неприличным для будущей леди Лисль и моей жены бегать ночью по улицам, то я пришел за вами.

— Мне не пришлось бы ходить ночью одной по улицам, сэр Руперт, — возразила Оливия, сверкнув гневно глазами. — Все живущие в этом доме знают не хуже вашего, что прилично для мисс Оливии Мармэдук, которая ни в чем не уступает будущей леди Лисль... Снимите шляпу, сэр Руперт, — добавила она повелительно. — И позвольте мне представить вас мистеру Ремордену, другу нашего дома!

Каковы бы ни были подозрения, зародившиеся в голове баронета, как бы сильно он ни ревновал, — смелость Оливии успокоила его. Он ответил на поклон Ремордена небрежным кивком и даже пробормотал сквозь зубы, что очень рад с ним познакомиться; но Вальтер не обратил внимания на эту снисходительность.

— Я хочу, чтобы вы вернулись домой, — снова обратился сэр Руперт к своей невесте. — Мне без вас жизнь не в жизнь. Я обедал сегодня в замке, но потом мне стало так скучно и грустно, что я велел оседлать свою рыжую лошадь и поскакал в Бокаж. На дворе сильный дождь, но я позаботился приготовить для вас карету от гостиницы «Куронн»... Идем, идем, Оливия!

— Дайте мне проститься с миссис Мильвард, сэр Руперт, — ответила она.

Лорд Лисль вышел, чтобы отдать приказания кучеру.

Вальтер с большим трудом поднялся с дивана и встал рядом с девушкой, опершись рукой на мраморный камин.

— Оливия, скажите, этот брак решен бесповоротно? — произнес он с волнением.

— Совершенно бесповоротно! — ответила она.

— Вы не можете взять обратно обещание, опрометчиво данное этому человеку?

— Не могу и не хочу.

— В таком случае да поможет вам Бог, бедная Оливия! Я не смею просить вас сделать то, что вы сами считаете бесчестным, хотя от этого могло бы зависеть ваше счастье... Жаль, что я не знал этого человека, когда вы еще не дали ему ваше слово! Тогда я стал бы на коленях молить вас отвергнуть его предложение. Я знаю, вы не любите его, вас ослепил блеск его положения, но я, по крайней мере, не сомневаюсь в том, что лорд Лисль джентльмен!

Миссис Мильвард и сэр Руперт вернулись в гостиную прежде, чем Оливия успела что-нибудь сказать. Десять минут спустя она уже сидела в карете, а баронет скакал рядом с нею верхом на своей рыжей лошади. Молодая девушка нервно вздрагивала, глядя сквозь опущенные стекла на мрачную фигуру молчаливого всадника.

«Мне кажется, как будто меня везут в тюрьму, а это — мой тюремщик», — думала она.

XXIII СВАДЬБА

В последний день ноября длинный ряд карет растянулся от стен кладбища до улицы Лисльвуда, ожидая аристократов, собравшихся в церкви на бракосочетании сэра Руперта Лисля с мисс Оливией Мармэдук. Баронет пожелал, чтобы свадьба была как можно роскошнее. Он хотел, чтобы весь Суссекс видел, что он женится на первой красавице графства, и повсюду разослал приглашения на праздник. По настоянию сэра Руперта, смотревшего на всех с видимым недоверием, свадебный пир были приготовлен в Лисльвуде, а не в Бокаже.

— Вы можете дать праздничный ужин, если вы непременно хотите это сделать, — сказал он полковнику вскользь, — но я, право, не думаю, чтобы в вашем тесном домишке могла бы поместиться и половина публики, которая должна присутствовать на свадьбе.

Мисс Оливия Мармэдук пошла к алтарю в сопровождении целой толпы роскошно одетых женщин и изящных мужчин. В этот день церковь казалась настоящей выставкой великолепнейших шелковых материй, кружев, белых перьев, превосходных искусственных цветов со сверкающими бриллиантовыми росинками в чашечках, золотых флаконов с духами и множества других предметов роскоши. У воспитанников и поселян, толпившихся в углу, глаза разбегались от всех этих чудес; однако они разошлись, не вполне довольные свадебной церемонией.

Сторож Лисльвудской церкви с огромной розеткой на новом жилете вел себя с ними нелюбезно: сгонял со скамеек, заставлял прятаться за колоннами и, казалось, считал совершенно излишним их присутствие в церкви.

— Уж если бы я знал, что вы будете повсюду совать свои носы, я, разумеется, распорядился бы по-другому, — говорил он каждому входившему крестьянину.

Всеми чтимый епископ, родственник Лисля, приехал в Лисльвуд-Парк из восточной части Англии, чтобы совершить брачный обряд. Этот достойный муж был поражен манерами и внешним видом своего молодого и богатого родственника. Щеки Руперта Лисля были бледны, кончик его носа покраснел от мороза, и едва ли наружность баронета производила когда-либо более невыгодное впечатление, чем в эту торжественную минуту. Платье ему не шло, а цветок в петлице его фрака потерял свою свежесть и быстро осыпался. Вдобавок сэр Руперт прямо посередине церкви уронил шляпу, и она покатилась, вызвав улыбку на лицах представителей гордой аристократии и шушуканье среди деревенского люда, подавленное грозными взглядами сторожа. Рука баронета, которую он подал Оливии Мармэдук, была холодной и дрожала, как осиновый лист.

Невеста, напротив, была очаровательна. Лисльвуд давно признал мисс Оливию

Мармэдук красавицей из красавиц, хотя редко видел ее одетою иначе, чем в зеленую амазонку, соломенную шляпку и большую поношенную шаль. Теперь же, в подвенечном наряде, с венком из померанцевых цветов и лилий, окутанная, как облаком, вуалью из драгоценных кружев, она казалась королевой, и когда она в сопровождении отца, вошла в церковь, ее встретили восклицания восторга.

Миссис Вальдзингам, все еще красивая, несмотря на свои сорок лет, была одета в серое атласное платье, а на миссис Варней было чудесное платье янтарного цвета, сверкавшее на солнце, словно золото. Она даже затмила красотой невесту, и многие спрашивали: «Кто эта восхитительная женщина в чудном палевом платье?»

Казалось, майор теперь вполне благосклонно относится к браку, против которого он восставал вначале. Он тоже присутствовал в церкви и был в очень хорошем расположении духа — быть может, этому способствовало свидание с молодым баронетом, которое он имел накануне венчания. Свидание это носило весьма серьезный характер: оно закончилось тем, что Соломона призвали в качестве свидетеля при составлении какого-то акта, написанного майором и подписанного сэром Рупертом Лислем. Таким образом, вновь в Лисльвуд-Парке был установлен мир, и епископ совершал торжественный обряд венчания Оливии Мармэдук и молодым владельцем Лисльвуда, холодная и влажная рука которого дрожала в руке невесты. По окончании церемонии экипажи потянулись к замку, где должен был начаться пышный свадебный пир с его неизбежными интригами и сплетнями. Едва ли во всей этой суетливой толпе нашлись бы несколько человек, задумавшихся о будущем молодой четы, в три часа, как только пробил колокол, уехавшей в Фелькстон, откуда она должна была отправиться на континент.

Полковник Мармэдук с четырьмя дочерьми остался обедать в замке в обществе Клэрибелль, ее младшего сына, майора и миссис Варней. Этот маленький кружок довольно хорошо проводил время, Клэрибелль с момента отъезда сэра Руперта сделалась много веселее обыкновенного, да и майор был в хорошем расположении духа. Дочери полковника обводили изумленными взглядами роскошные залы Лисльвуда, который стал теперь собственностью их младшей сестры.

— Как хороша была леди Лисль под венцом! — заметил майор Варней.

Клэрибелль вздрогнула, услышав это имя, которое она носила сама в былые дни, а сестры Оливии задрожали от зависти. «Леди Лисль! Да она в самом деле стала леди Лисль!»

Накануне свадьбы Вальтер Реморден оставил тихое родное село, которое он любил так сильно не потому, что находил в нем какую-нибудь особенную привлекательность, а вследствие связанных с ним дорогих воспоминаний. Уезжая в Лондон курьерским поездом, он еще раз полюбовался бесконечными равнинами, которые казались ему прекрасными даже под холодным, серым осенним небом, и мысленно говорил себе, что лучше Суссекса нет графства в целой Англии.

— Я отъехал не больше двадцати миль от родных мест, а уже сожалею, что покинул их, — размышлял Реморден. — Как трудно уезжать от того, что тебе дорого! Но я никак не мог остаться в Лисльвуде, где мне пришлось бы постоянно встречаться с леди Оливией Лисль!

Пасторат в Йоркшире Вальтер Реморден принял в надежде избежать встреч с любимой женщиной. Мистеру Мильварду тоже обещали другой приход, и Реморден мог бы последовать за ним, поскольку епископ хорошо знал молодого человека; но провидению угодно было, чтобы он поселился в глухом провинциальном городке Бельминстере, куда и прибыл вечером в день венчания Оливии Мармэдук.

Читатель, конечно не забыл, что Бельминстер — тот самый городок, который мистер Соломон посетил летом этого же года. С того времени здесь ничто не изменилось. На железнодорожной станции был все тот же начальник, тот же носильщик, тот же кассир, те же книги и журналы на полках и чуть ли не те же самые пирожки и бутылки с содовой в буфете. Невзрачная карета, запряженная одной лошадью, которая когда-то взяла приз в забеге вокруг городка, доставила Вальтера со всем его багажом в гостиницу, в которой появление

путешественника вызвало одновременно и радость, и смущение. Местные торговцы каждый вечер собирались в холле гостиницы, чтобы потолковать за стаканом пива о достоинствах и недостатках выборных Бельминстера. Иногда приезжал какой-нибудь приказчик, предлагавший свой товар, закусывал в гостинице и уезжал обратно. Но джентльмен, который останавливался здесь на два дня, был безусловной редкостью, и ему оказывали всевозможный почет. Вальтера по широкой лестнице повели в комнату, где для него уже был разведен огонь и где находились зеркало, картина с изображением церкви и портрет лошади, выигравшей когда-то большой золотой кубок. Хозяйка гостиницы, по виду чемодана угадавшая, что перед ней мистер Реморден, назначенный викарием Бельминстера, тотчас же подняла штору и показала на церковь, находившуюся прямо напротив окна по ту сторону рынка.

— Собор расположен на другом конце города, — сказала она. — Ваша церковь, носящая имя Святого Клементя, славится своею красотой и была построена, если мне не изменяет память, еще раньше собора.

Молодой человек равнодушно взглянул на красивую церковь. Ему трудно было переключиться на свои новые обязанности, тем не менее он много расспрашивал о бедных жителях города, пока хозяйка накрывала на стол и подавала ужин, которым можно было накормить двенадцать человек: хлеб, яичницу с ветчиною, цыплят, маленькие паштеты, пирожное, сыр и консервы. Все это хозяйка называла закуской. Из беседы с ней Реморден заключил, что ему предстоит много дел в Бельминстере и положительно не останется времени на бесплодные сожаления и тоскливые воспоминания о невозвратном прошлом.

— Самое прекрасное в вере, которую реформация подвергла известным изменениям, — рассуждал Вальтер Реморден, когда остался один в комнате, — это, бесспорно, то чистое и святое чувство полного отречения от своих личных выгод, которое католицизм вменяет в обязанность всем служителям церкви. Да и в самом деле, вправе ли человек, посвятивший свою жизнь и свою душу Богу, допускать влияние земных желаний и страстей? И в свете, и в келье он обязан думать только об исполнении долга!

Правда, такие идеи легко могли возникнуть у Вальтера Ремордена в тот момент, когда он узнал об измене Оливии Мармэдук, навсегда разбившей его душу и будущность.

XXIV НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Сэр Руперт и леди Лисль пробыли на континенте шесть месяцев. Они посетили Флоренцию, Рим и Неаполь, побывали в Берлине, Дрездене и на берегах Рейна, после чего отправились в Париж, откуда в середине июня вернулись в Англию. Каштаны уже были в полном цвету, когда миссис Вальдзингам, полковник и его дочери вышли на парадную лестницу замка, чтобы встретить баронета с молодой женой. Старик горел желанием поскорее обнять дочь, а сестры торопились узнать, как она и насколько она счастлива со своим мужем. Из писем ее нельзя ничего было узнать, так как все они были крайне сухими и короткими. Она и раньше не любила писать, а со дня своего брака, по-видимому, совсем отказалась от всяческих излияний. Сэр Руперт выскочил из фэтона, которым сам же правил, бросив вожжи груму, направился к конюшням, отвесив общий поклон всем стоявшим на лестнице.

— Руперт, куда же ты? — крикнула миссис Вальдзингам, между тем как полковник поспешил высадить Оливию из фэтона.

— Я иду в конюшню выкурить трубочку, — ответил баронет. — Я сидел так долго в этом проклятом вагоне, что чувствую потребность пройтись по свежему воздуху.

Было очевидно, что сэр Руперт вынес немного пользы из своих путешествий. Политура не пристает к грубому дереву, она требует, чтобы поверхность была хоть как-то подготовлена к ее приятию. Так и на угрюмого, невосприимчивого сэра Руперта не произвели впечатления ни величественные картины природы, ни прекрасные произведения

искусства, ни ясное небо Италии, ни классические лица ее жителей — ничего из того, что так облагораживает чувства и вкус. Он вернулся на родину более резким и неприятным, чем прежде; одет он был неряшливо, чего не случалось раньше, когда майор сам выбирал для него предметы туалета. Его костюм был куплен в одном месте, шляпа — в другом, жилет, шпоры и галстук — в третьем и четвертом. На груди блестело множество драгоценных камней; все магазины Пале-Рояля были перерыты им сверху донизу в поисках необходимого количества изумрудов, рубинов, опалов, аметистов, яхонтов и бирюзы. Пальцы его рук были покрыты перстнями; часовая цепочка изогнулась под тяжестью висящих на ней печатей и брелоков.

— Пусть знают, что я в состоянии купить все, что у них есть хорошего, — говорил он, когда подзревал, что ему оказывают слишком мало почестей.

Он кричал и сыпал проклятиями, разговаривая с хозяевами гостиниц; в особенности же он злился, видя, что его не понимают, и начинал вопить, чтобы заставить их выполнить его распоряжения! Несмотря на презрение к немецким винам, он пил их в изобилии, так что по Австрии, Пруссии и Бельгии проехал в бессознательном состоянии. Он звал перед замечательными картинами; повышал голос в церкви, бесцеремонно звеня своими золотыми шпорами. Даже курьер, который сопровождал его, пожал плечами и оставил его на произвол судьбы.

— Для леди Лисль, — сказал он, — я готов сделать все, но для этого чучела...

Он закончил свою фразу энергичным ругательством и, садясь в омнибус, сказал во всеуслышание; «Я умываю руки, и будь что будет. Он хуже и несноснее всех прочих англичан!»

Так он и уехал, предоставив баронету самому проверять счета в гостиницах и болтать разный вздор со слугами ресторанов.

Что в это время делала Оливия, не привыкшая скрывать свои мысли и чувства? Страдала ли она, когда человек, которому она клялась в любви и послушании, доходил до такой степени самодурства, что даже самые вежливые хозяева гостиниц не могли удержаться, чтобы не выказать ему своего отвращения? Все эти безобразия не трогали ее: Оливия с ледяным равнодушием смотрела на выходы мужа. Будь баронет собакой, надоедавшей всем, то она и тогда, наверное, сочла бы себя обязанной извиниться за его поведение. Но он был человеком — или считался им, и молодая женщина никогда не выказывала чувства удивления, досады или грусти; ее презрение к мужу было настолько сильным, что она притворялась, будто не слышит его и не видит. Когда ему приходила фантазия идти наперекор желаниям жены, она не жаловалась, но упорно настаивала на своем. А так как сэр Руперт и физически был послабее ее, она таскала его по всевозможным картинным галереям до тех пор, пока он не падал от усталости. Леди Лисль вызывала общее восхищение, и это обстоятельство было очень приятно пустому и тщеславному сэру Руперту Лислю.

— Не жалеете моих денег, дорогая Оливия, — сказал он ей однажды. — Бросьте их в окно, если это вам нравится! Этого добра у моего банкира вдоволь. Докажите этим чопорными иностранцам, что жена богатого английского баронета стоит по меньшей мере шестерых герцогинь, которые имеют не больше четырех или пяти сотен фунтов годового дохода и питаются одной морковью и капустой.

Но поездка окончилась, и леди Лисль вступила в замок своего мужа в качестве его новой полновластной хозяйки. Клэрибелль приготовилась удалиться из Лисльвуда, как только новобрачные вернутся домой. На другой день после приезда леди Лисль наткнулась на свекровь, одетую в дорожный костюм.

— Что вы делаете? — воскликнула Оливия. — Чьи это чемоданы?.. Миссис Вальдзингам, неужели вы хотите уехать?

— Я решила проститься с вами, леди Лисль, — холодно ответила Клэрибелль. — Во время вашего медового месяца я оставалась в замке моего сына исключительно как гостя. Я отправляюсь в Брайтон, где сняла себе квартиру. Сэр Руперт потрудился высказать мне со

всей возможной ясностью, что нам нельзя жить вместе, хотя я поняла это гораздо раньше.

Леди Оливия слушала ее с глубоким изумлением, затем схватила Клэрибелль за руку и потащила ее в библиотеку.

— Ну, миссис Вальдзингам, — начала она, усадив свекровь в кресло у окна, — объясните же мне суть дела! Сэр Руперт оскорбил вас?.. О, я не сомневаюсь, что он способен оскорбить свою мать! — добавила она, заметив движение Клэрибелль, которая, покраснев за сына, постаралась скрыть лицо от глаз невестки.

— Дорогая миссис Вальдзингам, — продолжала Оливия, — знаю, что я имею меньше всех право высказывать вам подобные горькие истины. Каким бы ни был ваш сын, я, конечно, не должна говорить о нем дурно! Я этого не делала и никогда не сделаю. Я не особенно стесняюсь в выражениях, когда говорю с ним, но не позволяю себе ничего подобного в разговоре с другими... Милая миссис Вальдзингам, я умоляю вас не уезжать из дома лишь потому, что в него вошла я! Хотя я и не принадлежу к числу людей общительных и приятных, но у меня не возникнет желания огорчить вас даже в мыслях. Если вы можете сочувствовать созданию, которое никогда не знало ласки матери, то вы сжалитесь надо мною! Сестры мои никогда не любили меня, а теперь они завидуют моему положению... Помогите мне Бог!.. Сжалитесь надо мною и любите меня, если вы в состоянии исполнить эту просьбу! Позвольте мне считать и называть вас матерью, которой я не знала!

Леди Лисль опустила свою прекрасную головку на плечо Клэрибелль и горько зарыдала.

Это короткое свидание имело огромное значение для обеих женщин. Миссис Вальдзингам осталась в Лисльвуде, но наотрез отказалась жить в замке, а выкупила дом и земли, принадлежавшие когда-то ее тетке, мисс Мертон, которые находились в чужих руках со дня бракосочетания Клэрибелль с сэром Реджинальдом Лислем.

Все окрестные жители не замедлили убедиться, что Оливия Лисль щедро тратит деньги баронета. Она пригласила в замок столько гостей, что все мансарды и чердаки были переполнены лакеями и горничными. Она начала вести самую веселую и шумную жизнь; давала праздники в парке, причем главная аллея иллюминировалась бесчисленным множеством разноцветных фонарей; сама управляла постройкой новых конюшен с прекрасными соломенными крышами и заполнила их охотничьими лошадьми. За замком устроили манеж, в котором она ежедневно ездила верхом, перескакивала через воображаемые препятствия и выделяла всевозможные штучки. Давно уже забытая коллекция мячиков была приведена в надлежащий порядок, и поселяне часто видели на дворе группу игроков, во главе которых стояла миледи. Все это делалось без участия сэра Руперта. Он подписывал чеки под диктовку жены — один взгляд ее великолепных черных глаз в зародыше убивал все его возражения. Безумная любовь, которая заставила его так спешить со свадьбой, давно уже остыла. Жена принадлежала ему безраздельно, и сознания этого было для него вполне достаточно. Хотя леди Оливия и держала его в ежовых рукавицах, он видел в ней только часть своего богатства, которым он мог распоряжаться так же, как распоряжался лошадьми и собаками. Он боялся последних не меньше Оливии, но он купил их всех: жена, собаки, лошади сделались его собственностью, дальше желания баронета не заходили.

Лето прошло во всевозможных увеселениях, от которых лорд Лисль был отстранен. Майор, его жена и Соломон, отсутствовавшие летом, вернулись в Лисльвуд. Ловкий индийский офицер хорошо знал, чем он мог понравиться леди Лисль, и последняя, никогда не советовавшаяся с мужем, советы майора стала принимать с удовольствием. Таково было положение дел, когда настал конец осени, а вместе с ней и первого года брачной жизни Оливии, и когда некое происшествие вызвало первую ссору между женой и мужем.

Однажды ноябрьским вечером Оливия возвращалась с прогулки по равнине и, подъезжая к замку, заметила какую-то женщину, сидевшую на маленькой скамейке за решеткой парка, прямо напротив сторожки, которую некогда занимало семейство Жильберта Арнольда. Женщина была мала ростом, худа и очень бедно одета; возле нее лежал небольшой узелок. Она подняла голову, когда сторож отворил ворота, пропуская Оливию, и

выражение ее лица так поразило леди Лисль, что она остановила лошадь, чтобы поговорить с бледной незнакомкой.

— Что с вами, моя милая? — спросила она.

Владелица замка делала для людей много доброго, но была довольно осмотрительной: ложь и притворство не могли ее обмануть. Она пристально всмотрелась в незнакомку, когда та встала со скамейки, и в этом бледном, изможденном лице не нашла ничего, что могло бы возбудить ее подозрения.

— Что вам угодно, милая? — повторила она.

Она любила, чтобы ей объясняли прямо, без лишних слов, чего от нее хотят.

— Сударыня... ваше сиятельство, — начала незнакомка, запинаясь под пристальным взглядом Оливии. — Вы ведь леди Лисль?.. Не правда ли, вы его жена, миледи?

— Да, я жена сэра Руперта Лисля. Но к чему эти вопросы? — проговорила Оливия довольно сухо.

— О миледи, говорят, что вы очень добры и милостивы к бедным людям... Позвольте же мне взглянуть на моего... виновата... я хотела сказать, на сэра Руперта. Больше я не прошу ничего.

— Но вам уж сказано раз и навсегда, что сэр Руперт не желает вас видеть, — подхватил сторож, следивший за этим разговором. — Я сказал ей это, миледи. Она пришла сюда часа два тому назад и просила позволения повидаться с сэром Рупертом; я ей объяснил, что это невозможно. Тогда она решила подождать здесь сэра Руперта, хотя я говорил, что он едва ли выйдет куда-нибудь, так как ему вреден холодный воздух. Потом она настойчиво начала просить передать ему оторванный от старого конверта клочок бумаги, на котором карандашом написала свое имя. Она долго просила, вопила и плакала, пока я не отослал своего сына с этим клочком бумаги в замок. И что же вышло? Мой сын вернулся и сказал мне, что камердинер посоветовал ему никогда больше не брать на себя подобных поручений. Дело в том, что сэр Руперт, взглянув на этот клочок бумаги, затрепетал от гнева и произнес проклятие, а потом сказал, что если он еще раз увидит это имя, если ему будут надоедать подобными глупостями, то он заставит назойливых просителей познакомиться с тюрьмой.

— А! Он это сказал?! — воскликнула незнакомка, падая на скамейку с выражением отчаяния. — Он решился сказать такие бессердечные, ужасные слова... Господи Боже мой!

Леди Лисль соскочила с лошади и бросила поводья провожавшему ее груму.

— Ведите лошадь в стойло, а я отведу эту женщину к себе, — сказала она.

— Ну уж это не дело! Беспokoить сэра Руперта с его слабым здоровьем разговором с бродягами! Мало ли их в графстве! — дерзнул заметить сторож.

— Молчать! — крикнула леди и сказала, обратись к незнакомке: — Идите со мною и расскажите мне, чего вы добиваетесь. Кто вы и что вам нужно от сэра Руперта Лисля?

— Вам, вероятно, приходилось слышать мое имя, миледи. Я знала сэра Руперта еще в дни его детства и делала все, что можно было сделать при моей страшной бедности, чтобы ему жилось у меня попривольнее. Затем явились люди, которые встали между мною и им... Подчиняясь их влиянию, он уехал, не взяв меня с собою.

Женщина зарыдала, а потом добавила вполголоса:

— Все мои усилия уберечь его от дурного влияния не имели успеха... Но я никак не думала, чтобы он способен обойтись со мною так бесчеловечно.

— Боже мой! — воскликнула леди Оливия, терпение которой истощалось при виде этих жалоб и слез. — Скажите же наконец, кто вы и что общего имели с моим мужем?

— Я жена Жильберта Арнольда, миледи, сторожа, о котором вы, должно быть, слышали раньше.

— Я действительно слышала эту крайне запутанную и печальную историю, — сухо и холодно произнесла Оливия. — Это было ужасное преступление, и мне кажется, что ваш муж должен считать себя счастливым человеком, коль скоро он избежал наказания.

— Я не была соучастницей этого преступления, миледи... Бог знает, как сильно я противилась поступку, который мог сгубить и того, кто был настоящим зачинщиком, и меня,

невинную женщину.

— Вы говорите правду? — спросила леди Лисль.

— Да, и это так же верно, как то, что на небе светит солнце! Если бы я не была невиновна, я не осмелилась бы явиться к сэру Руперту Лислю.

— Я готова вам верить, — сказала Оливия, — но скажите, что заставило вас прийти сюда, в Лисльвуд? Если я не ошибаюсь, вы в прошлом году отправились в Америку, то есть вы и ваш муж!

— Да, миледи; мой муж и сейчас еще там, насколько мне известно!.. Он никогда не обращался со мною хорошо, а в Нью-Йорке стал обращаться совсем бесчеловечно. Мы жили там недолго, когда он вдруг ушел под предлогом покупки куска земли для постройки, взяв с собой все, что у нас было, за исключением нескольких фунтов, которых, по словам его, должно было хватить мне до его возвращения. Он так и не вернулся, и я с тех пор больше не слышала о нем. Несколько добрых людей узнали о моем печальном положении и дали мне работу, и я начала, отказывая себе в самом необходимом, копить деньги на дорогу в Англию. Я надеялась, что сэр Руперт примет во мне участие и даст мне возможность прожить остаток моих дней мирно и беззаботно... Я ведь не очень старая: мисс Клэрибелль Мертон, то есть миссис Вальдзингам, и я родились в один и тот же год, но горе состарило меня раньше времени... И он мог обойтись со мною подобным образом! — добавила Рахиль как будто бы про себя.

Они дошли до замка, и леди Лисль начала быстро подниматься по лестнице.

— Идите за мною следом, — мягко сказала она своей усталой спутнице.

Пройдя холл и узкий коридорчик, они вошли в бильярдную.

Сэр Руперт стоял у стола и вынимал шары из луз; он даже не заметил прихода жены. В зале было еще несколько джентльменов, в том числе и майор, принявший на себя обязанности маркера.

— Итак, я запишу на вас еще двадцать, мой дорогой Руперт, — сказал майор Варней. — Вы отличный игрок!

— Вы совершенно напрасно подсмеиваетесь, — ответил сэр Руперт, наклоняясь над лузой, — не один я мажу и ошибаюсь, вы сами не из числа искусных игроков.

— Сэр Руперт Лисль, — сказала вдруг Оливия своим спокойным голосом.

Баронет поднял голову и взглянул на жену; в это же мгновение он увидел изможденное лицо Рахили Арнольд и страшно побледнел.

— Зачем вы водите в дом всяких нищих? — спросил он с содроганием. — Неужели же я должен принимать всех бродяг, которым придет в голову клянчить у меня деньги?.. Как вы смеете приводить этот сброд, леди Лисль? Спрашиваю еще раз: как вы осмелились на подобную выходку? Я перенес немало ваших капризов, потратил кучу денег на ваши прихоти, но подобных вещей допустить не могу.

Лицо Руперта Лисля внезапно побагровело, и на лбу его выступили капли пота.

— Когда вы оставите меня в покое, леди Лисль? — продолжал баронет. — Не тот, так другой является ко мне: давай деньги сюда, бросай деньги туда!.. На что мне богатство, если я не могу пользоваться им, как сам того хочу? На что мне этот дом, если мне не дают в нем жить спокойно?.. Чего еще вы от меня хотите?

Рахиль Арнольд кинулась перед ним на колени, страстным движением схватила его руку и прижала к губам.

— От вас хотят лишь жалости, — ответила она, тогда как баронет порывался отнять руку. — Я прошу только жалости во имя той любви, которой окружала вас в годы вашего детства! Сжальтесь же надо мною!

Продолжая стоять на коленях и судорожно сжимать руку Руперта Лисля, она с мольбою взглянула ему прямо в глаза. Не помня себя от досады и бешенства, баронет свободной рукой вдруг так сильно ударил ее по лицу, что у нее брызнула кровь из верхней губы. Она упала навзничь, испустив глухой крик.

Леди Лисль, смерив мужа взглядом, полным презрения, поспешила поднять и посадить

несчастную. Все свидетели этой сцены переглянулись, и по залу пронесся ропот негодования. Майор подошел к Лислю и в то самое мгновение, когда Рахиль упала, схватил его за горло и прижал к стене.

— Негодяй! — крикнул он. — Низкий трусишка, не имеющий и капли человеческих чувств! Клянусь, если бы я знал вас так, как знаю теперь, то не сделал бы и шага, чтобы освободить вас из конуры, в которой вы провели свою молодость... Пусть бы вы сгнили там! Я не думаю, чтобы в Ньюгэте нашелся бы хоть один презренный человек, способный сделать то, что сделали вы!.. Я ненавижу вас, я презираю вас, но больше всего ненавижу себя за то, что вытащил вас из болота!

Никто из присутствовавших никогда не видел майора в таком гневе: высокий, сильный, он казался гигантом в сравнении с прижатым к стене баронетом, который больше всего на свете хотел провалиться сквозь землю, чтобы только не видеть сверкавших негодованием глаз майора Варнея.

— Я не хотел причинить ей никакого вреда, — сказал он слабым голосом, дрожа всем телом, — зачем она устроила эту сцену? Я не хочу, чтобы всякие бродяги целовали мои руки и выставляли меня на посмешище в глазах моих гостей. Зачем, черт возьми, леди Оливия притащила ее сюда?.. Она наверняка сделала это нарочно, чтобы позлить меня... Если этой женщине нужны деньги, я их охотно дам, только бы она оставила меня в покое. Она никому здесь не нужна, и потому ей незачем здесь оставаться... Будь она проклята!

— Она останется здесь столько, сколько ей вздумается, — возразил майор, — Она останется, чтобы доказать вам, что вы человек с самой черной душой, След, который вы оставили на ее лице, не изгладится никогда, она сойдет с ним в гроб. Вы знаете, что я не из числа чувствительных, но я помню свою мать, потому что любил ее, пока люди и свет не научили меня заботиться лишь о своих интересах! Я никогда не поднимал руку на женщину, а тем более на женщину, столько сделавшую для меня в прошлом.

— Вы не знаете всего, майор Варней, — сказала леди Лисль, сажая Рахиль Арнольд в кресло. — Вам, верно, еще не известно, что несчастная женщина не принимала никакого участия в заговоре своего мужа против сэра Руперта, она была его единственной защитницей в то время, когда у него не было ни единого друга на целом свете. Мы видели, чем он отплатил за эту преданность.

— Молчите! — злобно крикнул баронет.

Майор отпустил Лисля, и тот начал поправлять свой галстук.

— Что касается вас, Оливия, — продолжал баронет, — прошу вас оставить меня в покое и не вмешиваться в мои дела... Вам легко толковать о любви и о преданности, вам, такой эгоистке! Да, вы преданны, но не мне, а моему богатству, и, кроме этой преданности, от вас ждать нечего!

Оливия гордо выпрямилась и прошла мимо мужа, не удостоив его ни единым словом; но, подойдя к двери, она остановилась и сказала со спокойной решимостью:

— Я до самой смерти не забуду вашего бесчестного поступка, вашей низости, Руперт Лисль, и не прошу себе, что могла унизиться настолько, что стала женой человека, достойного всеобщего презрения!

Она ушла, не дав ему ответить. Дверь закрылась, и гости поспешили выйти на свежий воздух. Руперт бросился в кресло и заплакал.

— Как она жестока! — говорил он отрывисто. — Как же я несчастен! Мне лучше умереть, лучше быть ее собакой!.. Я хотел бы уйти куда глаза глядят, только бы не быть здесь!.. О, если бы я мог улететь далеко-далеко от Лисльвуда!

Оливия прислала экономку, чтобы та позаботилась о Рахили. Несчастную женщину отнесли в отдаленную комнату, где горничная раздела ее и осталась при ней до прибытия доктора.

Обед был скучный: Оливия отправилась к отцу, баронет обедал в своей комнате, и майор должен был исполнять роль хозяина. Сколько он ни шутил, чтобы сгладить неприятное впечатление, произведенное сценой в бильярдной, разговор не вязался: над

присутствующими словно нависла мрачная туча. Не всякому приятно делить стол с человеком, достойным презрения, и за столом сэра Руперта не было никого, кто не предпочел бы разделить кусок сала с суссекским крестьянином, вместо того чтобы пировать в Лисльвуде.

— Я с ужасом следил за этой возмутительной, отвратительной сценой, — сказал один из стариков своему соседу по столу, — так как видел в ней доказательство униженного положения наших древних фамилий. Лисли, милостивый государь, в течение сотен лет считались самыми благородными людьми в Суссекском графстве. Могу уверить вас, что поведение этого низкого человека оскорбило в моем лице все наше почтенное английское дворянство!

XXV В БЕЛЬМИНСТЕРЕ

Вальтер Реморден нашел себе много дел в Бельминстере. Несмотря на то, что модные картинки, выставленные в окне портнихи мисс Фэг на Большой улице, за полтора года устарели, а для Бельминстера они были совершенно новыми; несмотря на то, что этот маленький городок во многих отношениях отстал на целое столетие от больших городов, — в чем-то он не уступал самым крупным промышленным городам Англии. Увы! К сожалению, по большей части это относится к преступлениям, мрачная тень которых достигает самых отдаленных уголков Вселенной! Впрочем, в отношении пороков Бельминстер, пожалуй, опередил свой век... или, вернее сказать, он утонул в их трясине, так как в эту глушь не проникал ни один луч просвещения. Жители Бельминстера были полностью предоставлены произволу своих дурных наклонностей, и темные улицы городка каждую ночь оглашались шумом и криком бесчинствовавших граждан. Последний ректор церкви Святой Марии, ленивый старик, делал иногда в своих проповедях прямые намеки на тот или другой проступок прихожан, чем вызывал их смех, но так как в Рождество он жертвовал приходу огромное количество прекрасного вина и множество припасов, его все любили, и когда он скончался, население города проводило его с почетом на кладбище. Все были опечалены, но это обстоятельство не помешало после похорон устроить разгульную пирушку и громадный скандал.

Новый ректор оказался другим человеком. Сын бедного фермера, он начал свое поприще в маленьком селе Линкольнширского графства с пятью-десятью фунтами гонорара, и понемногу своим непритворным смирением и самоотречением обратил на себя благосклонное внимание Йоркского архиепископа; все любили его, но вместе с тем и боялись. Такой человек и был нужен Бельминстеру. Голос его был полон мужества и энергии, когда он обличал пороки прихожан; грех не пугал его: он вступал с ним в борьбу и побеждал его. Он не переходил на ту сторону улицы, когда встречался с женщиной дурного поведения, он останавливал ее и спрашивал у нее: зачем она ведет постыдный образ жизни и намерена ли продолжать его в будущем, не делая попытки вернуться на прямой путь? Он всегда приноравливал свое слово к понятиям тех, с кем он говорил, и не озадачивал их громкими фразами, но убеждал ясными и логичными доводами.

— Я такой же работник, как и все вы, друзья! — говорил он кирпичнику, лентяю и пьянице. — Вы пренебрегаете трудом и надоедаете своими просьбами о помощи, имея между тем возможность зарабатывать тридцать шиллингов в неделю. Вы разленились, начали пить и потеряли место. Поверьте, и я с удовольствием выпил бы бутылку портера и провел бы весь вечер за газетой, но я не даю воли подобным желаниям. Вы также не должны поддаваться искушению, лени, а если не опомнитесь, то умрете голодной смертью.

В девяти случаях из десяти увещевания ректора приносили плоды; ленивец ободрялся и снова принимался за работу.

Мистер Гевард никогда не пытался действовать какими-нибудь увертками, которые редко достигают цели; он никогда не говорил несчастным жителям сырых подвалов, где не

было на малейшего доступа воздуха, что они жили бы гораздо лучше, если б хорошо себя вели, но старался вбить им в голову, что не следует мириться с грязью, а надо открыть окна, вымыть и вычистить свое жилище, и тогда они по мере возможности будут чувствовать себя лучше. Он сам помогал им навести чистоту и порядок, и когда это ему удавалось, когда старшая дочь бедняка, проводившая целые дни на улице, помещалась в исправительное заведение, созданное вблизи Бельминстера добрыми людьми во главе с ректором, когда старший сын, тоже имевший привычку бездельничать, определялся на плавильный завод, где мальчишки получали пять шиллингов в неделю — тогда только ректор начинал учить этих людей добру и находил, что они готовы к этому.

Мистеру Геварду стоило немалых трудов проложить себе путь к сердцам прихожан. Сначала они презирали его, потом стали бояться, а потом полюбили со всею искренностью и сердечностью. В таком положении находились дела, когда ректор обрел отличного помощника в лице Вальтера Ремордена. У мистера Геварда была дочь девятнадцати лет, горячо им любимая и любившая его. Его жена, миссис Гевард, простая женщина, проводила время за вышиваниями и вечно возмущалась глубокой испорченностью бельминстерского общества. Управление домом, раздача милостыни, шитье платья для бедных — все это было предоставлено Бланш, которая стала поверенной отца и помогала ему во всех его делах. Вечерами отец с дочерью прогуливались в саду, беседуя о событиях прошедшего дня, меж тем как миссис Гевард смотрела на них из окна гостиной и недоумевала, о чем они могли так долго говорить. Бланш была необыкновенной девушкой, она многому научилась под руководством отца: говорила на шести языках, хорошо знала историю и не затруднилась бы написать превосходную проповедь.

Молодые девушки раскрывали от удивления глаза, когда Бланш им без всякого смущения признавалась, что не училась музыке и не умеет вышивать. Ее нельзя было назвать красавицей, но ее бледное лицо дышало такой искренней, такой сердечной добротой, таким светлым умом, что человек со вкусом предпочел бы ее блистательной красавице. Ее длинные каштановые волосы падали в беспорядке на прекрасные плечи. Бланш одевалась просто, так как не посещала никого, кроме бедняков. Раз, впрочем, ей пришлось быть на каком-то балу в черном шелковом платье с длинными рукавами; бельминстерские дамы заметили, что в волосах ее нет ни одного цветка; но волосы эти были так густы и роскошны, а платье так ловко охватывало стройный стан, что она привлекла к себе всеобщее внимание. Она разговаривала со своими кавалерами, но еще, того более, со стариками, стоявшими в стороне от танцующих, с девушками, со старушками — и, несмотря на это, все ее полюбили, и она вернулась в свой тихий пасторат с приятными воспоминаниями о вечере, что не помешало ей на следующее утро проснуться в шесть часов и отправиться тотчас же в народное училище исполнять принятую на себя обязанность преподавательницы.

Бланш Гевард и Вальтер Реморден за короткое время стали хорошими друзьями. Девушка была в восхищении от нового викария: она не знала причину его грусти, но видела, что он исполняет свои обязанности едва ли не с большим рвением, чем сам мистер Гевард.

— У мистера Ремордена есть что-то на душе, папа, — заметила она отцу однажды. — Вы не знаете причину его грусти?

— Нет, Бланш, у него нет родных; содержание он получает достаточное, здоровье его в отличном состоянии!

— Ну, оно не отличное, но довольно хорошее, — перебила она, — он ведь только что оправился после тяжелой болезни.

— Тебе известно все, что творится на свете! — заметил ей отец с добродушной насмешкой.

— Он мне сам рассказал об этом, папа! — ответила молодая девушка, глядя отцу в глаза. — Он мне очень нравится, я считаю его хорошим человеком! Но я знаю, что он несчастен, а это тяжело.

— Он, верно, признавался тебе в этом?

— О нет, папа! Напротив, он постоянно старается казаться веселым, а это, конечно,

нелегко.

— Ты все замечаешь, а я не замечаю... Неужели ты, шалунья, думаешь, что я стану ломать голову над причинами вздохов Вальтера Ремордена? Я знаю только, что он лучший викарий на свете, что он добросовестно исполняет свой долг и делает добро везде, где только может.

— Мне кажется, что он был несчастлив в любви, — заметила Бланш и тут же покраснела, хотя и не была из числа слабонервных или сентиментальных; склоняясь над работой, она начала шить быстрее обыкновенного, но ректор, видимо, этого не заметил — за все это время он даже не взглянул на Бланш.

Со дня приезда в Бельминстер Вальтера Ремордена прошел год. Дружба его и Бланш росла и крепла с каждым днем, принимая характер старинного товарищества, так как в суждениях девушки было много мужского. Не было ничего, о чем бы он не мог разговориться с нею: если она и уступала ему в вопросах политики, богословия, экономики, литературы и метафизики, то была прекрасной ученицей — прямой, не жеманной, не хвастливой, жаждущей постоянно пополнять свои знания. Никто никогда не осмеливался польстить Бланш, всякая лесть казалась ей глубоким оскорблением. У нее почти не было обожателей, потому что мужчины побаивались ее, хотя и уважали за доброту и недюжинные способности.

В один декабрьский вечер Вальтер Реморден сидел в столовой в доме ректора, беседуя с Бланш и ее матерью; впрочем, миссис Гевард почти не принимала участия в разговоре. Ректор ушел после обеда в свой кабинет, чтобы просмотреть бумаги и отчеты новой народной школы. Бланш с наслаждением смотрела на груды новых книг, принесенных Вальтером, и радовалась случаю провести вечер в задушевной беседе. Однако долго наслаждаться ей не пришлось: вскоре вернулся ректор и начал рассказывать о посетителе, которого он только что отпустил.

— Я не умею давать советы, Бланш, — обратился он к дочери, — но вы с Реморденом, может быть, надоумите меня, как и чем мне помочь горю мистера Дантона, директора первоклассного пансиона в Бельминстере; он сегодня приходил посоветоваться со мною насчет одного затруднения.

— А какого рода это затруднение, папа? — спросила его Бланш.

— Дело в том, моя милая, что в числе учеников мистера Дантона двенадцатый год находится молодой человек по фамилии Саундерс, который был помещен к нему в десятилетнем возрасте; так как он по закону теперь совершеннолетний, то ему пора оставить пансион, но тут-то и возникает большое затруднение. Его привез к мистеру Дантону дядя Саундерса, назвавший себя ректором какой-то Англиканской церкви и сказавший, что этот мальчик — сын его родного брата, умершего в Западной Индии, где ребенок перенес желтую лихорадку, затмившую на время его слабый рассудок; после он оправился, но память, разумеется, к нему не вернулась, вследствие чего Саундерс-дядя решил отвезти его в Бельминстер, надеясь, что заботливый уход и свежий воздух восстановят его умственные способности. В течение десяти лет плата вносилась аккуратно: Саундерс-дядя приезжал каждые полгода повидаться с племянником и оставлял условленную сумму; но прошло уже больше года с тех пор, как мистер Дантон не получает платы и не имеет никаких известий о Саундерсе-старшем.

— А у мистера Дантона разве нет его адреса? — спросил Вальтер у ректора.

— Нет, Саундерс просил Дантона адресовать письма на имя адвоката, живущего в Грэ-Зин-сквере. Тот много раз писал этому человеку, но получил ответ, что Саундерс, вероятно, переселился в Индию, но в какое место, никто не знает.

— Дантон мог узнать это по спискам духовенства!

— О! В списках несколько Саундерсов; Дантон писал каждому из них, и все они ответили, что ничего не знают.

— Ну а подброшенный молодой человек не может разве дать никаких указаний?

— Никаких, которые помогли бы Дантону разрешить затруднение. Он не помнит

ничего, касающегося его детства, исключая то, что был опасно болен и потом жил со своим дядей Джоржем, как он называет этого Саундерса, на берегу моря. Он уверяет, что провел у моря два или три года, но где — он позабыл.

— А помнит ли он себя во время болезни?

— Видимо, нет; впрочем, он всегда делается задумчивым и странным, когда его расспрашивают об этом. Нужно заметить, что он довольно нервный и слабого здоровья.

— Его умственные способности сильно расстроены? — спросил ректора Вальтер.

— О нет, мистер Дантон уверяет, что он, напротив, очень умен.

— Милый папа! — воскликнула неожиданно Бланш. — Мне пришла в голову мысль...

— Я так и думал, что ты выручишь нас из этого затруднения! — перебил ее ректор.

— Когда будет устроено ваше новое народное училище, то вам понадобится учитель для мальчиков. Я думаю, что вам было бы очень приятно видеть на этом месте молодого человека, у которого нет нелепых предрассудков и отсталых понятий. Отчего бы вам не пригласить этого беднягу? Вы могли бы внушить ему собственные принципы и сделать из него образцового преподавателя.

— Ты права, Бланш, я так и сделаю!

На следующее утро он послал молодого викария к мистеру Дантону, чтобы тот познакомился с Ричардом Саундерсом.

— Имейте в виду, что в этом деле я полагаюсь на вас, — сказал мистер Гевард, — за пять минут вы убедитесь, годится ли молодой человек на должность преподавателя или нет, и в последнем случае мы придумаем что-нибудь другое!

Викарий нашел Саундерса сидящим перед дверью приемной. Директор пансиона ничуть не изменил своего обращения с молодым человеком с тех пор, как перестал получать за него условленную плату: он от души привязался к нему и желал ему только счастья.

— Очень грустно, — сказал он мистеру Ремордену, вводя его в приемную, — видеть молодого, впечатлительного, симпатичного человека, брошенного без всякой опоры и без средств.

Ричард со своим бледным нежным лицом и откинутыми назад русыми волосами понравился Вальтеру Ремордену.

— Вот и мистер Реморден, Ричард, — проговорил директор, — проповеди которого вы всегда слушали с глубоким наслаждением.

Молодой человек поднял голову, отложил книгу и встал, чтобы поклониться молодому викарию, покраснев, точно девушка.

— Я оставлю вас наедине, — сказал мистер Дантон, обращаясь к посетителю. — Мистер Реморден желает поговорить с вами, дитя мое! — сказал он воспитаннику.

Викарий спокойно приступил к разговору, но Саундерс отвечал односложно, перелистывая книгу, которую снова взял в руки, и Вальтер Реморден заметил, что они ослепительно белые и нежные, как у женщины.

«Что же это за личность? — подумал викарий. — Молодой человек слишком женоподобен, и я подозреваю, что ум его далеко не из самых блестящих».

Но вскоре ему пришлось убедить в обратном. Молодой человек оживился и даже сделался красноречивым; он говорил о многом, и в суждениях его проглядывал чрезвычайно здравый, хотя и не блестящий ум. Когда викарий объявил о цели своего прихода, молодой человек сказал, что готов принять на себя любые тяжелые обязанности, чтобы не обременять собой уважаемого и доброго директора.

— Я так обязан ему, — сказал он, — что едва ли найду когда-нибудь возможность заплатить за все то, что он для меня сделал. Он заменил мне близких и родных и вылечил меня от самообольщения...

— Какого? — перебил Вальтер.

— Такого, от которого я страдал после переезда в Бельминстер... Прошу вас не расспрашивать меня об этом! Я теперь вполне вылечился... Да, совершенно вылечился.

Он произнес последние слова с лихорадочной поспешностью, но овладел собой и

продолжал спокойно:

— Расскажите мне о вашей новой школе. Мне кажется, что если я вообще способен принести пользу, то принесу ее только в звании учителя. Я полюбил науку.

На другое утро Ричард пришел в дом ректора. Мистер Гевард встретил его по-дружески и поручил заботам Бланш.

— Моя дочь объяснит все, что вам нужно знать, — сказал он Ричарду. — Она мой секретарь, и мой первый помощник, и любимица моя, — добавил он вполголоса, когда вошедшая молодая девушка, откинув назад свои чудные кудри, подставила отцу свой белый, чистый лоб.

Ричард страшно сконфузился, когда его представили мисс Бланш Гевард. Он редко видел женщин и просто испугался, очутившись под эгидой молодой девушки.

О чем с нею говорить? Однако Бланш его успокоила. Пригласив его сесть, она начала объяснять ему планы новых народных школ, упомянула об их значении, привела статистические данные и в конце концов увлекла его разговором и заставила забыть, что она женщина. Впрочем, он, должно быть, не совсем забыл об этом, так как успел заметить, что у нее прекрасные умные глаза и густые каштановые волосы, что она высока, стройна, грациозна и обладает прелестно-округлыми формами. Он вспомнил, что видел ее сидящей в церкви Святой Марии на скамейке ректора и тогда еще подумал, что она, вероятно, очень симпатичная особа.

«Она, право, премилая, — решил он, когда Бланш ушла переодеться. — Какое у нее славное обращение, в ней вовсе нет жеманства! Как естественно ее желание быть полезной всем и каждому!»

Бланш возвратилась прежде, чем Ричард закончил свой мысленный монолог, хотя сознавал, что следует сказать что-нибудь миссис Гевард, занятой своим вечным вышиванием.

— Я хочу пригласить вас с собой в училище, — сказала ему Бланш, надевшая шаль и простенькую шляпу с широкими полями. — Я покажу вам дом, который строится для вас, где вы будете жить и где вам будет прислуживать старуха или мальчик. Вам, конечно, понадобится помощь на кухне?

— Вы хотите сказать, что я вряд ли сумею готовить себе еду? — спросил Ричард, краснея. — Это, пожалуй, верно!

— Жаль! — ответила Бланш. — В таком случае вам придется нанять кухарку; было бы лучше, если бы вы могли обойтись без нее!

Новое училище стояло в маленькой долине в полумиле от города. Бланш и Ричард шли рядом по мокрой траве. Дочь ректора обращалась со своим спутником без церемоний, как с младшим, хотя он был старше ее почти на три года.

— Вы давно в Бельминстере? — спросила она мягко.

— Да, уже двенадцать лет.

— А где вы были прежде?

— Я жил на морском берегу, в каком-то тихом местечке вдвое меньше Бельминстера. Помню, что там было очень мало домов и много высоких скал, теснившихся у бурного моря.

— Но вы помните название местечка?

— Нет, я, кажется, даже и не слышал его. Оно, вероятно, далеко отсюда, так как меня везли от него до Бельминстера ровно сутки. Я там не видел никого, кроме навещавшего меня иногда моего дяди Джоржа да еще старой женщины по имени Мэгвей, ходившей за мной во время болезни.

— Вы были больны?

— Да, но не очень сильно: у меня только часто болела голова.

— Но скажите, — расспрашивала Бланш, — вы приехали в Бельминстер в десятилетнем возрасте, на морском берегу провели не менее двух или трех лет — следовательно, вас привезли туда семи или, быть может, восьмилетним ребенком. Неужели вы не помните, что было с вами до этого?

— О нет... нет! — воскликнул молодой человек с выражением ужаса, который заметил и Вальтер Реморден, когда задал ему подобный вопрос. — Я ничего не помню о моем раннем детстве... Только фантазии, только глупые бредни, и больше ничего!

— А какого же рода были эти фантазии, мистер Саундерс? — спросила его Бланш, в высшей степени заинтересованная рассказом Ричарда.

— О, не спрашивайте меня о них! — сказал он. — Я поклялся не говорить об этом никому!

— Вы поклялись? Кому же?

— Дяде Джоржу. Он уверил меня, что я могу избежать сумасшествия лишь тогда, когда перестану вспоминать об этом. По его словам, мозг мой был отуманен дикими и странными идеями, и от меня зависело, смогу ли я полностью излечиться или сойду с ума. Он объяснил мне это за день до нашего переезда в Бельминстер. Я понял его слова, хотя был еще ребенком. Он заставил меня повторить за ним клятву не вспоминать фантазии, засевшие у меня в голове.

— И теперь, когда вы стали взрослым, вам все еще кажется, что ваш дядя был прав, назвав ваши идеи нелепыми иллюзиями?

— Я поклялся не говорить о них. Умоляю вас не спрашивать меня!

— Еще одно слово. Вы, конечно, помните ваших друзей, родных — отца, мать?..

— Мать!.. О! Сжальтесь, мисс Бланш! Умоляю вас именем Бога не говорить о моей матери!

Молодой человек замахал руками и повалился на землю.

Бланш встала на колени и попыталась приподнять его голову, но он прятал лицо в траву и восклицал, рыдая судорожно и отрывисто:

— Моя бедная... добрая, нежная мать!.. Она существовала только в моей фантазии... и была сновидением... как и все остальное!..

XXVI СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ

Рахиль Арнольд долго страдала от раны, нанесенной ей кулаком баронета. Усталость, лишения, волнения, дурное обращение и вечные заботы истощили последние силы этой несчастной, и она несколько недель находилась между жизнью и смертью, лежа в одной из верхних комнат Лисльвудского замка. Леди Лисль приказала сделать все для ее излечения и окружила ее заботливым уходом, но доктор сомневался в ее выздоровлении.

— Она очень слаба, миледи, — сказал он леди Лисль, — силы ее надорваны тяжелой работой. Я уверен, что бедная женщина вынесла много горя. Я помню ее, когда она еще жила со своим мужем в сторожке, а сын ее, который был похож так на сэра Руперта, играл возле решетки парка.

— Он умер от горячки! — заметила Оливия.

— Верно, верно, дорогая леди Лисль, он был такой же тщедушный, как и его мать. Меня ничуть не удивляет это известие! Однако пойду к больной!..

Бедняжка ослабла и телом, и душою, беды повлияло и на ее рассудок.

Сэр Руперт не протестовал против пребывания в замке Рахили Арнольд. Казалось, отчасти он даже беспокоится о ее состоянии. Он ежедневно осведомлялся о ней со свойственной ему осторожностью — очевидно, это и в самом деле его интересовало.

— Лучше ли ей? — спрашивал он. — Не бредит ли она? Отвечайте скорее!

— Нет, — говорили ему.

— Спокойна ли она? — продолжал баронет.

— Совершенно спокойна; она в полном сознании.

— О чем же она говорит?

— Она так слаба, что говорить ей трудно и почти невозможно.

Такие ответы удовлетворяли его, но на следующее утро он вновь задавал те же

вопросы, с той же осторожностью и с тем же плохо скрытым, но живым любопытством. Между тем ничто не могло убедить его, сколь ни беспокоился он о ее положении, войти в ее комнату, хотя она каждый день посылала за ним с просьбой прийти к ней хоть на несколько минут, чтобы она могла взглянуть на него, подержать его руку, вспомнить те дни, в которые маленьким, болезненным ребенком она держала его на коленях, и попросить прощение за то, что она решилась прибыть в Лисльвуд сейчас, когда он находится на вершине богатства и земного блаженства. Эти мольбы могли бы смягчить холодный камень, но не Руперта Лисля.

Ему вовсе не хочется скучать у постели больной, оправдывался он. Почему знать, может, болезнь заразительная? Он даже убежден, что она заразительная — какая-нибудь злокачественная, опасная горячка, схваченная на корабле. Было бы очень странно, если бы ему, баронету и первому богачу во всем графстве, пришлось умереть от горячки, заразившись от ничтожной служанки! Она должна благодарить Создателя, что попала к таким гуманным господам! Пусть довольствуется этим неожиданным счастьем!

Других утешений Рахиль от сэра Руперта Лисля не дождалась.

Майор Варней, полневший по мере того, как время оставляло все более заметный след на его волосах, не дерзая, впрочем, превращать их в седину, снова взял верх в Лисльвуде. После сцены в бильярдной он принял скипетр власти с таким невозмутимым и величавым спокойствием, как будто никогда не выпускал его из рук. Баронет занял свое прежнее положение в доме и вернулся к прежним привычкам; должно быть, он надеялся найти союзника в лице своей жены, но Оливия держалась в стороне от него, так что остался совершенно один и не мог сладить с майором. Он по-прежнему бросал взгляд на майора перед тем, как что-нибудь сказать; он по-прежнему следовал за ним, как верная собака, провинившаяся и только что подвергнувшаяся наказанию; он жил, по-видимому, по указке Гранвиля Варнея и для того, чтобы слепо исполнять его волю. Раз он заговорил со своим властителем о больной.

— Что мне делать? — начал он резким голосом. — Она надоедает мне своими просьбами, добивается свидания со мною, моего прощения и Бог знает чего еще. Я не хочу объясняться с нею, и вам это известно.

— Да, — отвечал майор. — Я прихожу в восторг, глядя на вашу руку и на ваше кольцо со сверкающим сапфиром. Вы отдали за него в Париже двадцать наполеондоров, и этим сапфиром вы рассекли губу Рахили Арнольд... Да, я вполне уверен, что вы не хотите объясняться с нею, с вашей прежней служанкой!

— Мне кажется, что вам не мешало бы придерживать язык, — злобно прошептал Руперт. — Вы извлекли из этого неприятного случая блистательные выгоды!

— Я извлекаю выгоду из всего, дорогой баронет (баронет со времени Джеймса I, помните это, мой милый, и кавалер с незапамятных времен, род Лисль — очень древний и очень знатный род!). Я извлекаю выгоду из всего, — повторил он, садясь на мягкий диван. — На рынке жизни бесспорно нет товара дороже ума. Я не торговец и употребляю все свои силы, чтобы получить наивысшую цену за свой товар, то есть за свой мозг. Я стараюсь недаром, — добавил майор Варней, вытаскивая из кармана превосходный фуляр и начиная чистить свои длинные розовые ногти оттенком.

— Ну так поймите, — ответил баронет, — что я не могу смириться с присутствием этой женщины. Я попросил бы вас пойти к ней и сказать, чтобы она держала себя поскромнее; она живет в комфорте, а если она будет досаждать мне впредь, то дождется, что я просто велю вытолкать ее в шею! Поняли вы меня?

— Еще бы! Вы хотите, чтобы я передал это Рахили Арнольд.

— Конечно, слово в слово! — подтвердил баронет.

— Это поручение не из приятных, дорогой мой Руперт.

— А мне какое дело?! Приятно оно вам или нет, вы сможете его выполнить. Вы используете меня и должны оказывать мне кое-какие услуги.

Баронет старался придать своему лицу уверенность, хотя осознавал, что это бесполезно и что ему никогда не провести майора.

— Обо всем, что я использую в данное время и чем мне будет угодно пользоваться впредь, вам толковать не стоит, — проговорил Варней, глядя на баронета. — Не забудьте, — продолжал он, — что я пользуюсь кое-чем, что сделало вас моим рабом, как если бы вы были куплены мною в Южной Америке за несколько долларов; сделавшим вас собакой, как если бы я купил вас за известную цену у торговца всякой живностью и держу на цепи в псарне, вместе с другими... Не забывайте этого!

Сказав это, майор расстегнул свой жилет и показал кушак, обнимавший его талию, к которому был прикреплен порт-папье с крепким стальным замочком.

— Видите? — произнес он торжественно. — Этот пояс противодействует увеличению веса, чем я страдаю, к большому моему сожалению; сверх того он еще и очень надежен!

Сэр Руперт Лисль вцепился пальцами в свои жидкие волосы, словно желая их вырвать; но он был чересчур изнежен и труслив, чтобы причинить себе вред или сильную боль.

— Да... Да... — воскликнул он, вертясь на стуле, — вы крепко держите меня в руках... Черт возьми! Будьте вы прокляты!

— Ах, дорогой мой Руперт! Как много у вас сходства с тем милым человеком, под кровлей которого вы провели годы благословенной молодости: вы так нее вялы и ленивы, так же скоры в ругательствах и проклятиях! — заметил майор Варней с приветливой улыбкой.

— Вял и ленив, майор? — проговорил баронет.

— Да! — повторил Гранвиль.

В то самое время, когда звук голосов майора и сэра Руперта раздавался под сводами Лисльвудского замка, а темные густые облака окутывали вершины Суссекских косогор, какой-то незнакомец прокладывая себе дорогу в одном из лесов Америки, сквозь переплетенные лианы, иссохшие сломанные ветви гигантских деревьев и колючие кустарники, которые цеплялись за него и рвали его платье, как будто находили удовольствие в том, чтобы колоть и мучить странника. Как он ни был утомлен, но все же шел вперед по высокой траве, опутывающей ноги, проклиная терновники, царапающие ему лицо и руки и превращающие его одежду в лохмотья; проклиная мрачные тени и жгучее солнце, место, в которое он стремился, и людей, которых должен был встретить; проклиная себя и весь подлунный мир. Он шел с угрюмым лицом и неподвижным взором к заветной цели, указанной ему мщением; желание поскорее достичь этой цели придавало его истомленному телу новые силы, помогая переносить трудности.

В это время майор Варней с веселой сияющей улыбкой, приглаживая усики, направлялся по длинным коридорам к комнате Рахили Арнольд. От него, как и прежде, как будто исходило какое-то сияние, озарявшее даже темные уголки, так что слуги, встречавшие его на узкой лестнице, по которой он поднимался на верхний этаж, против воли прищуривались. Вся фигура его сверкала, а брелоки часовой цепочки гармонично звякали, ударяясь друг о друга. Варней тихими шагами вошел к больной.

Эта комната, с низким потолком из дубовых бревен и косым окном, полузаслоненным выступом крыши, находилась в одной из отдаленных частей замка. У стены, противоположной окну, стояла старинная кровать под балдахин, на которой лежала больная. Бледное лицо ее было повернуто к дверям, а в широко открытых голубых глазах застыли испуг и сильная тревога. Доктор сидел в кресле у ее изголовья и задумчиво смотрел на свою пациентку, тогда как толстая сиделка глазела на деревья парка.

— Ей сегодня немного хуже, — наконец сказал доктор, — и, по всей вероятности, у нее начнется бред.

Сиделка, углубившись в созерцание деревьев, не расслышала этой фразы. Доктор вынул часы и взял руку больной, но через несколько минут с недовольным видом поднял темные брови, как будто убедился в бесплодности усилий отвратить приступ, и закрыл часы, издавшие чуть слышный металлический звук.

— Единственный сын... злой... бессердечный... дурной... неблагодарный... легко сказать: единственный сын... единственный! — простонала больная.

— Это невыносимо! — заметила сиделка, терпение которой, по-видимому, истощилось. — Она бредила всю ночь, и из-за ее единственного сына я не могла спать! Хоть кастрюли и овощи мне надоели, но это втрое хуже... Ах ты Царь мой Небесный!

Нужно заметить к слову, что дородная девушка недавно дебютировала в подвальном этаже замка в качестве помощницы кухарки, и из этого малопочтенного звания была обращена в сиделку у постели Рахили Арнольд.

— Единственный сын! — повторяла Рахиль, глядя пристальным взглядом на открытую дверь. — Злодей!.. Бесчеловечный!.. Но единственный сын!..

В это мгновение майор появился на пороге. Он был так высок, плечист и статен, что заполнял собою весь проем двери.

Доктор сидел в весьма небрежной позе, вытягивая пальцы своих черных перчаток; сиделка зевала, прикрывая рот грубыми красными руками; на окне пела птичка, в камине трещал огонь, в котле, стоявшем на тагане, закипала вода. Никто не заметил присутствия майора, за исключением больной: испустив слабый крик и собрав все силы, она соскочила с постели и, бросившись к изумленному посетителю, схватила его за ворот; казалось, что она, слабая женщина, хочет вступить в борьбу с этим высоким и сильным человеком.

— А, это вы?! — воскликнула она с безумным видом. — Вы первый злодей в мире!.. Зачем вы пришли ко мне?.. Для чего мне видеть ваше насмешливое, фальшивое лицо... Вы никогда не должны показываться мне на глаза, если вы не хотите, чтобы вас я убила!

— Я это предвидел, — спокойно сказал доктор, — я предвидел возможность приступа, так как давно заметил, что голова у нее не в порядке.

Сиделка оттащила больную от майора и снова уложила ее в постель; несчастная и не думала сопротивляться. Волосы ее растрепались и висели, наполовину скрывая бледное безумное лицо.

Майор отстранил доктора и занял его место так спокойно, как будто был другом или родным больной.

— Добрейшая миссис Арнольд, милая миссис Арнольд! — произнес он нежно. — Вы не должны тревожиться!

— О, этот страшный голос! — воскликнула больная и заметалась на пуховых подушках. — Этот проклятый голос, который говорил мне так много страшных слов...

— Слушайте, моя дорогая, — перебил ее Варней, — вам не следует говорить о голосах и ломать вашу бедную усталую головушку над различными фантазиями; нужно постараться успокоиться и терпеливо выслушать ваших друзей! Я пришел с поручением от сэра Руперта Лисля.

— Сэра Руперта Лисля... сэра Руперта Лисля! — повторяла Рахиль, продолжая метаться. — Единственный сын... единственный сын!

— Это надоест хоть кому! — воскликнула сиделка, обратившись к майору. — Разве это не утомительно? Такой она была всю эту ночь — скучной, как арифметика.

Должно быть, Рахиль Арнольд расслышала последние слова своей сиделки и перенеслась в своих видениях в то далекое время, когда она с другими молодыми девушками училась в школе, потому что вдруг начала считать диким и резким голосом:

— Семью пять — тридцать пять, семью пять... Руперт Лисль... я кладу семь... кладу сэра Руперта Лисля... я носила его... я носила его, хотя руки мои нередко уставали... ведь он был моим единственным малышом... единственным малышом!..

— Ах! Бедняжка, бедняжка! — проговорил майор со вздохом сострадания. — Грустное зрелище! Доктор Люмкинс, мне бы хотелось побеседовать с вами у меня в кабинете! Эта сцена невольно взволновала меня... Эта молодая девушка, сиделка миссис Арнольд... — спросил он, зорко всматриваясь в помощницу кухарки. — Она была ее сиделкой все время болезни?

— Да, — ответила девушка, — никто не помогал мне в уходе за больной, но я стала бояться ее с тех пор, как она окончательно спятила.

— А! Вам не помогали, — пробормотал майор. — Никто не помогал?.. Это

превосходно!

Майор Варней произнес эту фразу с рассеянным видом. Он взглянул внимательно на сиделку, на доктора и на больную, которая лежала теперь в полном изнеможении, отвернувшись к стене.

— А теперь, доктор Люмкинс, — сказал он после короткой паузы, — потрудитесь пройти со мною в мою комнату, я задержу вас не более чем на пять минут.

Майор занимал прелестную комнату в самой лучшей части замка, куда и привел доктора; четверть часа спустя доктор вышел оттуда, проникнутый сознанием собственной значимости.

— Я увижу сегодня мистера Моррисона, майор Варней, — сказал он, обмениваясь с ним пожатием руки; — я думаю, что достать подобное свидетельство не составит труда.

XXVII СТРАШНАЯ ТАЙНА

Бетси Джен, бывшей помощнице кухарки, нелегко было справляться с больной после визита доброго майора; Рахиль Арнольд бредила с каждой минутой все сильнее и сильнее; она произносила бессвязные фразы, в которых обязательно присутствовало имя Руперта. Какие только бредни не слетали с ее горячих губ! Сиделка поминутно обкладывала ее голову холодными компрессами, но они не оказывали желаемого действия. Наконец Бетси Джен махнула рукой; усевшись как можно удобнее на табуретке перед камином и прислонившись головой к медной его решетке, она принялась читать увлекательный роман «Рудольф с красной рукой».

Она, должно быть, не напрасно жаловалась доктору Люмкинсу на то, что в предыдущую ночь не смыкала глаз, так как вскоре начала путаться в нумерации страниц и перескакивать с 17-й на 20-ю. В конце концов она запуталась до такой степени, что заснула на самой интересной странице, и ей приснилось, что герой с красной рукой лежит на постели под балдахинном и говорит о сэре Руперте Лисле.

— Леди Лисль! — слышалось ей. — Леди Лисль!.. Позовите поскорее леди Лисль!..

Тут Рудольф с красной рукой начал так шуметь и буянить, что разбудил сиделку — всего лишь на мгновение: она вздрогнула и переменила положение головы, переместив ее с решетки на колени.

В это время больная, приподнявшись с подушек, смотрела на дверь.

— Леди Лисль! Позовите поскорее леди Лисль, — повторяла она.

Бетси открыла заспанные глаза, но все же и теперь не была в состоянии понять, что больная ее о чем-то просит.

— Отыщите ее! — продолжала Рахиль. — Приведите ее, чтобы я могла сказать ей кое-что перед смертью... Приведите ее, чтобы я могла спасти свою грешную душу... Слышите? Приведите ее сюда немедленно!

Но девушка сидела неподвижно. Рахиль Арнольд кидала на нее взгляды, полные бешенства, и, вдруг схватив нож, лежавший на тарелке, пронзительно закричала:

— Ступайте же за нею, или я убью вас!

Бетси Джен с криком вскочила, бросилась вниз по лестнице, а оттуда в парадные комнаты дома.

Великолепный замок с некоторых пор стал чрезвычайно скучным. Сэр Руперт уезжал то в Лондон, то в Брайтон, где играл на бильярде в гостинице «Лисльвуд», в которой когда-то останавливался Вальдзингам, то наведывался в Чичестер, одним словом, появлялся везде, кроме своего дома. Ему было здесь как-то не по себе, и он блуждал по роскошным залам Лисльвуда скорее с видом совершенно постороннего человека, чем их владельца. Его страшил даже вид старых слуг, отцы которых жили и умерли, служа знатному роду Лислей. Оливия, со своей стороны, проводила большую часть времени в Бокаже, или скакала на лошади, или сидела в своей комнате. Таким образом, весь замок был к услугам мистера и

миссис Варней. Слуги получали приказания от одного майора. В округе начали поговаривать об этих странностях, добавляя, что Оливия Лисль на ножах со своим мужем, что баронет сделался пьяницей и развратником, и его разорение неизбежно, несмотря на все старания Варнея.

Случилось так, что в описываемый нами вечер леди Лисль была дома. Она сидела у окна, смотря на шедший в это время дождь, когда дверь внезапно открылась, и в комнату влетела сиделка, пробежавшая без оглядки от мансарды до зала.

— В чем дело? Что вам нужно? — спросила леди Лисль.

— О миледи, простите! — ответила Бетси. — Бедная миссис Арнольд, миледи, умоляла меня пойти за вами... Она схватила нож и сказала, что убьет меня, если я не пойду... О миледи, идите!

— Рахиль Арнольд желает видеть меня?

— Да, да, вас, миледи; она целый день бредила, говорила, что ей нужно очистить свою душу... О миледи, идите...

— Иду, иду, — поспешно ответила леди Лисль. — Бедная женщина!.. Не знаю, что ей от меня нужно, но все-таки пойду!

Оливия последовала за сиделкой и, тихо войдя в комнату, села у постели Рахили.

— Вот я привела к вам миледи, — сказала Бетси Джен. — Не все бы согласились исполнить ваши требования!

— Леди Лисль!.. Леди Лисль!.. — повторяла больная, не замечая Оливию.

— Да, леди Лисль пришла. Если вы и сейчас недовольны, так вам после этого ничем не угодишь.

Рахиль приподнялась на локтях и взглянула на леди.

— Нет, нет, не та! — закричала она. — Приведите другую! Эта слишком мрачная, и черные глаза ее горят, как уголья... я боюсь ее! Нет, мне нужна другая!.. Мне нужна та, которая в молодости была похожа на меня! О Господи, спаси и помилуй!

— Она говорит о моей матери! — прошептала Оливия, называвшая матерью Клэрибелль Вальдзингам.

— Я говорю о той, у которой печальное и бледное лицо и белокурые волосы... О той, что вышла замуж за Реджинальда Лисля... которая до безумия любила единственного сына! Бедная леди Лисль! Мне нужно ее видеть!

— Вы не можете ее увидеть, ее нет в Лисльвуде, — ответила Оливия. — Но если вам необходимо сказать ей что-нибудь важное, вы ее увидите через день или два.

— Что-нибудь важное? — повторила Рахиль. — Дело идет о Жизни и смерти... о спасении души моей... Разве я могу умереть с такой тяжестью на сердце и на совести?

— Но, если вы хотите облегчить вашу совесть, не можете ли сделать это теперь? — сказала Оливия. — Все, касающееся миссис Вальдзингам, касается и меня. Почему вы не хотите довериться мне?

— Нет! — воскликнула больная. — Вы мне не простите. Ведь вы — его жена... И с вами я поступила еще хуже, чем с ней... да, несравненно хуже. Она может простить меня, потому что она была моей госпожой и знала меня, когда я еще была девушкой, молодой и счастливой. Она простит меня за то, что я хранила эту гнусную тайну, но вы, вы не простите!

— Вы сильно ошибаетесь! Расскажите мне все, и я даю вам слово, что прощу вам все!

— Вы даете слово?! — воскликнула Рахиль. — Но ведь вы же не знаете... вы не знаете сами, что вы мне обещаете... Повторяю вам, вы не сможете простить меня. Вы такая надменная... Я слышала, что вы очень древнего рода... Нет, от вас нельзя ждать искреннего прощения!

— Я прощу вас, — уверяла Оливия, встревоженная выходками больной. — О, скажите мне все! — добавила она, схватив руку Рахили.

— Тогда спрячьтесь за балдахин, чтобы я могла представить себе, что говорю с другой... но сперва отошлите эту девушку!

— Вы можете идти, — обратилась Оливия к сиделке, любопытство которой было

возбуждено сверх меры предыдущей сценой. — Можете отправляться, и советую вам не подслушивать нас! Сойдите вниз по лестнице так, чтобы я слышала ваши шаги!

Бетси Джен удалилась, а леди Лисль приготовилась выслушать исповедь, спрятав свое прекрасное лицо в тень занавески, отчего оно сделалось мрачнее обыкновенного.

Какова бы ни была тайна, выданная под влиянием болезненного бреда и изливавшаяся в сбивчивых и отрывочных фразах, она произвела страшное впечатление на безмолвную слушательницу: Оливия вышла из спальни Рахили Арнольд с мертвенно-бледным, почти окаменевшим от ужаса лицом и начала спускаться по лестнице, шатаясь и останавливаясь, чтобы провести рукой по холодному лбу и прошептать с испугом и жгучей тоскою:

— Можно ли быть так глубоко испорченным? Неужели все это не сон, а страшная, роковая явь?

XXVIII ПРОКЛЯТИЕ РАХИЛЬ

Остаток вечера леди Лисль провела одна в своей гостиной, привалившись к кушетке, стоявшей у камина; она о чем-то думала, устремив на огонь блестящие глаза. Позолоченные часы, стоявшие на столике, били много раз, а Оливия Лисль не отрывалась от своих грустных раздумий.

Майор с баронетом еще до обеда уехали в Чичестер, их ждали только к ночи. Оливия редко интересовалась делами мужа, но на этот раз она осведомилась, куда он отправился и когда вернется. Прекрасные часы со звоном проббили одиннадцать, двенадцать, час, половину второго, три четверти второго... Оливия терпеливо и спокойно ждала возвращения мужа. Вскоре послышался шум подъезжавшего экипажа, стихший под окнами гостиной.

«Правит майор, — подумала Оливия, — а тот презренный трус боится править ночью».

В передней раздались голоса сэра Руперта и майора Варнея. Первый говорил очень громко, но довольно невнятно, и с трудом отворил дверь гостиной. Сильно шатаясь, он дошел до дивана, упал на него и разразился оглушительным смехом.

— А мы провели сегодня славный вечер!.. Что скажешь, старый друг? — обратился он к майору, откинув назад голову и повернув к нему обрюзгшее лицо, наполовину закрытое нависшими на лоб жидкими волосами.

— Дорогой мой Руперт, разве вы не видите здесь леди Лисль? — сказал майор тоном упрёка.

— Как! Она здесь?! — воскликнул молодой человек. — Нет, я ее не вижу и не хочу видеть. Будь она проклята!.. Очень мне нужно видеть это бледное лицо с надменными глазами и самым мрачным выражением!.. Я научу ее, как со мною обходиться! Я покажу ей, кто я такой! Будь я проклят, если я ей поддамся!

Гордясь собой, презренный трус грозно сжал кулаки и торжествующе взглянул на жену.

Леди Лисль встала и, выпрямив свой стройный, величественный стан, смело подошла к мужу.

— Предположим, я знаю, кто вы такой, — сказала она сухо.

Майор стоял в дверях, снимая свои красивые палевые перчатки; при возгласе Оливии он быстро закрыл дверь и прислонился к ней.

— Предположим, что я знаю, кто вы, — повторила Оливия. — Предположим, кстати, что я, к величайшему своему стыду и унижению, знаю не только это, но и все ваше прошлое!

Ноздри и верхняя губа ее дрожали от волнения, а тело трепетало так сильно, что она была вынуждена опереться о стол.

— Драгоценнейшая леди Лисль, — начал майор Варней с каким-то напряженным выражением лица, — я положительно не ожидал от вас подобной вспышки; кто бы мог подумать, что вы с вашим умом способны на это.

— Говорю вам, — сказала леди Лисль громким и ясным голосом, — что мне известно о

подлом обмане, известна и та роль, которую играли в нем вы, майор Варней!.. Взгляните сюда! — закричала она, задыхаясь от гнева. — Взгляните на этого бессмысленного пьяницу, который по нравственности стоит ниже всякой собаки! О Боже, Боже праведный!..

Как я была глупа, если могла позволить уговорить себя пойти с ним под венец!

Она нервно расхохоталась и посмотрела на мужа с безграничным презрением.

Майор спокойно вытащил из замка ключ, опустил его в карман и подошел к Оливии.

— Леди Лисль, — сказал он, стараясь схватить ее руки, — выслушайте меня.

Она с отвращением отняла их.

— Леди Лисль! — повторила она с живым негодованием. — Как вы смеете, лицемер, называть меня тем ложным именем, которое не принадлежало мне ни единого часа, ни одной минуты?!. О глупая женщина! — воскликнула она с тоской, сменившей запальчивость. — Как могла я забыть до того, чтобы продать свою душу за роскошь и титул, пожертвовать честным и благородным сердцем — и для кого?!.. Для того, кто присвоил себе чужое имя и чванится чужим, украденным богатством!

Сэр Руперт Лисль испуганно смотрел на жену. Откинув с влажных глаз растрепанные волосы, он как-то сразу вышел из своего оцепенения и вновь сделался наглым и нахальным.

— Она, вероятно, говорила сегодня с этой чертовой бабой, что лежит наверху, — сказал он майору, — и та наговорила ей...

— Она рассказала мне все, — перебила Оливия. — Ваша мать сообщила мне все о том, кого считают сэром Рупертом Лислем.

Майор пожал плечами и улыбнулся своей насмешливой улыбкой.

— Я повторяю вам еще раз, леди Лисль, — сказал он ей спокойно, — что вы — последняя особа, от которой я мог бы ожидать такие слова. Сядем, — добавил он, пододвигая ей кресло, — и попытаемся обсудить все хладнокровно.

Оливия была так слаба и расстроена, что не смогла отклонить предложение и опустилась в кресло.

— Итак, постараемся разобрать это дело, — продолжал майор. — Вы имели неосторожность навестить несчастную больную!

— Да, — ответила она глухо.

— И эта несчастная, которая уже несколько дней страдает потерей рассудка (что известно не одному мне), рассказала вам о своих галлюцинациях.

— Я знаю, что она сообщила мне истинную правду! — возразила Оливия, не спуская с майора своих блестящих глаз. — Верьте, что я хотела бы убедиться в противном!

— А! Вы считаете, что она говорила вам правду! — пробормотал майор. — Позвольте же спросить: чем она доказала вам правдивость своих слов?

— Ничем.

— Ничем? — спросил майор с лучезарной улыбкой. — Так она не дала вам никаких доказательств... Нет? — воскликнул он вдруг, слегка повысив тон. — О, я знаю, что нет!.. Она, конечно, говорила вам, что у нее есть сын, которого какая-то знатная дама вдруг признала за собственного!.. Одним словом, она рассказала такую неслыханную басню, какую не придумать и писателю.

— Она мне сообщила, какое участие принимали вы в этой адской проделке: вы начали ее, и вы же искусно довели ее до конца — если и не самостоятельно, то с помощью других лиц.

— Дорогая леди Лисль, — снова начал майор, несколько не смущенный обвинениями Оливии, — я обращаюсь к вашему рассудку: пусть он один руководит вами, и тогда мы скорее пойдем друг друга! Неужели вы думаете, что я настолько глуп, чтобы мог бы выбрать в поверенные эту Рахиль Арнольд, если бы задумал подобную интригу. Неужели я доверился бы этой слабой, болезненной, полоумной женщине, которой бы могла не сегодня-завтра прийти в голову мысль выдать меня. Возможно ли это? Правдоподобно ли?.. Великие боги, неужели я способен сделать такую глупость?!

— Она говорила очень несвязно, но все же я поняла из ее слов, что она подслушала

какой-то разговор между вами и ее мужем, — заметила Оливия.

— Леди Лисль, мне досадно, что вы так встревожились, и вдобавок напрасно, — сказал майор торжественно. — Вы слушали бред помешанной женщины, которой нетрудно объяснить, если припомнить, что у нее был сын одних лет с сэром Рупертом и вдобавок похожий на него. Но допускайте, чтобы такая особа влияла на вас, да еще в такой степени, что вы решились сказать вашему мужу, что он совсем не тот, за кого себя выдает, и обвинить меня в подлоге и обмане. Предположим, ваши собственные интересы потребовали бы, чтобы мы добились доказательств от Рахили Арнольд, чего быть не может, потому что вы стали бы предметом насмешек целого графства как женщина, продавшая себя за титул и богатства и открывшая после, что она вышла замуж за нищего бродягу... Но если бы, говорю я, потребовались факты, какое доказательство вы представили бы?

Оливия молчала.

— Вы говорите, что ваш муж самозванец, подложный баронет, а настоящий Лисль живет где-то вдали... Смею спросить вас, где?

— Этого я не знаю!

— Я это предвидел! — произнес майор. — Это невозможно узнать!

— Пожалуй, что так! — подтвердила Оливия.

— Прекрасно! А могу я спросить у вас, когда миссис Арнольд видела сэра Руперта?

— Лет пятнадцать назад, когда его взяли из больницы домой.

— Пятнадцать лет назад, — повторил майор. — Это целая вечность, дорогая леди Лисль! Но мы, к счастью, можем опровергнуть это неосновательное обвинение. Рахиль Арнольд признана ее лечащим доктором безусловно помешанной, что письменно подтверждает ее муж, Жильберт Арнольд, подписавший свои показания в присутствии нотариуса баронета.

— Да поможет мне Небо! — воскликнула Оливия, сложив тоскливо руки. — Но я чувствую, что эта женщина сообщила мне правду.

— Ваши чувства будут вам плохой поддержкой перед лицом закона, милая леди Лисль, — возразил майор. — Мы вас не боимся, не так ли, милый Руперт? Мы не боимся также и Рахили Арнольд. На свете существует только одна особа, которою сэр Руперт должен бояться, и эта особа — майор Гранвиль Варней.

При последних словах майор похлопал рукой по жилету в том месте, где находился уже известный нам порт-папье, стальная цепочка, которой он был прикреплен к поясу, издала легкий звон.

— Да поможет мне Бог и научит меня, как поступить в моем несчастном положении, — сказала леди Лисль.

— Я советую вам оставить все как есть и не начинать бесполезный скандал, который сделает вас предметом сострадания, — вас, как честолюбивую женщину, обманутую сыном бродяги-браконьера.

В тоске и отчаянии Оливия ушла в свою комнату, чтобы обдумать все, что с ней произошло.

На следующее утро леди Лисль, проходя через холл, увидела двух человек, расхаживавших перед главным подъездом.

— Кого вы ждете? — спросила она одного из них, здорового широкоплечего малого, шея которого была обмотана красным платком.

— Мы ожидаем одну особу, которую должны перевезти в приют, но она что-то долго не идет.

— В приют?.. В какой приют? — изумилась Оливия.

— В приют для умалишенных.

Прежде чем леди Лисль смогла задать еще один вопрос, в передней появилась Рахиль Арнольд, поддерживаемая сиделкой и еще одной женщиной — с грубым выражением лица, присланной из дома умалишенных, чтобы перевезти больную.

Несчастливая Рахиль была бледна и дрожала всем телом.

— О миледи... миледи! — воскликнула она. — Не позволяйте им увезти меня от вас... я не сумасшедшая... право, не сумасшедшая!.. То, что я вам сказала — правда от начала до конца!

— Это доказывает, леди Лисль, — раздался голос майора, возникшего в дверях библиотеки, — что надо запираить в четырех стенах людей, ставших жертвами галлюцинаций, иначе они могут оказать очень вредное влияние на других, даже не вполне разумных личностей, так что эти последние в конце концов тоже сойдут с ума. Не забудьте, леди, что самый громкий титул не закрывает вход в дом умалишенных!

Женщина с грубым лицом и один из незнакомцев потащили Рахиль к выходу, но, дойдя до порога, она остановилась и, протянув свою исхудалую руку, воскликнула торжественно:

— Призываю проклятие на весь этот дом и на живущих в нем!

XXIX БЕДНЫЙ РИЧАРД

Снег уже давно растаял на улицах Бельминстера. Крокусы в саду мистера Геварда сменились великолепными нарциссами, скромные фиалки прятались в тени кустов, а Бланш Гевард проводила все свое время за исполнением принятых ею обязанностей. Прекрасный викарий был все так же печален и ревностен в делах; добродушный ректор по-прежнему боролся с грехами и недостатками своей паствы, между тем как Ричард Саундерс занимал должность директора новой народной школы. В один прекрасный майский день он сидел перед своими беспокойными учениками, терпеливо объясняя им какой-то урок. Но как он ни был неутомим, как ни был любим учениками, посторонний наблюдатель понял бы с первого же взгляда, что в этом простом училище он неуместен. Его голубые глаза выражали страдание, но вместе с тем и добродушие; в манерах его проглядывало что-то нервное, свидетельствующее о том, что его дух стремится к высшей деятельности. Но, что бы он ни думал и ни чувствовал, он превосходно выполняет свой долг, и дети преданы ему всей душой, что и доказывают самыми разными способами. Они приносят ему прекрасные букеты из своих садов и встают до зари, чтобы украсить ими классную комнату; они идут за несколько миль, чтобы достать книгу, в которой он нуждается, так как им известно, что он много занимается науками; они смотрят на него удивленными глазами, разинув рот, когда он сидит, наклонившись над каким-нибудь толстым томом, взятым им у кого-то из окрестных пасторов.

В его маленькой гостиной стоит этажерка, набитая книгами, купленными им на карманные деньги, когда-то выданные им его дядей и дававшие ему возможность удовлетворять свое влечение к науке.

В этот день он был как-то особенно молчалив и серьезен; он почти совсем не разговаривал с учениками и скоро отослал их домой, так что старшие из них ушли с унылым видом, говоря друг другу, что с учителем, наверное, случилось что-нибудь неприятное. Оставшись наедине с самим собою, Ричард погрузился в размышления. Глаза его были устремлены на открытое окно, в которое он видел тропинку, идущую вдоль красивого плетня, по которой Бланш привела его в народное училище.

— Придет ли она? — спрашивает он себя. — Она обещала дать мне последнее издание Квэтерлея, как только принесет его из библиотеки. Она так добра и так неутомима, что непременно сдержит обещание! О да, я убежден, что она его сдержит!

Эта мысль успокоила Ричарда. Он взял с полки книгу и начал ее читать, изредка поглядывая на тропинку.

— Если она принесет мне «Обозрение», не докажет ли это, что она интересуется мною? Впрочем, она сделает то же самое для беднейшего жителя Бельминстера, если только у него есть охота к чтению; она считает своим долгом доставлять людям удовольствие. В ней так мало общего с другими девушками, что нужно быть отчаянным нахалом, чтобы видеть в ее действиях признаки симпатии.

Он снова погрузился и встал, чтобы несколько раз пройти по комнате.

Ричард не был красавцем, но в лице его было что-то очень нежное и симпатичное, делавшее его в самом деле в высшей степени привлекательным. Он одевался просто, но выглядел как джентльмен. Пока он ходил из угла в угол, в окне показалось хорошенькое личико, и нежный голосок весело произнес:

— Ах Ричард, как вы нетерпеливы! Вы ходите с видом голодного льва, ожидающего обеда; а ведь я лишь немного опоздала с «Обозрением». Мне очень досадно, но я вынуждена назвать эту книгу чрезвычайно скучной: я не смогла прочесть больше шести страниц. Можно мне войти к вам?

— Да, если вам угодно! — с легким трепетом ответил молодой человек.

— Благодарю, — улыбнулась Бланш. — У меня к вам множество поручений от отца, и, кроме того, я хочу многое вам сказать, так что я зайду к вам на целых полчаса.

Молодой человек бросился открывать дверь, и девушка, войдя в классную комнату, села прямо на кафедру. В течение четверти часа она говорила о разных разностях, давала поручения, просила собрать сведения относительно родителей его учеников и т. д. Ричард хранил глубокое молчание. Опершись на подоконник, он перебирал своей нежной рукой часовую цепочку. Бланш заметила его рассеянность и сказала с нетерпением:

— Ричард Саундерс, да вы совсем меня не слушаете. Я уверена, что вы не слышали ни слова из сказанного мною.

— Это верно, мисс Гевард! — ответил он с неожиданным волнением. — Я слушаю только звуки вашего голоса, которые кажутся мне мелодичнее музыки и туманят мою голову.

— Ричард! — укоризненно сказала Бланш.

— Да, да, — ответил он с горькой улыбкой, — говорите, что я совершенно забылся, что ваша доброта сделала меня дерзким. Идите к отцу, Бланш, и скажите ему, что он принял участие в недостойном человеке, и этот человек, осыпанный его благодеяниями* отблагодарил его только тем, что осмелился полюбить его дочь.

— Ричард!.. Ричард!.. — воскликнула она с безотчетной тоской.

— Вы не упрекаете меня за дерзость, мисс Гевард?

— Нет, Ричард. Что же дерзкого в том, что вы мне сказали? Разве вы мне не равны в своих мыслях и чувствах так же, как равны и по рождению?

— Как?! — воскликнул Ричард, его бледное лицо озарилось лучом надежды. — Понимаете ли вы то, что сейчас сказали?.. Вероятно ли это?.. Неужели вы сможете выслушать мою исповедь?

— Нет, — сказала она спокойно и решительно. — Ох, Ричард, Ричард! И зачем такая мысль забрела в вашу голову? Почему бы вам не довольствоваться одною наукой, которая дает вам столько светлых минут?.. Да знаете ли вы, как тяжело любить... и любить безнадежно?.. Вы еще не испытали, каково это — вечно думать о том, кто вас никогда и не вспомнит?.. О Ричард, вы дитя, и я говорю с вами, как говорила бы с младшим братом: советую вам выкинуть эту мысль из головы.

Она говорила с необыкновенным воодушевлением; серые глаза ее разгорелись, а лицо покрылось пылающим румянцем.

— Так, значит, надежды нет?.. Нет никакой надежды? Говорите же, Бланш! Вспомните, что вы сами только сейчас называли меня ребенком; настоящее мое положение — положение временное: я готовлюсь в коллегия... Я стану ректором... Я буду равен вам, и тогда... тогда, Бланш, можно ли мне надеяться.

— Нет, Ричард, никогда!

Тихая грусть, отразившаяся на ее лице, лучше всяких слов могла бы дать понять даже самому упрямому возлюбленному, что его дело проиграно. Ричард Саундерс закрыл лицо руками и горько зарыдал. В это время в дверях показался викарий.

— Могу я войти? — спокойно спросил Вальтер, и тут же, не дожидаясь ответа, переступил порог. — Добрый вечер, мисс Гевард! Ричард, как вы себя чувствуете?

Он положил руку на плечо молодого человека и заметил, что все тело его судорожно вздрагивает.

— Что это, Ричард?!.. Ричард, да что с вами? — произнес он тревожно.

— Вы были так добры ко мне, мистер Вальтер Реморден! Я поверился вам, как старшему брату, — мягко ответил ему молодой человек. — Вы давно знаете, как я люблю ее... Простит ли она, что я сказал вам то, что сказал сейчас ей?

— Да... по всей вероятности! — ответил Реморден.

— Она запретила мне ждать взаимности как в настоящем, так и в будущем... Да хранит ее Небо! Даже ангел не мог бы сказать лучше, но она тем не менее разбила мое сердце!

Викарий не мог видеть лицо молодой девушки: она закрыла его дрожащими руками.

— Вы оба милые наивные дети! — ласково сказал Вальтер. — Не слишком ли опрометчиво подобное решение? Мне казалось, что вы созданы друг для друга, и я ожидал совсем иной развязки... Мисс Гевард, дайте руку. Как она холодна, эта бедная маленькая ручка!.. Сядем сюда, к окну; я расскажу вам повесть любви, конец которой чрезвычайно грустен, но которая может послужить вам уроком.

XXX РАССКАЗ ВИКАРИЯ

— Все знают, — начал Реморден, сев спиной к окну, так что лицо его осталось в тени, — как нелегко живется человеку, ставшему игрушкой безнадежной любви, и в особенности обманутому любимой им женщиной. Как бы то ни было, но я должен признаться вам, что и сам нахожусь в числе людей, обманутых таким плачевным образом.

Бланш вздрогнула, но ни она, ни Ричард не сказали ни слова.

— Раньше я никогда не говорил об этом, — продолжал Вальтер Реморден. — Я покорно нес свой крест, стараясь добросовестно исполнять долг; но когда я увидел этого бедного молодого человека, оплакивающего свою надежду и свои разбитые мечты, я подумал, что утешу его, если расскажу, как были уничтожены и мои надежды, оставив мне после себя одно только отчаяние.

Бланш пристально смотрела на лицо Ремордена, а голова Ричарда все ниже склонялась к конторке, за которой он обычно писал.

— Несколько лет назад, — продолжал Реморден, — я влюбился в девушку, которую считал верхом совершенства; теперь я знаю, что и она была не чужда недостатков. Помню ее высокомерие и презрение, с которым она отзывалась о слабостях других, ее честолюбивые мечты, которые более подошли бы предприимчивому мужчине. Но помимо этого она обладала таким благородным и смелым сердцем, таким ясным умом, отвергавшим все низкое и грязное, что я и теперь считаю ее выше большинства женщин. Только Богу известно, как я ее любил! Я знал, что и она любит меня; в особенности ясно она выказала глубину своей любви за несколько недель до венчания с другим!

— Она любила вас и вышла за другого?! — воскликнула Бланш.

— Да. Мы были друзьями почти с самого детства; ее отец был чрезвычайно расположен ко мне, и под его кровлей я провел все счастливые минуты моей жизни. Ей едва исполнилось семнадцать, когда мне пришлось на время уехать из пастората; мы расстались без клятв, но между нами было заранее условлено, что по моему возвращению мы обвенчаемся; я верил в ее честность, я был так убежден в искренности ее любви, что мне положительно не могла прийти в голову мысль связать ее клятвенным обещанием. Разве я мог подумать, что она может разбить мое сердце? Я смотрел на нее, как на свое второе «я»!

— И она обманула такое высокое доверие! — прошептала Бланш Гевард.

— Я отсутствовал три года, — продолжал викарий. — Мы не переписывались, потому что отец ее ничего не знал о нас; но я получал сведения о ней через людей, которые часто виделись с нею. В течение трехлетнего отсутствия я чувствовал себя совершенно счастливым. Я верил ей и считал свою женитьбу на ней едва ли не свершившимся фактом.

Быть может, Богу было угодно наказать меня за то, что я осмелился создать себе кумира из земного создания! Моя любовь была, быть может, тяжким грехом. Я был страшно наказан!

Вальтер остановился, как будто потеряв силы под тяжестью этих воспоминаний. Никто не прерывал его; переборов себя, Реморден продолжал:

— Я работал неутомимо — не столько из чувства долга, сколько и из желания удостоиться повышения и угодить ей; я постоянно ходил пешком, не желая расходовать небольшие сбережения на экипаж и лошадь и думая о том, как лучше обставить дом к блаженному дню предстоящего брака. Я не выдержал этого тяжелого труда и заболел от истощения сил. Во время моей долгой, мучительной болезни, когда я, унылый и печальный, лежал у честного крестьянина, заботливо ухаживавшего за мной, я случайно узнал, что она обручилась с богатым человеком, имение которого граничило с домом ее отца.

Голос викария прервался от волнения. Бланш подошла к нему и протянула ему свою бледную руку.

— Вы сочувствуете моему положению, Бланш, — кротко сказал викарий. — Я знаю, что вы простили мне мой грустный вид, мою необщительность, мое равнодушие к молодым девушкам, даже достойным любви и уважения! Удар был слишком страшен, и он ошеломил меня; когда я опомнился, то начал сомневаться в достоверности слухов, спрашивая себя: «Может ли быть, чтобы женщина, так горячо любимая мною, решилась променять мою любовь на золото?»

— Но у нее нет сердца! — воскликнула мисс Гевард.

— Остановитесь, Бланш! Не судите ее. Мне больно это слышать! Господь знает, что я давно простил ее, бедную, добровольно разбившую свою светлую молодость! Как только я оправился и встал, мною овладело нетерпение; я чувствовал, что должен во что бы то ни стало сам удостовериться во всем. Жена ректора моей родной деревни приютила меня с большой радостью, больного, разбитого нравственно и физически, и я оказался в двух милях от той, с которой мечтал навечно соединиться неразрывными узами!

— Вы видели ее? — спросила его Бланш.

— Да, один раз. Но короткого свидания было вполне достаточно, чтобы убедить меня, что ее заставляет вступить в брак честолюбие... что чувства ее вовсе не изменились, но она не смогла побороть искушения. Бедняжка! Она выросла и жила в бедности, а что может быть хуже для девушки из знаменитого рода, гордой по природе, чем томления нищеты? В то время я, конечно, не признавал еще этой печальной истины, я все понял позже... Я увидел тогда не только ее, но даже ее жениха.

— А он... — начала Бланш.

— О Бланш, не спрашивайте меня об этом человеке! Только при виде его я в полной мере почувствовал горечь ее измены. Чем больше я всматривался в это грубое, наглое, безмозглое создание, которому она отдавала себя, тем более ужасался. Это был очень знатный господин, но я сомневаюсь, чтобы во всех его поместьях и владениях есть хотя один человек с такой отвратительной и пошлой наружностью и с такими манерами, какими отличался этот богач!

— Но он все-таки джентльмен? — спросила мисс Гевард.

— По рождению — да; впрочем, в молодости он находился в исключительных обстоятельствах, которые могут послужить извинением его грубым манерам и полной неразвитости. Сердце мое обливалось кровью, когда я всматривался в него, понимая, что счастье любимой женщины зависит от такого жалкого существа; с этих пор я не слышал о ней ничего и избегал упоминать о ней в моих письмах к знакомым, да и те, кто знал о моих чувствах или, по крайней мере, догадывался о них, не желали, очевидно, расстраивать меня. Господь ведает, что с нею случилось. Я не могу вспомнить о ней без жгучей боли, потому что лично я не доверил бы сэру Руперту Лислю даже собаку!

В течение всего рассказа Ремордена Ричард не поднимал головы от конторки, но при имени баронета он стремительно поднялся, бледный, как смерть.

— Сэр Руперт Лисль?! — сказал он. — Неужели вы такой же сумасшедший, как и я? Я

не произносил и даже не слышал этого имени в течение долгих двенадцати лет.

— Что вы хотите сказать этим, Ричард? — спросила его Бланш.

— Я хочу сказать, что я был болен в детстве жестокой горячкой, которая отчасти расстроила мой рассудок... и что исходной точкой моего помешательства была глупая мысль, что я — сэр Руперт Лисль!

XXXI В ДОРОГЕ

В один жаркий июльский день по тропинке в двадцати милях от Ливерпуля по направлению к Лондону шел какой-то человек. Блуза его была изорвана в клочья; толстые башмаки почти развалились, а войлочная шляпа перенесла, как видно, столько бурь и невзгод, что потеряла первоначальную форму. К палке его был привешен небольшой узелок — путешественник, должно быть, не раз подвергался разным превратностям судьбы. Если бы не английские проклятия, то и дело слетавшие с его языка, вы бы могли принять его за уроженца Юга — до такой степени он загорел на солнце. Хотя вокруг него не было ни души, он шел, стараясь держаться поближе к плетням, как будто опасался встретиться лицом к лицу с каким-нибудь беспощадным врагом. Физиономия путника была не из числа приятных, и если бы он вдруг очутился перед вами в какой-нибудь пустынной местности, то вы, вероятно, имели бы основания опасаться за часы и цепочку, если не за себя самое! Даже дорога, выбранная этим странным субъектом, не внушала доверия, поскольку она была очень удобна для разбойничьих засад. В конце дороги находился пригорок с громадным дубом, на котором в доброе старое время был повешен не один злодей, продолжавший и после смерти наводить на окрестности такой же ужас, какой он наводил во время своей жизни; пригорок и поныне сохранил свое мрачное название «Жиббет-Гилль» («Косогор виселиц»).

Возле этого-то холма утомленный путник и бросился на землю, не переставая произносить проклятия, которые нарушали однообразие его одинокого пути. Вытащив из узла обглоданную кость, несколько кусков хлеба и складной ноле огромного размера, он принялся закусывать. Когда кость была очищена так тщательно, что самая голодная и жадная собака не позарилась бы на нее, он спрятал нож в карман, лег на спину и начал набивать закоптелую трубку, вытащив ее из-за ленты измятой шляпы.

— Остается пройти еще две сотни миль, — пробормотал он хриплым неприятным голосом, — я устал и голоден, мои ноги изранены, а в кармане осталось не более трех шиллингов. В таком положении нелегко, разумеется, пройти две сотни миль.

Полился бесконечный поток грубых ругательств; потом усталый путник закурил свою трубку и принялся сердито пускать клубы дыма, как будто злился на табак и старался скорее с ним покончить. Он выкурил трубку в несколько затяжек, а так как не большой запас благодатного зелья принуждал его к экономии, снова засунул трубку за ленту, и решил поспать, но через некоторое время был разбужен лаем. Открыв глаза, он проворчал одно из ругательств, приподнялся и увидел над собой пса, а рядом с ним — огромного роста цыгана, который сидел верхом на здоровенном осле, пристально всматриваясь в лицо спящего странника.

— Эй, товарищ! — крикнул цыган. — Позавидуешь вам, как вы славно храпите.

— Отзовите свою проклятую собаку! — взревел неожиданно разбуженный путник. — Или я раскрою ей башку.

Однако он был настолько утомлен, что гнев истощил последнюю его силу, и он снова повалился на густую траву, не в состоянии прибить даже собаку.

— Ваше пробуждение было чертовски неприятно, товарищ, — продолжал цыган, стуча ногами по бокам осла. — Вы, вероятно, устали от дороги.

— Да, я устал и зол, — ответил незнакомец. — Зачем вы разбудили меня? Я не спал целых четырнадцать часов! Я чувствую себя совершенно здоровым, когда я крепко сплю, потому что вижу очень приятные сны!

— Вам снится, что вы кушаете? — спросил цыган с усмешкой.

— О нет, — проворчал путник, — мне снится кое-что попривлекательнее, хотя и еда имеет для меня свою прелесть, между тем я недавно ел такую говядину, какую ни один джентльмен не даст своей собаке... Да, мне снится кое-что поприятнее еды, питья, денег, любви, даже приятнее жизни — мне снится, что я мщу заклятому и страшному врагу.

Он увлекся настолько, что приподнялся и с силой ударил своей палкой о землю.

— О черт! — воскликнул цыган. — Вы страшный человек, и я бы не желал оскорбить вас.

— Я советую всем, оскорбившим меня, бояться моей мести! — сказал угрюмый путник.

— У вас весьма болезненный и изнуренный вид, — заметил цыган, глядя ему в лицо.

— Да, я болен, — ответил он сурово. — Но я могу хворать вдвое сильнее, и все же я буду упорно идти к своей цели. У меня в дороге открылась лихорадка, которая целые сутки продержала меня на куче тряпья, да еще в таком месте, где, кажется, и собака не захотела бы лечь, и все-таки я упорно иду к цели. Я страдал ревматизмом, так что стал чистым скелетом, а все-таки, как видите, я иду к цели!.. И пусть я стану хромым и навеки ослепну, если я не дойду теперь, когда цель так близко от меня!

При последних словах его голос осекся, и он сильно закашлялся.

— Замечу вам, товарищ, что вы чересчур слабы, чтобы продолжать путь, — проговорил цыган. — Наши тут, поблизости, и смею уверить вас, они с удовольствием дадут вам приют на ночь, если я попрошу их об этом и если вы будете держать свой язык за зубами.

Бродяга нехотя принял предложение цыгана, и тот помог ему усесться на осла.

— Вы не можете идти, — сказал он, — между тем я достаточно силен и рад пройтись.

Цыганский табор находился за поворотом дороги, в миле от Жиббет-Гилля. Это было славное тенистое местечко, окруженное ольхой и осинами; посредине виднелось небольшое озеро, на берегу которого красовалась группа буков. На траве под кустами лежали двое или трое мужчин, лениво покуривали и плели рогожи; под навесом дремала свора собак, а на скамейке какая-то женщина чистила картофель. Другая, помоложе и покрасивее, спала на земле, положив под голову поношенный платок. Все, за исключением спящей, подняли головы при появлении цыгана и угрюмого всадника.

— Эй, Абрагам, кого это ты притащил? — спросил один из мужчин.

— Человека, которого я нашел у Жиббет-Гилля. Вы сделаете доброе дело, если накормите его и дадите ему ночлег.

— Мы сами не утопаем в роскоши, но живем по принципу: чем богаты, тем и рады... Не будите Британию! Бедняжка заснула, а это случается с ней нечасто.

Бродяга удивился, услышав, с каким чувством говорят о спавшей. Она была красива, но на лице ее лежала беспредельная грусть, бледные губы были судорожно сжаты, а под глазами ясно обозначились синие круги и морщины.

— Вы можете немножко помочь нам, пока поспеет суп, — сказал один из цыган, обращаясь к незнакомцу. — Кстати, как вас зовут?

Путник переминался с миной человека, не знающего, как ответить на этот вопрос.

— Джон Андреус, — ответил он сверх ожидания вежливо.

— Джон Андреус... Хорошо... А чем же вы живете, господин Андреус?

— То тем, то другим, я ничего не делал последние три месяца... Я умираю скорее от голода, а не от работы, но все же я приближаюсь к своей цели.

Он сказал это больше для одного себя, и его тусклые глаза засверкали диким огнем, как будто в его груди сидел злобный гений, подталкивавший его и дававший ему силу одолеть все преграды. Он сел и начал плести рогожи, пальцы его действовали крайне неловко, но он старался поскорее освоиться с непривычной работой. Через некоторое время женщина, чистившая картофель, сняла с огня, пылавшего вблизи навеса, котел с вкусной похлебкой, вынула из кошелки глиняный кувшин с пивом и объявила, что ужин готов.

Лицо Джона Андреуса прояснилось, когда он почувствовал приятный запах супа.

Молодая женщина, спавшая весь вечер, проснулась при стуке ложек о миски.

— Британия, — сказал тот, которого цыгане называли Абрагамом, — подойди сюда, дочь моя; ты хорошо спала и теперь можешь покушать.

— Мне не хочется есть, — ответила она с заметным усилием. — Вы так добры ко мне... но я не хочу есть, я только хочу снова идти туда...

Сверкающими глазами она указала на пылавший небосклон; ее тонкие губы были судорожно сжаты и бесцветны, как и прежде, во время сна.

— Я хочу сойти вниз, — повторила она.

Цыгане переглянулись: как ни туманны были слова молодой женщины, они хорошо поняли их значение. Она с усилием съела кусочек хлеба, между тем как мужчины отдавали предпочтение похлебке, а Джон уплетал все, что попадало под руку.

— Ну, товарищ, — спросил его самый старый цыган, закуривая трубку, — какие у вас планы на завтрашнее утро?

— Продолжать свой путь, — ответил Джон Андреус.

— Пешком?

— Ну да, пешком.

— Не хотите ли идти вместе с нами? Вы можете быть нам полезным тем или иным образом... Я не думаю, чтобы у вас были какие-то занятия или труды.

— Нет, Боже ты мой, нет! — проговорил Андреус с печальной гримасой.

— Так почему бы вам не остаться с нами?

— Только потому, что для меня существует лишь одна дорога, по которой вы, вероятно, не захотите идти.

— Почему бы и нет? — сказал цыган, подумав. — Мы едем тихо, а если спешим двинуться в путь, то единственно для того, чтобы исполнить желание этой несчастной девушки, которая стремится скорее попасть куда-то по ту сторону Лондона.

— Ия тоже иду туда, — заметил Джон Андреус.

— Мы отправляемся в Суссекс, на Чильтонские скачки; мы были там во время прошлого листопада, но случилось несчастье, омрачившее мозг этой бедной девушки.

— В какой части Суссекса? — перебил Джон Андреус с нетерпеливым жестом. — Бог с нею, с этой девушкой!.. В какой части Суссекса это было?

— В Чильтонской долине, недалеко от Чичестера.

Стало уже темно, так что говорившие видели друг друга лишь при свете спичек, которыми они раскуривали трубки. Джон Андреус хранил глубокое молчание, а потом тихо сказал:

— Решено: я остаюсь с вами!

Все обменялись с ним крепкими рукопожатиями, цыгане — дружелюбно и искренне, Джон Андреус — недоверчиво и робко, как будто завладевший его душою демон запрещал ему всякое сближение с людьми.

Потом его внезапно озарила какая-то мысль, и он спросил:

— Зачем ваша молодая спутница идет в Чильтонскую долину?

— Чтобы посетить могилу своей родной сестры, — ответил Абрагам.

Молодая девушка услышала эти слова, хотя и не прислушивалась к общему разговору.

— Она была прелестной девушкой, — прошептала она. — Ей не было еще и восемнадцати... это было доброе, кроткое существо; Сюзанна! Моя бедная дорогая сестра!

Последние слова сменились глухим, болезненным рыданием.

— Почему она так горюет о сестре? — тихо спросил Андреус.

— Это длинная история, товарищ, — ответил Абрагам, — но я, может быть, когда-нибудь расскажу ее вам. Это драма, о которой не следует говорить с чужими.

Молодая женщина окинула присутствующих гневным взором и сказала с вызовом:

— Ее можно рассказать хоть целому свету!.. Эту низкую, грязную, ужасную историю! Ее можно рассказывать и под открытым небом! Но вы ведь доведете меня? — добавила она умоляющим тоном. — Вы клялись, Абрагам, что сделаете это!

— Я сдержу свое слово и доведу тебя, дитя.

— И поставите меня с ним лицом к лицу? Не так ли?

— Ну да, лицом к лицу.

— Да наградит вас Господь за вашу доброту! — ответила она.

И, снова дав волю горю, девушка с рыданием повалилась на траву.

— Она, как мне кажется, немного того? — спросил Джон Андреус, указывая на лоб.

— Да, это почти что так, — ответил Абрагам. — У нее такое горе, которое могло бы свести с ума даже самого разумного человека. Бедняжка!.. Я хочу жениться на ней, и мне тяжело видеть ее в подобном состоянии.

Мужчины разделили между собой пиво, и когда на небе загорелись звезды, стали болтливей и откровенней друг с другом. Джон Андреус, казалось, забыл о своем демоне и тоже оживился, по примеру прочих. Время от времени он прерывал беседу, чтобы повторить цыганам:

— Я остаюсь, друзья мои, да, я остаюсь с вами!

XXXII НА СКАЧКАХ

Долина, в которой устраивают Чильтонские бега, находится в трех милях от города. Это место сбора всех бродяг и цыган, но обычно его посещают очень редко, разве только какой-нибудь фермер, возвращаясь с рынка, свернет в сторону, чтобы сократить путь, и проедет вблизи от косогора, на вершине которого возвышается обмазанный известкой шалаш, которому простодушные поселяне дали название «Большая Биржа».

Скачки бывают в начале августа. Со второго числа начинают заполняться приезжими разные шалашы и палатки, такие низкие, что в них можно лишь лежать, но никак не стоять, для чего в них навалены целые груды папоротника и других растений; лошади и ослы бродят вокруг них, ощипывая жесткую и сухую траву. Первыми посетителями, прибывшими на место, были цыгане, приютившие в своем таборе Джона Андреуса. Они приехали ночью, выбрали самый отдаленный шалаш и выказали свое присутствие лишь легкой струйкой дыма, поднимавшегося над костром.

— У нас здесь немало друзей, — сказал Абрагам, когда все по возможности удобнее расположились в шалаше, — но мы в них не нуждаемся. Для этой бедной девушки будет лучше, если мы будем одни.

«Бедной девушкой» была Британия. Пару раз Джон Андреус попытался украдкой вступить с ней в разговор, но натолкнулся на стену безысходного горя, отделявшую ее от других людей, хотя чувствовалось, что Андреус не совсем ей безразличен. Она говорила с ним, хоть и односложно, отвечая лишь на заданные вопросы, но никогда не смотрела на него и никогда ее лицо не изменяло своего вечного выражения, не проявляло никаких чувств ни в присутствии друзей, ни в присутствии чужих. Когда ей предлагали пищу или питье, она ела, чтобы только не умереть. Спала она тоже только в тех случаях, когда истомленное тело ее настойчиво требовало спокойствия и отдыха, и ее легкий сон всегда был беспокоен и полон видений.

Прибыв на место скачек, Джон Андреус еще раз спросил о причине грусти Британии.

— Вы обещали рассказать мне об этом, когда познакомитесь со мной поближе, — сказал он Абрагаму. — Мы уже давно вместе, и я надеюсь, что вы сдержите слово.

— Я расскажу вам все, — ответил Абрагам. — Иногда мне и самому хочется рассказать об этой трагедии, а в другое время я нахожу, что разгласить ее — значит отомстить оскорбившему ее... Да, я расскажу вам все как есть, Андреус.

Собеседники курили, лежа на земле на некотором расстоянии от прочих товарищей. Абрагам встал и повел Андреуса по длинной аллее к какому-то забору, на который и сел, приглашая своего спутника поместиться рядом с ним. Джон так и сделал и начал закуривать трубку, готовясь внимательно выслушать историю цыгана.

— Британия замечательно красивая девушка, — начал Абрагам. — Она была еще лучше до ночи, ознаменовавшей себя ужасным происшествием, которое не забыто нами... Всевидящий Бог знает, что оно не забыто!.. Оно-то и прогнало с ее лица румянец, а из глаз — прежний блеск!.. Да, раньше она была настоящей красавицей!

— Я верю этому, — с нетерпением проговорил Андреус. — Продолжайте, пожалуйста!

— Она не похожа уже более на ту, которая потеряна для нас, — продолжал цыган с чувством, — не похожа настолько же, насколько не похожи полевые ромашки на чудные цветы, растущие в теплицах. В ней так же мало сходства с убитой сестрою, как между тем фонарем, горящим в отдалении, и звездой, сверкающей над нами... Бедняжка... мое бедное убитое дитя!

— Вы сказали: убитое? — переспросил Андреус.

— Видите ли, товарищ: есть убийцы, которые никогда не используют ножей или других смертоносных орудий и не попадают на скамью подсудимых... Есть убийцы не тела, а души: жертвой такого убийства и стала сестра Британии!

— Я не могу понять, куда вы клоните, — перебил Джон Андреус. — Мне хотелось бы, чтобы вы выражались яснее и не отходили от главного предмета.

— Я и хочу придерживаться сущности дела, но только при условии: не торопите меня... Есть слова поострее ножа или кинжала, каждый звук которых жжет губы... но я перехожу к изложению дела. Недалеко отсюда живет прекрасный джентльмен, если только богатство и роскошь могут сделать человека прекрасным. Как бы там ни было, но он один из самых всесильных людей этого графства. В прошлом году он присутствовал на бегах, правил четверкой, а в его экипаже сидела молодая и красивая дама. Он пил шампанское и держал пари на каждую лошадь, которая могла претендовать на приз.

Джон Андреус внимательно вслушивался в каждое слово цыгана, и когда тот замолк, чтобы перевести дыхание, сказал с нетерпением:

— Продолжайте, товарищ, продолжайте, прошу вас!

— Продолжаю, — угрюмо ответил Абрагам. — С нами в то время была Сусанна — единственная сестра Британии. Она подходила ко всем экипажам и выручила к вечеру довольно много денег. Его жена, как и прочие, подозвала ее к себе, дала ей золотой за ее ворожбу и долго говорила с нею ласково и дружелюбно. Он тоже обратил на нее внимание — но не открыто, как прочие, говорившие ей, что она восхитительна; нет, он поступал иначе: подошел к ней украдкой, и один из товарищей слышал, как он говорил ей вполголоса, что если она захочет, то он подарит ей великолепный дом и щегольской экипаж. Она отошла с негодованием, но он преследовал ее и в этот день, и после, так что она старалась держаться на глазах у его прекрасной спутницы, при которой он, конечно, не смел приставать к ней. По окончании бегов оказалось, что мы заработали больше, чем ожидали. У нас была одна общая касса, и сестры отдавали нам сполна свою выручку, превосходившую вдвое нашу общую; таким образом, мы могли спокойно отдохнуть два-три дня, чтобы подготовиться к далекому странствованию. Поверите ли, что в течение этих трех дней негодяй каждый вечер бродил вокруг палаток, пытаясь поговорить с Сусанной?

— И она ничего ему не ответила? — пробормотал Джон Андреус.

— Нет! — воскликнул цыган. — Да и что могла сказать ему бедняжка? Другая, разумеется, была бы в восхищении, что за нею увивается молодой джентльмен, и не отказалась бы принять его подарки, какие ей и во сне не снились; не одна дочь фермера пустила бы тотчас в ход все женское кокетство, чтобы только удержать его возле себя, гордилась бы им перед своими подругами, кичилась бы своим влиянием на него и в конце концов осталась бы ни при чем. Но цыганки честнее, чем о них думают! Бедная девушка!.. Я как сейчас вижу, как она вбежала к нам после свидания с ним. Глаза ее горели, лицо было бледным, а зубы стучали от волнения. «Я уверена, что мы больше не увидим его, — заявила она. — Он едва ли решится прийти после того, что я ему сказала!». О, если б он и правда больше не пришел, она и теперь была бы с нами! Мы, все без исключения, остались в дураках, потому что поверили, что он больше не покажется нам на глаза, убедившись в своей

полнейшей неудаче!

— Вы, конечно, ошиблись?

— Да, мы страшно ошиблись! — ответил Абрагам, сжимая кулаки. — Мы не знали, на что способен негодяй без сердца и без чести! Накануне отъезда Сусанна попросила дать ей несколько шиллингов из общей кассы, чтобы купить себе ленты. Мы не могли отказать ее просьбе, так как ее выручка была больше нашей. Она взяла около пяти шиллингов и в три часа пополудни ушла в Чильтон. Британия и я обещали выйти ей навстречу. Бог весть, почему нам пришла эта мысль; я думаю, что так было предназначено. Стоял жестокий зной, и воздух был удушлив. Я заснул, но разбудила меня Британия, сказав с глубокой тревогой, что назначенный час уже давно прошел, а Сусанны все не видать. Сон отуманил меня, и я не обратил никакого внимания на слова Британии, только ответил, что сейчас же пойду вместе с нею, и мы встретим Сусанну. Вам знакома дорога отсюда до Чильтона, и мне незачем говорить, что по ней мало ходят, а с одной стороны ее тянется ров. Наступала ночь, когда мы с Британией вышли из шалаша. Не встретив Сусанны, мы дошли до Чильтона, где нам тотчас сказали, что она давно сделала все нужные покупки и три часа назад спокойно отправилась по дороге в наш табор. Видите ли, товарищ, когда вас ждет тяжелое несчастье, все чувства и нервы у вас напряжены до предела, и в такие минуты достаточно толчка, чтобы открылась истина. Я сейчас же смекнул, что с девушкой случилось что-то нехорошее. Я не говорил Британии ни слова, да и она молчала, но я отлично видел, что она беспокоится не меньше меня и что сердце ее предчувствует беду. Совсем стемнело, и я на всякий случай потребовал фонарь, хотя мы и без него дошли бы до табора. Британия поняла, зачем я взял фонарь. Когда мы вышли из города, я замедлил шаги, чтобы поговорить с нею. Она шла со мною рядом, но была молчалива и бледна, как мертвец. «Британия, — сказал я — пойдем вдоль рва! Сусанна могла сильно устать и прилечь где-нибудь». Я почти задыхался от сильного волнения, тяжелые предчувствия теснились в моей душе, и в довершение всего я знал, что Британия разделяет эти мысли и чувства, хотя и не высказывает мне своих опасений. Вы знаете, товарищ, что этот ров идет по одной стороне дороги, другая же граничит с равниной; я держал фонарь вровень с поверхностью воды, наполняющей ров, я вглядывался в нее с напряженным вниманием, а Британия смотрела через мое плечо.

— Что же было дальше? — спросил Андреус, когда цыган снова остановился.

— Дальше мы увидели то, чего ждали. Как раз на полдороге, в самом пустынном месте мы наши безжизненное тело Сусанны, лежавшее в воде. На траве возле рва были видны следы мужских и женских ног, а на дороге — следы лошадиных копыт. Трава была помята; это ясно указывало, что тут происходила жестокая борьба; поблизости валялся сломанный хлыст. Я сохранил этот сломанный хлыст, потому что на ручке его стояло его имя. Отчаяние Британии не имело границ; она хотела тотчас отправиться к злодею, хотя он жил довольно далеко, и перед всеми обвинить его в убийстве Сусанны. Но я убедил ее, что это бесполезно, и послал ее за одним из товарищей, чтобы донести покойницу до нашей палатки, где мы и положили ее на постель, как будто бы она умерла, окруженная своими близкими.

На другое утро я отправился к нему со сломанным хлыстом. Я встретил его гуляющим с одним из приятелей, который мне показался вдвое старше него. Когда я повел речь об этой страшной драме и показал хлыст, они расхохотались, а старший сказал вдобавок, что я придумал басню для того, чтобы выманить у них побольше денег. Перед моими глазами стоял труп несчастной Сусанны, и когда я услышал наглое утверждение, что я бесстыдный лжец и что я поднял хлыст там, где он был потерян, а именно на бегах, то я вышел из себя, бросился на младшего и чуть было не задушил его. Я не отпускал его, я был готов разорвать его на части; но сила была на их стороне. Меня потащили в магистрат, где обвинили в оскорблении джентльмена и посадили в Чильтонский острог... Но я еще встречу с ним, и очень скоро, и заставлю его помнить меня до гроба!

— Вы не назвали имени этого джентльмена, — заметил Джон Андреус.

— О, ведь дело не в имени! — возразил Абрагам.

— Но я хочу знать его, — сказал бродяга каким-то странным тоном. — Если вы не

хотите назвать его сами, то я сам назову этого человека.

— Вы?! — воскликнул цыган. — Как вы можете знать...

— Имя его — сэра Руперт Лисль, — перебил Андреус. — Он живет в замке Лисльвуд, миль за девять отсюда. Тот, которого вы видели с ним — полный, рослый мужчина в желтом жилете, с золотыми цепями, и усами, прикрывающими его проклятый рот — это Гранвиль Варней... Земля не создавала еще подобного злодея, — добавил Джон Андреус, голос которого повышался при каждом слове и наконец перешел в яростный крик.

— Будь он проклят! — воскликнул он, с угрожающим видом потрясая рукой.

— Объясните, товарищ, что все это значит! — спросил Абрагам, гнев которого был ничем в сравнении с бешенством, овладевшим Андреусом.

— Это значит, что с этой минуты мы с вами стали родными братьями, потому что у нас одна цель... Что касается того, — продолжал Джон Андреус как будто про себя, — если этот пес попадется мне под руку, хоть даже сегодня, я размозжу ему череп так же, как и тому. Богу известно, что я никогда не чувствовал к нему особенной любви. Пусть он не воображает, что во мне проявилось к нему сострадание!

Когда собеседники вернулись в палатку, Джон Андреус подошел прямо к Британии и поцеловал ее в лоб. Я уже говорила, что в нем не было решительно ничего привлекательного, и потому молодая цыганка, несмотря на свое состояние, отпрянула с видимым отвращением.

— Он тоже против него, — сказал Абрагам, — он даже готов убить его, если только не обманывает.

— Это правда? — спросила женщина, встрепенувшись, и подошла к Андреусу. — В таком случае поцелуйте меня, поцелуйте — и будем друзьями.

XXXIII СМЕРТЬ ЦЫГАНКИ

Все приехавшие в Чильтон на бега утром шестого августа чувствовали себя легко и весело по случаю чудной погоды. Солнце ярко светило и небо голубело над Чильтонской долиной. Были и недовольные, завидовавшие общей радости, которые уверяли всех, что погода чересчур хорошая, чтобы держаться долго, и что надо ждать бури. Жадные же к удовольствиям отрицали дурные предсказания и спрашивали себя: неужели такое яркое солнце и спокойное небо предвещают ненастье?

На дороге, ведущей к Чильтонской долине, было немало пыли, но суссекские фермеры весело трусили по ней в густых облаках пыли, поднятой копытами их бойких лошадей, а их жены вполне примирились с мыслью испортить свои хорошенькие шляпки, купленные нарочно по случаю бегов.

Бега начались в час пополудни, а в пять минут второго, когда был поднят номер выигравшей лошади и державшие пари фермеры отдавали и принимали деньги в середине круга, подкатил экипаж сэра Руперта Лисля. Майор Варней правил лошадьми, рядом с ним на козлах сидел баронет, а из окна выглядывало прекрасное высокомерное лицо леди Оливии. Она не упускала случая показать себя многочисленной публике, как будто говоря: «Вы уверяете, что я несчастна замужем? Говорите, что я продала себя за богатство, которое не может составить мое счастье, и за титул, который покрывает меня позором и бесславием? Смотрите же на меня, любуйтесь тем, как я поддерживаю собственное достоинство, хоть мой муж и топчет в грязи древнее имя Лисля!»

С Оливией сидели две ее сестры. Их бледные лица и бесцветные волосы подчеркивали смуглую красоту леди Лисль: они словно бы существовали для того, чтобы сделать ее еще заметнее, сознавали это и ненавидели ее от всего сердца, но их неловкие манеры и вид пансионерок придавали ей еще больше грации и смелости. Быть может, им служила утешением мысль о том, что сестра их несчастна, несмотря на все свои преимущества перед ними. Они замечали лихорадочный блеск ее глаз, нервное подергивание губ и вечное желание быть в обществе, чтобы только не оставаться наедине с собой и со своими думами.

Мужчины окружили ее экипаж, как только он подъехал к кругу, потому что она громко смеялась и была разговорчивее чопорных дам. Лишь жены фермеров, которые заботились только о домашнем хозяйстве, не уступали ей в беззаботности и беспечности. На бегах были, между прочим, несколько блестящих драгун, которые разъезжали взад и вперед, отыскивая кого-нибудь, кто бы мог представить их прекрасной леди Лисль, и задаваясь вопросом: действительно ли этот молодой человек, что сидит рядом с блистательным Варнеем, отставным майором индийской армии, — сэр Руперт Лисль?

Тут было множество цыган и цыганок; смуглые лица, выглядывавшие из-под голубых или желтых платков, окружали роскошные экипажи.

Там и сям бегали смуглые цыганята, которых наделяли то куском пирожного, то мелкой монеткой, то стаканом шампанского, которое было достать легче, нежели глоток воды.

Абрагам с товарищами ходил посреди зрителей, предлагая то подержать лошадь, то почистить платье джентльменов, беря за услуги по шесть пенсов. Странно лишь, что Джон Андреус наотрез отказался присоединиться к ним.

— У меня есть на это причины! — пояснил он. — И поверьте мне на слово, очень важные. Я буду плести рогожи, сколько бы вы ни приказали, но не выйду из шатра, пока идут бега.

Он сдержал слово и большую часть спал в палатке. Британия, в помятой шляпке, украшенной искусственными цветами и лентами, была страшно бледна, но не отставала от соплеменников. Казалось, какая-то таинственная сила удерживает ее около экипажа сэра Руперта Лисля, и если она отходила, то только на самое непродолжительное время. Оливия наконец узнала ее и знаком подозвала к себе.

— Вы были здесь в прошлом году? — спросила леди Лисль.

— Да, миледи, была.

— Вы, кажется, больны?

— Да, миледи... но я скорее больна душою, нежели телом. Силы мои слабеют с каждым днем; их уносит горе... я сама узнала страшную перемену, происшедшую со мною, только сегодня утром, когда стала надевать платье, которое не вынимала ровно двенадцать месяцев.

— Бедняжка!.. Это грустно!.. Но где же ваша сестра, эта хорошенькая девушка, которая была так похожа на вас?

— Она была гораздо красивее меня, — заметила цыганка.

— Да, она действительно была очаровательна. Я еще никогда не встречала такого милovidного личика... вы помните ее, Лаура? — обратилась Оливия к своей старшей. — Почему же в нынешнем году ее нет с вами? — продолжала она спрашивать Британию.

— Потому что ее уже больше на свете нет, — ответила цыганка, стиснув судорожно зубы, между тем как лицо ее покрылось смертной бледностью.

— Она умерла?!

— Да, она утонула во рву недалеко отсюда.

Загадочное выражение лица молодой девушки и ее многозначительная интонация внушали леди Лисль произвольный ужас.

— Она сама утопилась? — спросила она, изменившись в лице.

— Нет, не сама, миледи.

— Нет?.. Так кто же это сделал?.. Как же это случилось?.. Расскажите мне все!

— Богу известно, кем совершено это преступление, да и мы знаем имя преступника; но свет, разумеется, не узнает его, потому что он лицемерен и лжив. Люди не хотят слышать о преступлениях, если они задуманы или совершены богатым джентльменом.

— Мне грустно слышать это, — проговорила Оливия, опуская золотой в руку девушки. — Не могу выразить, как я огорчена этим известием.

Она сказала это, и вдруг сделалась серьезной и задумчивой, так что блестящие брайтонские драгуны решили, что Руперт дурно обращается с женою, поэтому она и не

кажется счастливой. После этого они направили лорнеты на баронета и засмеялись, видя, что он держит пари на самую ненадежную лошадь, руководствуясь лишь своим личным суждением.

— Бедная девушка! — воскликнула леди Лисль, снова обращаясь к сестрам. — Она была полна жизни и сил и вдобавок прекрасна!.. И погибла по милости какого-то низкого человека! Боже праведный! Да, земля, кажется, населена одними негодяями!

Чуть позднее, когда шли приготовления к последнему забегу, Британия снова приблизилась к экипажу баронета, который стоял, опираясь на дверцы. Он не разговаривал с женою и даже не смотрел на нее: он едва ли осмеливался дышать в ее присутствии, но стоял подле нее, чтобы доказать толпе, что она — его собственность.

Баронет побледнел при виде молодой цыганки, которой не замечал вплоть до этой минуты. Остатки мужества покинули его, потому что майор Варней ушел к брайтонским офицерам, среди которых у него было много знакомых.

— Не угодно ли вам узнать вашу судьбу, прекрасный джентльмен? — спросила Британия, пристально глядя ему в лицо.

— Нет! — ответил сэр Руперт.

— Как? Даже если цыганка может сообщить вам кое-что интересное? — настаивала Британия. — Когда она может рассказать вам не только будущее, но и все, что было с вами прежде?.. О сэр! «Прошедшее — преступление, виселица — впереди. Для честных наступает день, для убийцы — ночь».

— Что это такое?! — воскликнул Руперт в бешенстве.

— Отрывок из стихов, прекрасный джентльмен. Ведьмы, цыганки, мы знаем всего понемногу... Позвольте же предсказать вашу судьбу, милорд!

— Нет! Я же сказал вам, что не желаю слушать! Неужели я должен повторять сто раз одну и ту же песнь? Вы хотите выманить деньги и наговорите разных глупостей, на которые обращают внимание одни дураки... Возьмите же и идите.

Он вынул золотой и подал его. Цыганка подскочила к нему с грацией тигрицы, золотой покатился на дорогу, и она с омерзением плюнула на него.

— Вот как я принимаю дары от подобных вам! — воскликнула она.

Толпа с изумлением смотрела на эту загадочную сцену. Британия была вне себя, баронет то краснел, то бледнел, и лишь леди Лисль взирала на все это с ледяным равнодушием.

— Куртис, — сказал лорд груму, возившемуся с корзинами, — ступайте приведите полисмена, чтобы арестовать эту наглую женщину.

Грум поспешно кинулся на другой конец арены, где стоял полисмен. Но цыганка осталась на месте; она даже не слышала приказания сэра Руперта.

— Что вы хотите сделать, сэр Руперт Лисль? — спросила Оливия.

— Я хочу приказать взять под арест эту цыганку.

— На каком основании?

— На том основании, что она без причины оскорбила меня, — ответил он с запинкой, меняясь в лице.

— Я знаю эту девушку, я знала и ее сестру, — произнесла Оливия совершенно спокойно. — Я слышала недавно рассказ об убийстве бедняжки... вы не арестуете эту женщину, сэр Руперт.

— Почему? — спросил он.

— Потому, что я этого не хочу, и еще потому, что мне известно, какое участие вы принимали в этом возмутительном деле.

— Тогда пусть уходит, — перебил сэр Руперт. — Куртис, скажите полисмену, что он не нужен. У леди Лисль такое нежное сердце, что ей приятнее видеть оскорбление мужа, чем вступить за него. Убирайтесь отсюда! — обратился он к цыганке. — И чтобы я не слышал никогда ни о вас, ни о вашей сестре, ни о ком бы то ни было из ваших нищих спутников! Поняли вы меня?

— Слышу и понимаю, — ответила Британия, — слышали и другие!

Она было ушла, но возвратилась снова и тихо прошептала на ухо баронету:

— А вы, лорд Лисль, не боитесь умерших? Когда вы остаетесь одни во мраке ночи, не смотрит ли на вас из тени драпировок возле вашей кровати бледное, неподвижное и грозное лицо? Я часто вижу его при ярком свете дня и во мраке темной ночи, и если этот образ и на меня наводил невыразимый ужас, он должен положительно леденить вашу кровь!

XXXIV СХВАТКА

Майор и офицеры до такой степени подружились и сблизились под влиянием шампанского, бургундского и прочих выпитых ими вин, что даже когда скачки кончились, во всех тавернах и ресторанах заблестели огни и послышались звуки веселой музыки, когда тяжеловесные суссекские фермеры все перебивали на весах «Жокей-клуба», заплатив по пенни за это удовольствие, а место скачек старанием полисменов было приведено в надлежащий порядок, общество офицеров не захотело расстаться со своим новым знакомым.

— Мы заказали к восьми часам обед у «Короля Георга», — объявили эти джентльмены, — почему бы вам, майор, не отобедать с нами? Вы доедете до Чильтона вместе с нами в карете, а там всегда можете найти кабриолет, чтобы вернуться в Лисльвуд.

— Я бы не прочь воспользоваться вашим любезным приглашением, — сказал Варней, — но мой молодой спутник...

— Так возьмите сэра Руперта с собою, — перебил его молодой капитан, превосходный малый, — возьмите сэра Руперта! Хоть он и не очень приятный собеседник, мы как-нибудь втянем его в разговор!

Капитан и майор подошли к карете баронета и предложили ему отправиться вместе с ними в Чильтон. Сэр Руперт был еще бледен после столкновения с цыганкой, но поспешил воспользоваться предложением, надеясь отогнать безотвязные мысли.

— Я еду с удовольствием, — заметил он майору, — это меня рассеет! В Лисльвуде, право, можно задохнуться от скуки: там мрачно, как на кладбище!

Леди Оливия Лисль отправилась домой вместе сестрами, а майор и сэр Руперт поспешили усесться в офицерский фургон; капитан Гинтер правил, беседа с майором, занявшим место на козлах.

— Нам придется сегодня же вернуться в Брайтон, — сказал капитан Гинтер. — Мы должны быть на утреннем параде. Это очень досадно, не правда ли, майор?

Майор расхохотался.

— Служебные обязанности индийских офицеров так сложны и так трудны, — ответил он, — что я не в силах сочувствовать таким мелким неприятностям вашей завидной службы!

— Она была завидной, но теперь мы вкалываем не меньше других! — возразил капитан.

С наступлением сумерек веселая компания приехала в Чильтон. Столовая в гостинице, где их ждал обед, была залита светом, а стол сервирован роскошно и эффектно; хозяин, очень видный мужчина, вышел встретить гостей. Тотчас же начался обед; завязалась живая, веселая беседа, послышались возгласы, восклицания, смех. Сэр Руперт пил шампанское в громадном количестве и сделался не в меру развязан и болтлив; его идиотический хохот усиливал веселье.

За десертом один из старых офицеров добродушно пошутил над капитаном Гинтером — вернее сказать, над его богатством — (отец капитана имел мастерскую в Вест-Энде), но тот и не думал обижаться на шутку. Руперт Лисль тоже рискнул пошутить, над капитаном Гинтером и над его отцом, но сделал это глупо, грубо и бестактно! Он не успел сказать и нескольких слов, как глаза его встретились с глазами Варнея. Пристальный взгляд майора был так грозен, что баронет остался с полуоткрытым ртом, не окончив фразу.

Однако через некоторое время сэр Руперт забыл о своем поражении; он пил и

становился все глупее; он сумел до такой степени надоест офицерам, что майор Варней, потерявший терпение, схватил его за шиворот и без всяких объяснений оттащил в одну из дальних комнат.

— Ложитесь и проспитесь! — сказал он с омерзением. — Вы неуместны в обществе порядочных людей, вы такой же невежа, как и ваши воспитатели.

Погреб Лисльвуд-Парка завалены шампанским, но вы не в состоянии выпить двух-трех бутылок, чтобы не опьянеть самым отвратительным образом. Лежите и спите!

Немногие из джентльменов, чьи фамилии занесены в золотую книгу, а владения которых обширны и известны так же, как владения Лислей, не допустили бы подобное обращение, но владелец Лисльвуда без единого слова выполнил приказание майора, как будто Варней был настоящим наследником знаменитого рода, а он — его слугой.

Приятное расположение общества еще более увеличилось после поступка майора.

Офицеры собрались у открытых окон, закурили сигары и стали любоваться Чильтонским рынком, освещенным луной. Улица была пустынна, лишь одинокий полисмен прохаживался по другой ее стороне, прислушиваясь к шуму в гостинице и мысленно радуясь множеству полукрон, которые достанутся ему сегодня. Был уже второй час ночи, когда последняя бутылка шампанского свалила одного из офицеров с ног, и лошади с нетерпением забили копытами у подъезда гостиницы.

— Нам предстоит порядочная прогулка до Брайтона, — сказал капитан Гинтер. — Не лучше ли отправиться равниной, чтобы к четырем часам приехать в «Лев»?

Хозяин гостиницы «Король Георг» подогнал майору и сэру Руперту маленький догарт, запряженный весьма прыткой лошадкой, который должен был отвезти их в Лисльвуд.

— Отпустите вожжи, — сказал он майору, — дайте ей свободу, и она довезет вас до Лисльвуда так скоро, что вы едва успеете опомниться.

Чтобы разбудить баронета, пришлось его трясти и кричать ему в уши. Проснувшись, он стал сильно браниться и спрашивать, где он теперь находится. Майор Варней счел лишним напрасно терять время и, взяв его за шиворот, помог спуститься с крутой лестницы и уложил в догарт. Затем последовали долгие рукопожатия, поднялись шум и крики; молодые люди рассаживались в экипаже, только молодой корнет, на которого вино подействовало слишком сильно, не принимал участия во всеобщей суете.

Полисмен перешел улицу, чтобы сделать им замечание, но, получив несколько заветных полукрон, сделался глух и не сказал ни слова, когда один из офицеров взял флейту, и экипаж удалился под звуки галопа «Почтовый рожок», который офицер исполнял со всей силой своих здоровых легких.

Майер Гранвиль Варней всегда был начеку, но когда он услышал грохот дрожек по улице и веселые голоса молодежи, то почувствовал нечто вроде грусти при мысли о том, что должен ехать в Лисльвуд.

«Я мог бы отправиться в Брайтон вместе со своей компанией, — подумал он со вздохом, — мог бы заночевать в гостинице „Корабль“, но что мне делать с этим презренным пьяницей, с этим пошлым глупцом?»

Майор подобрал вожжи и тронул лошадь.

Вскоре он уже был на дороге в Лисльвуд.

— Это дорога довольно скучна даже и днем, — продолжал рассуждать майор, — ее беспрестанно пересекают дороги поменьше. Надеюсь, что лошадь не собьется с пути!

Сэр Руперт заснул и при каждом толчке экипажа тяжело ударялся головой о майора.

— Я начинаю тяготиться этим болваном, — проворчал сквозь зубы индийский офицер. — Нет ничего приятного в том, чтобы дрессировать такое нелепое животное. Кошелек у меня набит довольно туго, и могу прожить, не нуждаясь ни в чем, кроме того, у меня есть кое-что, чем я могу держать этого дурака в полном повиновении. Приведу свои дела в порядок и уеду с женой из Англии. Мы можем поселиться во Флоренции и жить там до смерти. Как мы постарели и обленились! Мы, по-своему, делали не много добра, но и не много зла; но зато мы не делали того, что называют преступлением; мы не давали закону

права сказать о нас: «Эти два человека — в моей власти!» Приятно повторить себе эти слова в конце бурной жизни, — прошептал майор с каким-то упоением.

Майор не был пьяницей, кроме того, его железные нервы и крепкое сложение позволяли ему пить много и без всяких последствий.

Несколько стаканов вина, которые он выпил в гостинице, лишь оживили его рассудок. Он ехал, предаваясь серьезным, но далеко не неприятным мыслям. Если у Гранвиля Варнея и была когда-то совесть, то он отогнал от себя этого неприятного соседа так давно, что не помнил времени, когда его голос надоедал ему своими увещеваниями.

— Красота или, скорее, порядок моей жизни, — говорил майор, — это результат моего добросовестного изучения закона. Человек со дня рождения живет в его власти. Когда он плутует в игре, закон карает шулера; если он добровольно залезает в долги — его берут в опеку в исполнение закона; если он пожелает жениться вторично при живой жене — закон запрещает ему это; если кто-то взял деньги в долг, а кредитор внезапно умер, то закон должен знать, как это произошло.

Развлекаясь этими размышлениями, майор продолжал ехать по пустынной дороге, освещенной луною, а его товарищ, покачиваясь в маленьком экипаже, спал глубоким сном.

Во всем графстве Суссекс нет более неприятной дороги, чем эта. Она представляет собой не что иное, как длинный косогор с крутыми поворотами; с одной стороны тянутся тощие кусты вереска, с другой — голый откос. Возница менее опытный, чем майор Варней, сильно рисковал бы, проезжая по этой трудной дороге при бледном лунном свете, но индийский офицер привык к опасностям и поднимался на крутой косогор, ведя под уздцы лошадь. На вершине темнел густой кустарник, который вырос здесь с тех пор, как проложили эту невыносимо скучную дорогу. Майору показалось, что он видит за ним силуэт человека, он не ошибся. Когда он был на самом верху, человек вышел к нему навстречу и схватил лошадь за узду.

— Сударь, можете ли вы подвезти меня и моего товарища? — спросил он спокойно.

— Нет! — ответил майор. — Мне предстоит проехать десять миль, а лошадь утомилась.

— Мне кажется, сударь, что вы могли бы отвечать повежливее. Я вас остановил не без пользы для вас: разве вы не знаете, что у вас оборвались постромки?

— Нет! — ответил майор.

— Слезьте и посмотрите.

Незнакомец был прав. Майор поспешил выйти и осмотреть упряжь.

— Какая досада, — проворчал он угрюмо, — нет ли у вас веревок?

— Ни дюйма, но внизу, кажется, есть жилище, и очень может быть, что вы найдете там все, что вам нужно.

— Хорошо. Сэр Руперт, вылезайте!

Но баронет молчал; он соскочил с сиденья и сидел на корточках на ковре экипажа!

— Подождите, — сказал майору незнакомец. — Вас не знают в деревне, и придется стучаться до зари, прежде чем вам отворят; меня там знают и сделают все, что я попрошу. Я сведу лошадь вниз, разбужу крестьян и почию упряжь, а вы подождете меня здесь.

При других обстоятельствах майору показалась бы подозрительной такая услужливость, но он сильно устал, ему хотелось спать, и он был очень рад, что ему не придется вести лошадь с пригорка. Он принял предложение и обещал незнакомцу полкроны за труды.

Майор Варней остался один на косогоре. Он стоял, обернувшись спиной к кустам, и смотрел на песок. Через некоторое время он взглянул на часы: при лунном свете стрелки были прекрасно видны.

Была четверть четвертого.

«Мы не потеряли время, — подумал он, — и будем в Лисльвуде в четыре часа».

Он достал портсигар и закурил сигару. Красный огонек был хорошо виден в окружающей тьме. Вдруг он ощутил быстрое, горячее дыхание. Варней обернулся и оказался

лицом к лицу с широкоплечим человеком, одетым в крестьянскую блузу.

— Кто вы и что вам нужно? — процедил майор, не отнимая сигары ото рта.

Человек не ответил.

Появление подобного субъекта в уединенном месте в такой поздний час, его мрачное молчание — все это потрясло бы до глубины души человека трусливого, но безграничная храбрость майора при опасности только увеличивалась.

— Кто вы? — закричал он, отбросив сигару и схватившись рукой за свою массивную золотую цепочку. — Кто же вы? Отвечайте, или я сброшу вас в эту темную яму!

— Берегитесь, пока я не сбросил туда вас, — ответил хриплый голос, который был ему хорошо знаком.

— Мне не нужны ваши часы! — продолжал бродяга презрительно. — Я мог бы их взять много лет назад, но не сейчас... не сейчас... Мне нужны вы — ваша душа и тело! Ваше тучное тело и ваша беспощадная, низкая душа! Ну, начнем! Дело идет о жизни и смерти кого-то из нас!

Незнакомец обхватил майора своими грубыми и жилистыми руками, но майор, в свою очередь, успел схватить его за ворот блузы.

Сцепившись, они боролись на узкой дороге, раскачиваясь из стороны в сторону, то приближаясь к краю пропасти, то отталкивая от нее друг друга. Майор был хладнокровен и боролся с мастерством опытного борца: он был настороже и использовал все ошибки противника.

Незнакомец ободрял себя криками и изрыгал проклятия; этот дикий зверь был тем ужаснее, что владел даром слова.

Я вам говорил, — рычал он, задыхаясь, — я ведь вам говорил, чтобы вы остерегались, если я вернусь когда-нибудь на родину... Я вас предупреждал, я говорил правду... А теперь я вернулся!.. Я шел, страдал, голодал... и я пришел, чтобы покончить со своей несчастной жизнью! Я пришел, чтоб убить вас... и убью!

Эти слова звучали пронзительно, как крик, в молчании ночи.

Ни рядом, ни вдалеке не было никого, кто мог бы услышать крики и разнять боровшихся.

— Все деньги, которые вы добыли интригами, не спасут вашу жизнь, — в озлоблении говорил противник майора, — все ваши драгоценности не избавят вас от моих ударов. Я вас ненавижу!.. Как я вас ненавижу!.. Я пришел вас убить, понимаете вы это?

Майор не отвечал, но его изящные и красивые руки со страшной силой сжимали шею злого противника, а голубые прекрасные глаза светились диким блеском. Однако молчание его лишь усиливало злобу и ярость незнакомца.

— Вы знаете меня, — восклицал он отрывисто, — вы знаете меня и знаете причину моей глубокой ненависти! Я вас ненавижу: вы пользовались мной, чтобы достигнуть цели. Я был вашим орудием, и вы смеялись надо мной, когда достигли цели. Вы вывели тайну моей несчастной молодости и грозили мне ею. Вы узнали, что я застрелил человека, которого я тоже ненавидел, но ненавидел во сто раз меньше, чем вас! Слышите вы меня?

— Конечно, — хладнокровно ответил майор.

В конце концов искусство и отвага одержали верх: индийский офицер повалил Жильберта Арнольда на дорогу и уперся коленом в его мощную грудь. Однако браконьер был готов ко всему. В ту самую минуту, когда Варней нагнулся и взглянул в багровое лицо Арнольду, тому удалось вытащить из кармана широких панталон маленький пистолет. Прежде чем майор заметил его движение, он успел взвести заржавленный курок и выстрелил прямо в лицо противника. Майор, пораженный насмерть, упал на убийцу и испустил дух. Жильберт Арнольд освободился из-под грузного тела и начал быстро рыться в карманах Варнея. Он взял его часы, множество золотых и портмоне, наполненный деньгами: майору сегодня везло на скачках!

Затем с криками дикой радости браконьер поволок свою жертву к краю песочной ямы, оставляя за собой длинный кровавый след, и сбросил в пропасть. Тело тихо скатывалось по

склону, задерживая кусты, пока под собственной тяжестью не оборвалось вниз и не упало с шумом на дно глубокой ямы.

В это время цыган, сводивший лошадь под гору, был уже далеко от места происшествия. Он спустился с пригорка и, стегнув лошадь, погнал ее бешеным галопом.

— Сегодняшняя ночь будет последней в жизни Руперта Лисля, — прошептал Абрагам, прислушиваясь к шуму катившихся колес. — Эту месть нельзя равнять с преступлением: она слишком слаба. Но все ж честнее хоть как-то отомстить убийце, чем пощадить его!

XXXV ПРИ СМЕРТИ

Селение Лисльвуд было взволновано известием о несчастье, постигшем владельца Лисльвуд-Парка.

Рано утром, на другой день после бегов, несколько пахарей, отправляясь на работу, нашли сэра Руперта Лисля — разбитого, изуродованного, окровавленного — на малолюдной дороге, что идет от Чильтона к Лисльвуду. Обломки экипажа валялись на земле; оси были поломаны, одно колесо разбито, а сбруя разорвана на куски.

Рабочие принесли носилки и, положив на них тело бесчувственного баронета, отнесли его за три мили к доктору в селение Унтергиль, стоящее на полдороге от Лисльвуда.

Деревенского эскулапа они застали за завтраком. Увидев больного, он тотчас же встал из-за стола. Боязливая и любопытная толпа крестьян заполнила окна и двери маленькой приемной, где по указанию доктора сэра Руперта Лисля положили на стол.

Одна нога его была совершенно раздроблена, правая рука — тоже, плечо вывихнуто.

Осматривая все эти повреждения, врач сильно призадумался.

— Знают ли его имя люди, которые принесли джентльмена? — спросил он.

— Нет, они нашли его на дороге около разбитого экипажа.

— Неприятный случай, — сказал доктор, — состояние больного чрезвычайно опасно.

Он мог бы сказать, что больной безнадежен.

Все это время сэр Руперт находился в полнейшем беспамятстве.

В кармане его жилета нашли маленький порт-папье, украшенный эмалью и жемчугом, и по карточке узнали имя и звание его владельца.

Унтергильский врач был молодым человеком, который никогда не имел счастья лечить влиятельную личность; его посетителями были богатые фермеры и удалившиеся от дел торговцы. При мысли, что ему придется лечить настоящего баронета, он побелел и стал почти таким же бледным, как и его пациент.

— Извольте растворить настезь окна и двери, — сказала он, — да уходите отсюда: при таком стечении народа невозможно дышать. Ступайте по местам и дайте сэру Руперту прийти в себя.

Сэру Руперту! Так это был лорд Лисль из Лисльвуд-Парка — бесчувственный, безжизненный, покрытый пылью, в окровавленной одежде на столе в кабинете мистера Дэвсона!

Эта новость не могла убедить присутствовавших уйти поскорее: они направились было к выходу, но потом тихонько повернули назад. Состояние сэра Руперта не предвещало, что он может скоро прийти в сознание. К его ноздрям подносили нашатырный спирт, натирали виски уксусом, прыскали на него холодной водой — но когда он наконец открыл налитые кровью глаза, то только для того, чтобы бессознательно осмотреться вокруг и закрыть их.

Молодой доктор решил послать в лучшую гостиницу за лошадьми и экипажем, чтобы отвезти баронета в Лисльвуд.

Полдюжины крестьян отправились исполнять это поручение, в то время как прочие остались на месте, чтобы узнать, что будет дальше. Эти добрые люди, должно быть, воображали, что мистер Дэвсон за какие-нибудь полчаса вправит разбитые члены баронета и вернет ему здоровье.

Огромный, тяжелый старинный экипаж, запряженный белой лошастью, с шумом и грохотом подъехал по неровной мостовой и остановился у дома доктора.

Баронета положили на матрац и бережно понесли в экипаж. Здесь матрац прикрепили каким-то замысловатым способом к изъеденным молью каретным подушкам. Доктор, запасшийся микстурами, примочками и бутылкой спирта, поместился возле больного. Он отдал старому кучеру нужные приказания: доктор хотел побыстрее сдать баронета с рук на руки его жене и друзьям.

Оливия Лисль завтракала в библиотеке возле готического окна. Она была не одна: миссис Варней лежала на кушетке по другую сторону окна и зевала над каким-то журналом. Нельзя сказать, чтобы эти женщины были очень дружны, но они никогда не ссорились друг с другом. Ада Варней равнодушно взирала на все, кроме роскошных платьев, изысканных обедов, щегольских экипажей и красивого замка. Получив все это, она жила всегда в мире и согласии со своей судьбой и сделалась самой любезной женщиной на свете. Лисльвуд осуществил все желания Ады. Она сознавала, что майор играет практически главную роль в замке, и потому считала себя равной с Оливией.

Ни та ни другая не беспокоились относительно долгого отсутствия баронета и его друга. Оливия вообще интересовалась мужем только как вредным и гадким животным. Ада, наоборот, питала такое бесконечное доверие к блестящему майору, что не стала бы тревожиться, даже если бы он пропал на целый месяц; но ее, разумеется, утешила бы мысль, что ее муж имеет для этого разумные причины.

Итак, дамы сидели за завтраком. Леди Лисль, печальная и рассеянная, отсутствующим взглядом смотрела в сад, в то время как миссис Варней, подсев к столу, обсасывала голубиное крылышко, трудилась над кусочком поджаренного хлеба, очищала абрикос и уничтожала большую грушу, разрезанную на четыре части: она с истинным эпикурейством не пренебрегала ни одним лакомством.

— Знаете, леди Лисль, — начала Ада, некоторое время внимательно наблюдавшая за Оливией, прикрыв свои прекрасные продолговатые глаза, — знаете ли, что я иногда нахожу в вас много общего с одним человеком, умершим в этом доме?

— Вы говорите о капитане Вальдзингаме?

— Да, о бедном Артуре Вальдзингаме, который женился на вашей хорошенькой белокурой свекрови и закончил свое земное поприще в этой роскошной темнице. На вашем лице выражается что-то, много раз замеченное мною в лице капитана, — это выражение человека, испытавшего что-то ужасное.

— Да, и я испытала нечто ужасное, — ответила Оливия, сдвинув черные брови. — Это вам известно так же, как мне самой, только удивительно, что побудило вас заговорить об этом.

Миссис Гранвиль Варней с кротким видом взглянула на потолок.

— Дорогая леди Лисль, умоляю вас не забывать, что я положительно ничего не знаю, — возразила она. — Каковы бы ни были тайны моего мужа, они остаются тайнами и для меня, так как я слишком глупа, чтоб он доверял их мне.

Она пожала плечами, и, скорчив веселую гримаску, вышла из библиотеки, напевая баркароллу.

Через полчаса Оливия приказала оседлать свою лошадь и отправилась на ней в поле.

Отъехав немного, она встретила на дороге тяжелый экипаж, медленно катившийся по направлению к Лисльвуду, но она так задумалась, что не обратила на него никакого внимания.

Когда она вернулась, пробило пять часов. Жена сторожа встретила ее взглядом, полным участия: ей страх как хотелось сообщить своей госпоже о случившейся катастрофе. Сторож вышел к воротам с трубкой во рту, а возле самой решетки стояло несколько крестьян, которые явились для того, чтобы узнать подробности происшедшего и разнести их по Лисльвуду.

Оливия заметила, что все эти люди сгорают желанием сказать ей что-то важное.

— Что случилось? — спросила она, обращаясь к жене сторожа. — Зачем сюда пришли все эти крестьяне?

Этого было достаточно, чтобы развязать язык, давно просившийся на волю.

— О миледи! — воскликнула она. — Бедный сэра Руперт... несчастный джентльмен!.. Но не поддавайтесь горю, миледи, вооружитесь мужеством!.. Он может прийти в себя, миледи... При нем находится теперь лондонский доктор, и он делает все, что от него зависит... Не тревожьтесь, миледи!

Но леди Лисль вовсе не казалась в отчаянии, лишь лицо ее побледнело больше обычного да черные глаза широко открылись. Один из крестьян поднес было ей стакан чистой воды с выражением искреннего сожаления, но она вырвала стакан из его рук и бросила на землю, так что он разбился вдребезги.

— Разве с вашим господином что-нибудь произошло? — обратилась она к жене сторожа, и голос ее по-прежнему оставался ровным и звучным.

— О миледи, от вас следовало бы скрыть все это... вы не...

— С ним что-нибудь случилось?.. Отвечайте же! Намерены ли вы ответить или нет?

— О миледи, сэра Руперт выпал из экипажа, и его жизнь в опасности... Но вы не...

Прежде чем женщина успела закончить фразу, Оливия хлестнула лошадь по спине и поскакала к замку.

Оставшиеся переглянулись, когда леди Лисль исчезла между деревьями аллеи.

— Как странно она приняла это известие, — пробормотала жена сторожа. — Она просто рассердилась, но и не думала огорчаться. Я бы на ее месте подняла такой крик, что слышно было бы за милю от сторожки.

Муж ее утвердительно кивнул головою: он помнил, что она во всех случаях, хоть немного выходящих из ряда вон, начинала вопить что есть сил.

— Не все поступают одинаково в одинаковых обстоятельствах, — заметил он внушительно, — но все говорят, что сэра Руперт и миледи не были счастливыми супругами, — добавил он шепотом.

Леди Лисль прошла прямо в комнату, находившуюся рядом со спальней мужа. Два доктора с серьезными, торжественными лицами, совещались в амбразуре окна, между тем как мистер Дэвсон, доктор из Унтергиля, держался от них на почтительном расстоянии и беспрестанно потирал свои руки.

Управляющий сэра Руперта вытребовал телеграммой из Лондона и Брайтона известных докторов. Доктор Дэвсон совсем стушевался перед этими знаменитостями, которые угрюмо посматривали на него сквозь очки и недоверчиво покашливали, когда он рассказал, какого рода помощь была им оказана баронету. Леди Лисль, бледная и спокойная, с развевающимися черными волосами, появилась перед светилками науки.

— Я слышала, что сэра Руперт подвергся опасности, — произнесла она спокойно. — Не потрудитесь ли вы, господа, объяснить мне, что, собственно, с ним случилось?

— Мадам, — торжественно ответил один из докторов, — будьте уверены, что наука употребит все силы, чтобы спасти сэра Руперта. Если только можно спасти его, то мы сделаем это.

— Но вы предполагаете, что это будет трудно сделать?

Доктора ожидали слез и криков, и хладнокровие леди Лисль поставило их в тупик.

— Да, миледи, это довольно трудно, — ответили они.

При этих словах, произнесенных таким тоном, что их можно было принять за смертный приговор, Оливия побледнела еще сильнее и поднесла руку ко лбу, как будто желая привести в порядок мысли.

Мистер Дэвсон, вообразивший, что ответ знаменитостей расшевелил бесчувственную леди Оливию, пододвинул к ней кресло.

— Она, однако, не упадет в обморок, — шепнул брайтонский доктор, невольно покраснев за свою недогадливость.

— Господа, я уверена, что вы внимательно отнесетесь к больному, — сказала леди

Лисль. — Испробуйте все средства для спасения! Если вам угодно созвать консилиум, то умоляю вас пригласить самых опытных докторов. Следует принять быстро все возможные меры, а затем предоставить решение провидению и ждать его с покорностью.

Леди Лисль вела себя так не похоже на всех жен и всех женщин, что доктора переглянулись с глубоким изумлением.

Оливия опустила в кресло, стоявшее у стола, и закрыла лицо руками.

Она молила Бога не дать радоваться несчастью владельца Лисльвуд-Парка.

XXXVI ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА

Жители Лисльвуда повторяли один и тот же вопрос: куда делся майор Гранвиль Варней?

Баронет и майор вместе покинули бега, а между тем на дороге, ведущей из Чильтона в Лисльвуд, нашли только одного Лисля. Если леди Лисль в эту тяжелую минуту оставалась спокойной, то с мисс Варней было совсем по-другому. Она бегала как безумная по большому замку и вопила, что муж ее наверняка убит, иначе он, конечно, был бы при баронете. Слугам, ходившим с испуганными лицами, с трудом удавалось ее успокоить, говоря, что майор мог остаться в Чильтоне или уехать в Брайтон, между тем как сэр Руперт отправился домой... да мало ли что могло заставить его отложить возвращение?

— Отстаньте, Бога ради! — отвечала она. — Он убит, это точно, иначе бы он вернулся с баронетом... Заклинаю вас именем Бога, осмотреть всю дорогу от Лисльвуда до Чильтона!

В сумерки грумы и конюхи отправились на поиски майора — точно так, как когда-то другие слуги замка отправлялись на поиски исчезнувшего Руперта!

Майора нашли около полуночи. Осматривая дорогу, люди дошли до ямы, находившейся немного в стороне, и глазам их представилось страшное зрелище: в наполнявшей ее мутной, затхлой воде, покрасневшей от крови, лежал Гранвиль Варней, посиневший и мертвый, с открытыми глазами. Его перевезли в замок и положили на роскошную постель, в которой, бывало, в течение стольких лет он засыпал сладким и благодетельным сном.

Пораженная ужасом и убитая горем, миссис Ада Варней просидела всю ночь и весь следующий день подле останков мужа, неутешно рыдая и не спуская глаз с неподвижного трупа. Известие об этой странной катастрофе облетело все графство и везде вызвало оживленные толки; объявления, прибитые на фонарных столбах, возвестили о награде в двести фунтов стерлингов тому, кому удастся направить правосудие на след злоумышленников, совершивших убийство.

Члены местной администрации энергично принялись за розыск преступников, являясь в Лисльвуд по нескольку раз в день, а сыщики вступали в разговоры с прислугой, которая была не прочь рассказать все, что знала об этом интересном для нее событии.

При осмотре убитого на нем нашли кушак с маленьким порт-папье, который и раскрыли в присутствии властей.

Он содержал в себе пол-листка бумаги; это было какое-то странное послание, написанное рукой майора и подписанное Джеймсом Арнольдом и Рупертом Лислем и засвидетельствованное Альфредом Соломоном.

Вот оно.

«Я, Джеймс Арнольд, иначе — сэр Руперт, признаюсь, что я согласился по подстрекательству моего отца Жильберта Арнольда, находящегося теперь в Америке (насколько мне известно), играть роль сэра Руперта Лисля из Лисльвуда, что в Суссекском графстве, и что посредством этого обмана я вступил во владение всем имуществом означенного сэра Руперта Лисля, хотя знал, что он жив и живет

до сих пор в Йоркском графстве.

Написано 10-го октября 18...

Джеймс Арнольд, назвавшийся Рупертом Лислем.

Засвидетельствовал: Альфред Соломон».

Альфред Соломон признал свою подпись, и удивленные представители правосудия предложили ему сказать все, что он знает об этом документе.

— Мне известно лишь следующее, — ответил слуга, глаза которого опухли от непритворных слез, так как он был сердечно привязан к своему господину. — Мой хозяин совершенно случайно узнал, что этот молодой человек — самозванец, и хотел заявить об этом правосудию, чтобы восстановить права законного наследника, но потом он подумал, что еще не известно, как суд взглянет на дело и как трудно представить для этого доказательства! Да к тому же законный наследник не показывался, и хозяин решил оставить все как есть — из чувства сожаления к бедной молодой женщине, на которой женился этот подложный лорд.

— Майор стал, таким образом, соучастником преступления, — сказал один из судей. — Он скрывал то, что знал о преступном подлоге, и равнодушно смотрел, как чужой человек пользовался правами настоящего лорда Лисля. Это было нечестно, даже очень нечестно!

— Он умер, — произнес угрюмо Соломон, — и если вы хотите судить его поступки и обвинять его, говорите при мне: я служил ему около девятнадцати лет, и он был для меня хорошим господином.

После этого замечания мистер Соломон повернулся на каблуках и вышел, предоставив представителям правосудия поступать как им вздумается.

Между тем Джеймс Арнольд — подложный Руперт Лисль, все еще оставался в бессознательном состоянии, хотя светила науки прилагали все силы к тому, чтобы добиться желаемых результатов, а мистер Дэвсон почтительно наблюдал издали за их манипуляциями: сельский доктор не мог уехать от больного, которого судьба привела к нему в дом в поддержку его скромной, мало доходной практике.

Ни в комнате больного, ни в других частях замка ничего не знали об открытии, сделанном судьями, затевавшимися в спальне майора Варнея.

В это же время серьезные открытия были сделаны на другом конце графства. Какой-то человек сомнительной наружности пытался разменять билет в сто фунтов стерлингов в трактире одного из сел, расположенных вблизи морского берега. Хозяину трактира, который находился под свежим впечатлением насильственной кончины несчастного Варнея, взволновавшей все графство, удалось задержать этого человека и уведомить об этом лисльвудскую полицию. Телеграмма его полетала со станции на станцию, и через три часа в трактир вошел какой-то пожилой джентльмен и прошел прямо в зал, где Жильберт Арнольд коротал день за трубкой и бутылкой пива. Пожилой джентльмен уже арестовал шестерых подозрительных субъектов — отчего же не сделать того же и с седьмым в надежде выйти на след настоящих преступников? Так Жильберт Арнольд снова очутился в Ливисской тюрьме. При обыске у него нашли золотые часы Варнея и несколько ассигнаций; он, по-видимому, с глубокими равнодушием относился к ожидавшей его участи. Тюремщики делали с ним, что хотели, не встречая никакого протеста; он молча смотрел на них своими желтоватыми кошачьими глазами, горевшими каким-то ненормальным огнем.

Узник соседней камеры слышал ночью, как Арнольд разговаривает сам с собою.

— Я только для этого вернулся из Америки, — говорил арестант, — я обещал отомстить, и я сдержал слово... Пусть меня повесят, если это доставит им удовольствие, я готов на все: я сдержал слово.

Он повторял эти слова с какой-то дикой радостью, потирая свои мозолистые руки. Однажды на утренней заре ему вдруг привиделось бледное, искаженное лицо Гранвиля Варнея, с угрозой смотревшее на своего убийцу, но браконьер не отступил перед грозным видением, как сделал бы кто-нибудь другой.

— Я вижу вас, — сказал он, — вижу ваши лукавые голубые глаза, вашу коварную улыбку, ваш хитрый, лживый рот и лисьи бакенбарды. Я сдержал свое слово, а вы поплатились за ваши злодеяния. Мы в расчете, майор!

Через три дня после ареста Жильберта Арнольда подложный Руперт Лисль скончался, признав подлинность документа, найденного при убийстве Варнее.

— Да, — произнес он слабым, прерывающимся голосом, — эта моя подпись, но подлог был придуман не мною. Один майор Варней управлял этим делом с начала до конца.

Старший из докторов взял на себя труд сообщить леди Оливии Лисль о смерти ее мужа.

Она спокойно выслушала весть о его кончине, но минутой спустя, в первый раз в жизни, упала без чувств. Послали за полковником, который поспешил прибыть в Лисльвудский замок.

— Я жестоко наказана за свое честолюбие! — говорила Оливия. — Этот роковой брак принес мне только позор и унижение. Забери меня домой, папа, в мирный Бокаж, если я еще вправе вернуться к прежней жизни.

Пока одно за другим следовали все эти происшествия, Клэрибелль Вальдзингам находилась в Гастингсе. Один из представителей правосудия в Лисльвуде, старый друг ее дома приехал, чтобы рассказать ей обо всем, и начал обсуждать, как вернуть настоящего наследника Лисльвуда, если он еще жив.

Первым делом их было поместить в «Таймс» такое объявление:

«Сэр Руперт Лисль. — Просят всех, кто в состоянии дать какие-либо сведения относительно этого джентльмена, пожаловать к мистеру Вильмору, нотариусу в Лисльвуде, в Суссексе».

Через два дня в Лисльвуд явился Реморден.

Нотариусу Вильмору пришлось выслушать странную, но тяжелую повесть, рассказанную бельминстерским викарием с пылким, сердечным красноречием и отчасти уже известную нашим читателям; справедливость ее была подтверждена Ричардом Саундерсом, молодым человеком, воспитывавшимся в Бельминстере и прямо заявившим, что он — сэр Руперт Лисль. Он рассказал про случай, происшедший с ним в дни детства в Бишер-Рид, после которого он пришел в себя в больнице, где провел, вероятно, несколько месяцев; он описал, как был увезен из больницы человеком, который навязался ему в дяди, но которого он помнил отлично в качестве слуги очень высокого, видного господина с красивыми усами; он рассказал о маленькой деревне на морском берегу, в которой он прожил, быть может, два-три года в обществе старой Мэгвей, и как дядя Джорж или, вернее, Соломон старался убедить его, что все воспоминания из поры его детства — нелепые бредни расстроенного мозга; слуге было приказано сходить за Соломоном, чтобы он подтвердил рассказ Саундерса, но этот дальновидный и достойный субъект успел удалиться из замка, пока собрание судей ломало себе головы над мудреным вопросом: как поступить с ним в этом затруднительном случае? Взамен него, однако, нашлись другие люди, фактами доказавшие истину слов Ричарда. Во-первых, миссис Вальдзингам: материнский инстинкт при взгляде на Ричарда безошибочно сказал ей, что это ее сын! Ее сердце забилося таким живым восторгом, такой искренней радостью, каких она не ощущала, когда в прижимала к груди наглого самозванца Джеймса Арнольда. А о радости сына, увидевшего мать, бесполезно и рассказывать.

— Я вспоминал о вас, как о чудном видении, — воскликнул он, обняв обеими руками тонкий стан Клэрибелль, — я помню, что у вас были длинные локоны, которыми я часто играл, так же, как вашей золотой цепочкой. В моей памяти сохранились моя детская комната и портрет отца... я все твердил о нем, а меня называли сумасшедшим.

Но самое веское подтверждение рассказа было дано суду Жильбертом Арнольдом, обвинявшимся в убийстве Гранвиля Варнее. Когда суд уличил его в совершенном

злодействе, он сознался во всем. Он рассказал, как майор вынудил его выдать своего сына за Руперта Лисля и как майору Варнею удалось после этого стать полновластным хозяином замка Лисльвуда, прибрав Джеймса к рукам; одним словом, Арнольд разоблачил всю эту ловкую интригу.

По окончании следствия Клэрибелль Вальдзингам возвратилась в Лисльвуд, из которого уехала во избежание дальнейших столкновений с его бывшим владельцем. Она уже не застала в нем миссис Ады Варней, которая отправилась на континент, оставив в Лисльвуд-Парке письмо на имя Клэрибелль и маленький пакет, тщательно запечатанный и обвязанный ленточкой. Письмо было написано мелким почерком на двух листах бумаги, и, когда миссис Вальдзингам начала его читать, бледное лицо ее стало еще бледнее; рука ее дрожала, когда она сломала на маленьком пакете именную печать миссис Ады Варней.

В нем было пачка писем, написанных мужским почерком. Это были письма Артура Вальдзингама к той, на которой он женился в Саутгэмптоне и которую бросил тотчас после венчания. Письма доказывали, что он впоследствии формально развелся с нею и что майор Варней повенчался с ней, дав Вальдзингаму слово никогда не рассказывать о его первом браке.

Клэрибелль разгадала тайну власти Варнея над жизнью Вальдзингама. Положив письма в пакет, она бросила их в пылающий камин и задумчиво стояла, пока пылкие уверения Артура Вальдзингама в любви к Аде Варней не превратились в пепел.

Клэрибелль подавила овладевшее ею томительное чувство и пошла к своему старшему сыну.

Сэр Руперт Лисль стоял в столовой и с тихой грустью смотрел на портрет своего умершего отца.

— Руперт! — сказала Клэрибелль, положив ему на плечо свою бледную руку. — Ты ведь будешь любить меня? Я вынесла в прошлом так много испытаний! Но я стану надеяться, что ты и Артур заставите меня забыть мои страдания.

Необходимо ли продолжать наш роман? Не лишним ли будет описывать то мрачное и туманное утро, когда Жильберт Арнольд был выведен жандармами из Ливисской тюрьмы и твердой поступью взошел на грозный эшафот, воздвигнутый на площади, где его настигло возмездие за преступления и где он жизнью заплатил за жизнь Гранвиля Варнея и убитого им лесного сторожа?

Прошел год после описанных событий. В церкви Лисльвуд-Парка была страшная давка: пастор с особой торжественностью соединял две юные четы, и служба еще раз проявил свою власть, удерживая натиск окрестных поселян и делая внушения строптивым и назойливым.

Венчание совершалось без особенной пышности: и хотя дети были одеты в праздничные платья, а дорога усыпана цветами, хотя в Лисльвуд-Парке для местных крестьян был выставлен целый жареный бык и эль лился рекою, при обряде не было ни гордой аристократии, ни экипажей за церковной оградой — здесь стояли лишь две счастливые парочки в сопровождении близких, испытанных друзей.

Первой из церкви вышла Бланш Гевард, опираясь на руку мужа — сэра Руперта Лисля и улыбаясь детям, бросавшим ей цветы, за ней Вальтер Реморден вел свою молодую прелестную жену — бывшую леди Лисль. Полковник Мармэдук отдал ему Оливию с такой твердой уверенностью в ее будущем счастье, какой он не испытывал при первой ее свадьбе, которую отпраздновали с царской роскошью.

Добрый лисльвудский ректор отправился в другой, отдаленный приход, а само ректорство, окруженное тенистыми садами, перешло к Ремордену, который поселился в нем со своей молодой женой.

Бедные жители Лисльвуда благословляют день прибытия к ним Бланш в качестве леди Лисль.

В замке Лисльвуд и в ректорстве водворилось то тихое, благодатное счастье, которое дается немногим избранным.

Миссис Гранвиль Варней закончила свою жизнь в Париже, оставив солидный капитал, скопленный в Лисльвуд-Парке стараниями майора.

Рахиль Арнольд была по общему желанию привезена из больницы, где она изнывала среди умалишенных, и вновь поселилась в хорошенькой сторожке у ворот Лисльвуд-Парка, где в далеком прошлом так часто играли ее сын и сэръ Руперт, а теперь раздавались звонкие голоса детей нового сторожа.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)